

Александр Юрченко

Крепости и замки Сирии

Как родилась серия «Древности Средиземноморья»

Идея объехать все страны Средиземноморья родилась у меня лет пятнадцать назад, когда я впервые услышал о «карте Кюмона», найденной в Сирии на раскопках античного города Дура-Европос^[1] бельгийским археологом Францем Кюмоном^[2] и названной в его честь. На кожаной обшивке щита пальмирского лучника^[3] был отображён маршрут, или дорожник («интернарий»^[4] – латин.) – карт, как таковых, в обиходе тогда ещё не существовало. Сохранилась лишь часть так называемой «карты Кюмона» – путь между крепостями Одессос^[5], *censored*сонес^[6] и Трапезунд^[7]. Мысленно я дорисовал недостающие участки: от крепости Дура-Эвропос на Евфрате к берегу Средиземного моря и дальше через территорию современной Турции и через Босфор – к нашим рубежам. Воображение не обмануло меня, так как большинство учёных, изучавших находку Кюмона, полагало, что на утерянном участке были нанесены все пограничные крепости римлян. Крепость Дура-Европос, где был найден «интернарий», являлась южным рубежом империи, а *censored*сонес – восточным. Таким образом, обнаружилась связь между римской провинцией Сирия и «украинским» (по нынешнему месту расположения) *censored*сонесом. Такое открытие показалось мне знаком свыше и подтолкнуло к дальнейшему изучению темы.

В 3-м веке н. э. Древний Рим занимал обширную территорию вокруг Средиземного моря, и от всех пограничных крепостей в разных направлениях были проложены военные дороги – *via maris*, мощенные булыжником. Часть этой транспортной системы по

наследству перешла к Восточной Римской империи, затем к Византии и арабскому халифату и, наконец, к Османской империи. Я начал заниматься исследованием этих дорог; по многим участкам, чудом сохранившимся до наших дней, прошёл, и, таким образом, через 10 лет имел представление не только о системе военных дорог Древнего Рима, но и о культуре и истории народов, населявших акваторию Средиземного моря от римского времени (и раньше) до наших дней.

Первая книга моих путешествий «Древние святыни Сирии. По стопам апостола Павла» увидела свет в июне 2011 года в издательстве «Книгоноша». В процессе её подготовки к печати издатель Тарас Бойко предложил выпустить целую серию книг, основанных на моих путешествиях и исследованиях. Так родилась серия «Древности Средиземноморья», а её первой ласточкой стала книга «Древние святыни Сирии. По стопам апостола Павла». Нынешней книге «Крепости и замки Сирии. По следам Лоуренса Аравийского» суждено стать второй книгой серии. Насколько дальше будут прирастать продолжением «Древности Средиземноморья», неизвестно. Это зависит от того, насколько хватит сил, упорства и здоровья мне и издателю, а также от доброй воли спонсоров, без которых такой грандиозный проект вряд ли может быть осуществлён.

Предисловие к книге «Крепости и замки Сирии. По следам Лоуренса Аравийского»

Вторая книга серии «Древности Средиземноморья» неслучайно посвящена Томасу Эдварду Лоуренсу, или Лоуренсу Аравийскому. Обычно, когда говорят об этой легендарной личности, благодаря которой на карте мира со временем появились независимые арабские государства, то вспоминают знаменитый фильм «Лоуренс Аравийский»^[81] с Питером О'Тулом^[91] в главной роли. Но мало кто знает о юношеских годах этой главной легенды времён Британской империи – суперагента британской разведки, боевого офицера, лидера арабского восстания против Османской империи, авантюриста – искателя приключений, археолога, писателя, политика, поэта и философа.

Ещё в детстве Томас путешествовал вместе с отцом по средневековым замкам Уэльса, затем юноша заинтересовался орденом тамплиеров^[10] и в девятнадцатилетнем возрасте совершил велосипедный 2-хмесячный поход по средневековым замкам Франции. В двадцать один год выпускник Оксфордского колледжа Иисуса^[11] Томас Лоуренс осуществил пеший поход по Ближнему Востоку, и, пройдя более 1000 миль^[12] за 2 месяца, изучил крепости крестоносцев в Палестине, Ливане и Сирии. Эти путешествия легли в основу дипломной работы «Влияние крестоносцев на средневековую военную архитектуру Европы», которая была издана в виде книги «Крепости крестоносцев»^[13] его младшим братом Арнольдом Лоуренсом^[14], через год после трагической гибели Лоуренса Аравийского в результате несчастного случая.

Изучая крепости и замки Сирии, я постоянно думал о пути, пройденном молодым Томасом Лоуренсом. Во многом наши дороги совпадали, но иногда они расходились. Наши подходы к изучению фортификационных сооружений на Ближнем Востоке во многом отличались. Томас изучал преимущественно крепости крестоносцев, меня же интересовали все крепости на территории Сирии, как европейские, так и мусульманские. Главное отличие этих сооружений в том, что крестоносцы были завоевателями и строили

громadne крепости, в которых можно было укрыться большому гарнизону и защищаться длительное время. Крепости мусульман служили укрытием для арабских князей-феодалов и их челяди – они находились в своей стране и могли найти защиту в любом другом месте, поэтому не считали нужным возводить фундаментальные сооружения. Крепости крестоносцев в Сирии в основном располагались вдоль берега Средиземного моря или вблизи от него. Небольшие арабские крепости строились в горах в труднодоступной для конницы местности, более крупные сооружения размещались в больших городах – например, крепости в Алеппо и Дамаске.

В отличие от дипломной работы Лоуренса Аравийского, моя книга не носит научный характер. Это не монография, а скорее путеводитель для туристов-одиночек или коллективных групп, желающих ознакомиться не только с устройством фортификационных сооружений, но и с историей раннего и позднего Средневековья.

В первой части книги читатель познакомится с моим путешествием по следам Лоуренса Аравийского, где я буду цитировать выдержки из его дневников и писем. Во второй – читателю будут представлены практически все крепости и замки Сирии, которые мне удалось увидеть собственными глазами и сделать снимки, многие из которых можно считать очень редкими. Особенно это касается крепостей и замков секты ассасинов, которая сыграла особую роль в противостоянии европейцев и арабов в эпоху крестовых походов. В третьей – я расскажу о времени расцвета фортификационной архитектуры в Сирии, об эпохе крестовых походов.

Но сначала несколько слов о Лоуренсе Аравийском.

Автор

Ещё одно предисловие. Вынужденное. Кто такой Лоуренс Аравийский

Я бы никогда не взял на себя труд объяснять, кто такой Лоуренс Аравийский, если бы, рассказывая об этой книге, когда она ещё была в проекте, на утверждение: «Вы, конечно, знаете, кто такой Лоуренс Аравийский?» в девяносто девяти случаях из ста не получал бы отрицательный ответ. Самое обидное состоит в том, что и большинство моих сирийских друзей, особенно молодых людей, ничего не знают об этом человеке. Думаю, если бы такой вопрос я задал молодым британцам, то пришлось бы краснеть и за какую-то часть из них. Увы, время вычёркивает из людской памяти героев, а что же тогда остаётся – страшно подумать.

Лоуренс Аравийский был очень скромным человеком, очень образованным, и очень старомодным, даже для своего времени. Ему нравились средневековые рыцари – тамплиеры, демократия аристотелевского образца, свобода и независимость. Он плохо вписывался в современную действительность имперской Великобритании, всю жизнь искал себя и так и не нашёл. Несмотря на всё это, он самый известный из героических личностей Британии XX века.

Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский) родился 16 августа 1888 года в уэльском городке Термадоксе^[15]. Раннее детство будущего военного героя Британии прошло во французском городке Динаре^[16], а с 1896 года семья переселяется в Оксфорд^[17]. Где-то в 10 лет пытливый ребёнок заметил некую странность – родители никогда и нигде не называли себя «мужем» и «женой». При детях они говорили «мама» и «папа», наедине и при посторонних обращались друг к другу «Томас» и «Сара». Мальчик почувствовал неладное, но возраст не позволял ему понять правду: родители жили в гражданском браке, что осуждалось обществом, т. е. и он, и четыре брата считались незаконнорожденными детьми^[18].

Взрослея, он догадывался обо всём, но ни словом не выдал себя перед родителями, которые, боясь позора и осуждения, тщательно скрывали семейную тайну от постороннего глаза. Это наложило отпечаток на характер Томаса: он рос задумчивым, молчаливым, застенчивым. Зато ночью, за чтением исторических романов из жизни средневековой Англии, он представлял себя рыцарем, скачущим на коне, сражающимся в рыцарских турнирах, защищающим честь Родины на поле брани.

В 1907 году, закончив Высшую школу Оксфорда для мальчиков, Лоуренс поступил в Оксфордский колледж Иисуса, где изучал историю и археологию. На каникулах юноша совершает сложные путешествия: в 1908 году на велосипеде он объехал всю Францию, а в 1909 году прошёл пешком более тысячи миль по Палестине и Сирии. И там, и там он изучал архитектуру средневековых крепостей и замков. С этой темой он защитил диссертацию и получил диплом с отличием. Ещё в колледже на Томаса обратил внимание известный историк-востоковед Хогарт^[19], который пригласил молодого человека участвовать в археологической экспедиции на Ближнем Востоке, где Лоуренсу поручили руководить несколькими сотнями арабских рабочих-землекопов. С 1911 по 1914 год Томас занимался этой тяжёлой работой на раскопках хеттского города^[20] в верховьях Евфрата.

В январе 1914 года Лоуренс присоединился к военно-разведывательному проекту лорда Китчнера^[21] «Обследование Синая», который выдавался за производство топографической съёмки. Итогом этих исследований явился доклад «Пустыня Син», принёсший ему известность.

Знание местности, прекрасное владение арабским языком, природные качества первопроходца-разведчика привлекли к молодому человеку внимание спецслужб и, когда началась 1 мировая война, Лоуренса призвали в армию в чине лейтенанта и отправили служить в качестве переводчика в Бюро по арабским делам в Каире. Здесь очень пригодилось знание арабского языка и реалий жизни на Ближнем Востоке. Сначала Лоуренса командировали в Месопотамию – вести переговоры с немецкими генералами о почётной капитуляции британского гарнизона, попавшего в окружение. Затем ему поручили найти в арабской среде человека, способного возглавить восстание арабов против Османского ига. Лоуренс находит такого человека – наследного принца Фейсала^[22], сына эмира Мекки Хусейна^[23]. Зная схему Хиджазской железной дороги^[24], построенной немцами, Лоуренс устраивает целый ряд диверсий, взрывая несколько эшелонов, снабжающих турецкую армию. Потом вместе с шерифом Насером возглавляет

беспримерный поход на верблюдах через Сирийскую пустыню и 6 июня 1917 года захватывает порт Акабу на Красном море. В 1918 году войска арабов во главе с принцем Фейсалом входят в Дамаск. Лоуренс также участвует в захвате столицы Сирии во главе группы британских войск.

Популярность Лоуренса в арабском мире была чрезвычайно велика. И он симпатизировал арабскому народу, чаяниям арабов о независимости. В 1919 году уже в чине полковника Лоуренс участвует в Версальской мирной конференции^[25], где, наперекор намерениям правительства Великобритании, пытается отстоять идею создания независимого арабского государства. Но идти против налаженной государственной машины тяжело, инициативы Лоуренса остаются без внимания у других членов делегации. В дальнейшем, Лоуренс, разочаровавшись в политике, отказавшись от высших наград Британии, стесняясь своей известности, меняет фамилию (берёт её у своего друга, известного писателя Бернарда Шоу), служит в авиационных частях, занимается литературной деятельностью. Из-под его пера выходит роман об арабском восстании «Семь столпов мудрости»^[26], перевод с древнегреческого «Одиссеи» Гомера.

Жизнь Лоуренса Аравийского полна тайн и остаётся не до конца понятой многочисленными исследователями. Те, кто хочет больше узнать об этой загадочной личности, могут найти ответы на многие вопросы в недавно вышедшей в русском переводе книге «Лоуренс Аравийский» известного британского специалиста по военной тактике Б. Лиддела Гарта^[27].

Я же, в завершение моего краткого рассказа, в котором каждая строчка биографии Лоуренса Аравийского может претендовать, по крайней мере, на отдельную статью, приведу рассуждения писателя о том, какую роль сыграл Лоуренс Аравийский в борьбе арабского народа за независимость:

«Я начал писать эту книгу с намерением дать исторический обзор того восстания арабов, в котором Т. Е. Лоуренсу, естественно, пришлось бы отвести большое место. Я ставил себе целью снять покров «легенды», которым был окутан этот особенно интересный эпизод мировой войны, и выявить его роль в основных военных событиях и в истории ведения иррегулярных военных действий. Мне хотелось также установить действительные размеры личного участия Лоуренса, которое, как я полагал, менее, чем ему приписывает легенда.

По мере того как я углублялся в выяснение вопроса, картина менялась. Крупные события являлись результатом деятельности Лоуренса, прочие становились незначительными. Я увидел, что правда оказалась больше той, которая содержалась в сделанном Лоуренсом разъяснении, что якобы его роль была только координирующей, что он лишь «раздул искры в пламя, превратив ряд не связанных друг с другом выступлений в сознательную военную операцию». По мере уточнения событий, личность Лоуренса выявлялась всё более и более отчётливо. Наконец, я убедился, что восстание арабов было делом его рук. Это и послужило поводом для переработки книги мною заново, и к освещению в ней, прежде всего, роли Т. Е. Лоуренса».

Мнение Гарта очень важно, поскольку вокруг имени Лоуренса Аравийского до сих пор ведётся много споров, а писатель лично знал полковника и часто беседовал с ним.

Часть I. По следам Лоуренса Аравийского

«Я считаю его одним из величайших людей нашего времени. Подобного ему я не вижу нигде. Его имя будет жить в английской литературе, оно будет жить в анналах войны, жить в легендах Аравии».

Уинстон Черчилль

18 июня 1909 года двадцатилетний Томас Эдвард Лоуренс оставил Англию, сел на борт парохода «Монголия», сделал пересадку в Порт-Саиде и 7 июля прибыл в Бейрут. Сто лет спустя после поездки моего знаменитого предшественника, я сел на борт сизокрылого лайнера компании UM-Air в Киеве и, после промежуточной посадки в Аммане, в тот же день 7 июля только уже 2009 года благополучно приземлился в Дамаске. Томаса ожидал 3-х месячный тысячемильный изнуряющий пешеходный маршрут по крепостям крестоносцев в Палестине, Сирии и Ливане. Я собирался повторить ту часть его маршрута, которая проходила по Сирии, с той лишь разницей, что предполагал перемещаться с помощью всех известных цивилизации транспортных средств.

Томас тщательно готовился к поездке. Он брал уроки рисования и фотодела (первые фотоаппараты только появились тогда), чтобы фиксировать всё увиденное. Изучал арабский язык и карты Ближнего Востока. Казалось, вся его предыдущая жизнь была лишь подготовительным этапом перед этим трудным путешествием. Юноша приучал себя обходиться малым количеством еды и воды, спал на полу, купался в пруду в любое время года, много ходил пешком, а если ездил на велосипеде, то в гору поднимался верхом, а вниз нёс велосипед на плечах. Ну и, само собой разумеется, читал по ночам книги об ордене тамплиеров, поклонником которого был, о средневековых рыцарях, об их владениях в Европе и на Востоке. Особо изучал архитектуру средневековых замков, объездил во время каникул на велосипеде всю Англию и Францию, делая фотографии и рисунки. Но больше всего его привлекала эпоха крестовых походов, и чем больше он читал по этой теме, тем больше разочаровывался в духовной составляющей похода и понимал, что истинной целью большинства рыцарей было не спасение Гроба Господня, а земные желания – приобретение собственности и нажива. Уместно будет вкратце напомнить читателю историю первого крестового похода.

В ноябре 1095 года во французском городе Клермоне собрался церковный собор, на котором папа Григорий VII призвал христиан к походу на Ближний Восток с целью помочь братьям-христианам Византии защититься от неверных, а заодно освободить Гроб Господний в Палестине, находящийся в руках мусульман. На призыв откликнулась масса обедневших рыцарей и младших членов феодальных семей, не получивших наследства. Поход возглавили знатные и влиятельные лица: герцог Годфруа Бульонский

из Нижней Лотарингии, крупнейший французский феодал граф Раймунд Сен Жиль Тулузский, норманнский принц Боэмунд Сицилийский и его племянник Танкред^[28]. В декабре 1096 года войска крестоносцев объединились под Константинополем и, одержав ряд побед, в марте 1098 года победоносно вошли в Иерусалим. На захваченной территории образовалось четыре латинских государства: королевство Иерусалимское, графство Триполи и княжества – Эдесское и Антиохийское.

Со временем надёжной опорой крестоносцев на землях Сирии и Палестины стали рыцари двух религиозных братств, созданных на Святой земле после первого крестового похода для защиты паломников. Первое – Суверенный военный орден госпитальеров святого Иоанна – обычно госпитальеры или иоанниты^[29] – основано в 1080 году в Иерусалиме для медицинской и финансовой помощи паломникам, прибывающим на Святую землю поклониться Гробу Господнему. В 1113 г. преобразовано в военный орден.

Второе – орден бедных рыцарей Христа и храма Соломона, обычно – рыцари Храма, храмовники, тамплиеры^[30]. Основан в 1118–1120 г.г. для защиты (конвоирования) паломников, прибывающих на Святую землю.

Госпитальеры и тамплиеры построили в Сирии и Палестине множество грозных и неприступных фортификационных сооружений.

Первой крепостью, где наши с Лоуренсом пути пересеклись, была крепость крестоносцев Крак де Шевалье^[31], расположенная на высоком холме в 40 км к западу от Хомса. Томас сделал о ней следующую дневниковую запись: «Самый красивый замок мира, несомненно, самый живописный из всех, увиденных мною когда-либо»^[32], а нужно отметить, повидал он немало – два года подряд в 1907–1908 г.г. студент Оксфордского колледжа Иисуса проводил летние каникулы в велосипедных поездках по Англии и Франции, изучая фортификационные сооружения средневековой Европы.

К моменту нашей виртуальной встречи в замке ордена госпитальеров или, другими словами, рыцарей-иоаннитов, Томас уже месяц находился на Ближнем Востоке, осмотрел с дюжину крепостей, и мог сравнивать увиденное с европейскими аналогами. Так что его оценка Крака де Шевалье была объективной, и я могу с ней согласиться – это лучший оборонительный замок в мире.

Первые шаги на ближневосточной земле Томас Лоуренс делал с помощью гида. Нужно было привыкнуть к сложному рельефу местности и его особенностям. Не всегда прямой путь был самым коротким, передвигаться по землям Палестины нужно было только по тропкам, иначе можно зайти в такие заросли из средиземноморского дуба и колючих кустарников, что выбраться оттуда было бы себе дороже – это я знал по собственному опыту. Томас так описывает поразивший его рельеф в письме к другу Леонарду Грину^[33]. «Что больше всего поразило меня в Сирии, если коротко, так это крайне тяжёлые условия для передвижения по этой стране. Эсдраэлон^[34] и равнина, на которой лежит Баальбек^[35] – это единственные плоские места. Дорога вдоль берега зажата между морем и холмами

шириной не более 50 ярдов (около 45 метров), и через эти холмы вы не можете ни пройти, ни проехать, так как они усыпаны большими и маленькими валунами – и нигде ни дюйма окультуренной земли. К тому же, на пути ежечасно встречаются бесчисленные маленькие «вади» (русла ручьёв, часто пересохших), глубокие и обрывистые, которые можно пройти только карабкаясь на четвереньках. В один из однодневных переходов от озера Гулех (12^[36]) к Сафду (13)^[37] можно подниматься на 16 тысяч футов (14),^[38] опускаться на 1500 футов в ущелье и только 200 ярдов (180 метров) ровного пути на всём маршруте, только одна узкая тропка, по которой можно пройти без страха попасть под копыта лошади».

Я специально включил в повествование этот длинный кусок, чтобы из первых уст показать, в какие условия попадает путешественник, рискнувший осуществить пеший поход по Сирии. Добавьте сюда изнуряющую летнюю жару, когда термометр зашкаливает за 50 градусов в тени. Вот в таких условиях будущий «король пустыни» Лоуренс Аравийский совершал свой

Кстати, изучив несколько крепостей в районе озера Гулех и Тивериадского озера^[39], Томас отпустил проводника и больше ни к чьей помощи практически никогда не прибегал, путешествуя по стране в полном одиночестве и проходя за день в среднем 26 миль.

В Крак де Шевалье молодой человек задержался на три дня, от зари до заката изучая крепость и накапливая силы перед марш-броском вдоль берега Средиземного моря – на маршруте ему предстояло увидеть ещё пятнадцать крепостей.

Крак де Шевалье

На автовокзале в Хомсе, несмотря на обилие рейсов, стоял образцовый порядок. Рейсы во все концы страны отъезжали строго по расписанию, большинство автобусов, особенно проходящие из Дамаска в Алеппо, были повышенной комфортности, а, следовательно, снабжены кондиционерами. Билет из Дамаска в Хомс обошёлся мне в 3 доллара – для расстояния в 200 километров это практически бесплатно.

Крак де Шевалье – второй по значимости (после Пальмиры) туристический объект Сирии, поэтому самый популярный маршрут из Хомса именно туда, в неприступный замок ордена госпитальеров. Микроавтобусы отправлялись не по расписанию, а по заполнению, но ждать приходилось недолго – машины отправлялись одна за другой.

В Хомсе стояла страшная жара. Причиной тому расположение города. К востоку от него начинается Сирийская пустыня, тянущаяся через весь Ближний Восток к Красному морю. С запада дорогу прохладному воздуху Средиземного моря преграждают Нусайритские горы^[40], которые на местном наречии называются Джебель аль Ансария. Мы выехали за город и быстро мчались по направлению к горам, которые синели вдалеке. После двадцати километров трассы Холмс – Тартус повернули вправо. Как по мановению волшебной палочки горы расступились, пропуская вниз речку Нахр аль Кабир и нас вместе с ней. Мы спускались в долину Букея^[41], маршрутка буквально продиралась через заросли мимозы и эвкалипта. Это был единственный проход к морю, отделённому от

остальной части страны Нусайритскими горами – он называется Хомским коридором. Крестоносцы понимали его значение и построили вдоль него с обеих сторон несколько крепостей. Контроль за Хомским коридором позволял сдерживать натиск эмиров Хомса и Хамы, защищая подходы к портам крестоносцев – Триполи и Тортозе (современный Тартус). Маршрутка пересекала долину, петляя, как заяц, между невысокими холмами.

Природа в долине благоприятствовала земледелию, чем не преминули воспользоваться местные жители. Пустынный пейзаж дороги Дамаск – Хомс сменился благоухающими садами и зелёными огородами. После одного из поворотов открылся вид на Крак де Шевалье – зрелище потрясающее. Не зря кто-то назвал эту крепость – «Парфеноном замков»^[42]. Крепость оккупировала вершину самого высокого холма в округе и гордо несла свои стены и башни, растворяющиеся в горячей дымке. Это часть влажного воздуха Средиземного моря соприкоснулась с сухим жаром пустыни.

Над входными воротами замка красовалась надпись на арабском языке, которая, как мне кажется, открывает путь к пониманию внутреннего мира противников крестоносцев на Ближнем Востоке:

«Во имя Аллаха восстановление этой благословенной крепости было повелено приказом нашего господина и султана царя-победителя, спасаемого Аллахом, Бейбарсом^[43] 8 апреля 1271 года».

О чём говорят эти слова? Во-первых, в них нет злости по отношению к завоевателям, каковыми являлись крестоносцы на этой земле. Сказать о вражеской крепости, почти 200 лет терроризировавшей местное население, что она благословенная? Думаю, у европейца никогда не повернётся язык сказать такое в отношении противника. Дата подписи под словами, выбитыми над воротами, тоже говорит о многом: она сделана всего лишь через 10 дней после взятия Крака де Шевалье армией Бейбарса. Значит, победители сразу же после штурма решили восстановить разрушенную часть замка. Это говорит о значении крепости и о дальновидности арабских властителей.

История замка Крак де Шевалье – это история целой эпохи, значимой для развития Европы и Ближнего Востока. И хотя историками и культурологами тема взаимопроникновения культур народов в эпоху крестовых походов ещё недостаточно освещена, это не значит, что этого взаимовлияния не было.

На месте замка крестоносцев находилась небольшая арабская крепость Хосн аль – Акрад^[44] – в 1031 году эмир Хомса поселил здесь гарнизон курдов, чтобы охраняли дорогу на Триполи. Крестоносцы, двигаясь к Иерусалиму, не стали захватывать крепость, но отметили её важность как стратегического оборонительного сооружения на перекрёстке путей и дорог центральной Сирии. Позже она вошла в состав графства Триполи, но долгое время оставалась той же небольшой крепостью – денег на строительство никак не могли найти. В 1142 году правитель графства Раймунд II^[45] решает передать крепость госпитальерам и возложить на них охрану границ Триполийского графства от сирийских князей и от секты ассасинов^[46], которая возвела в близлежащих горах более десяти неприступных замков. С этого момента крепость

непрерывно укреплялась, пока не приняла к концу 12 законченный вид. Она стала самой мощной крепостью крестоносцев на Ближнем Востоке. Лоуренс Аравийский, который пробыл в крепости 3 дня и отметил здесь своё 21-летие, так отзывался о ней: «...чудеснейшая крепость в мире, несомненно, самая живописная из всех, что я видел, – полное совершенство»^[47].

Правда, в одном из писем молодой исследователь сетовал на то, что крепость оккупировали местные жители и осматривать её затруднительно из-за собак и овец, путающихся под ногами. Двадцатью годами позже французский исследователь Поль Дешамп^[48] писал, что во время его работы только из Большого зала было вывезено несколько машин навоза. Жителей из крепости выселили только в 1956 году. После этого правительство Сирии направило в крепость большую группу учёных из разных стран, которые провели археологические раскопки. После этого приступили к реставрационным работам. И сегодня Крак де Шевалье засиял всеми красками архитектурной палитры.

Окружённая двойным кольцом толстых стен, укреплённая 25-ю башнями, крепость обладала всем необходимым, чтобы выдержать длительную осаду.

Здесь были мельница, хлебопекарня, резервуары для хозяйственной и питьевой воды, масса складских и хозяйственных помещений, столовая, хранилища для масла, вина, копчёного мяса, зерна, силоса, конюшни, загоны для скота. По свидетельству очевидца Вилбранда Ольденбургского^[49], агента императора Священной Римской империи Отто IV, в 1212 году путешествовавшего по Святой Земле под видом паломника, гарнизон крепости насчитывал до 2000 человек – это население средней величины города в Европе в Средние Века.

Неудивительно, что султан Бейбарс решил укрепить крепость – город. Томас Лоуренс в своей студенческой работе отметил эти места.

В первую очередь, бастион, защищающий вход в крепость, и башню рядом с ним. На её стене изображение двух львов, типично восточная тематика. Правда, есть мнение, что башню соорудили монахи-строители незадолго до последних фатальных для них событий. Арабы также восстановили центральную башню, разрушенную при штурме, – на ней мы прочитали арабскую надпись с распоряжением султана. Дело их рук также юго-западная часть наружной стены, и, как считает Лоуренс, надстройки верхних этажей трёх полукруглых башен замка. Споры идут относительно красивой прямоугольной башни на северной оконечности внутреннего двора, которую местные жители почему-то называют башней «принцессы», хотя, как известно, никто из высокопоставленных особ женского пола крепость не посещал.

Башня выделяется среди других объектов крепости своим необычным исполнением. В длину она гораздо больше, чем в ширину. Одну треть её высоты занимают ниши в виде арок. Лоуренс считал, что это «машикули» – бойницы, через которые защитники должны метать крупные камни, если кто-то проникнет через внешние стены крепости. Ряд учёных считает, что эта башня осталась в наследство от замка курдов. Лоуренс более осторожен, но, по его мнению, «принцесса» появилась ранее других сооружений внутреннего двора.

Одной из последних построек крестоносцев является Большой зал – грандиозное сооружение, в котором рыцари собирались в торжественные моменты, в дни праздников, во время военных советов. С ним граничит галерея, через окна которой младшее звено рыцарей, сержанты, оруженосцы могли наблюдать за собраниями своего руководства. В одном из проёмов я обнаружил надпись на латыни, смысл которой злободневен и в наши дни: **«Sit tibi copia Sit sapientia Forma que detur Inquinat omnia sola Superbia si comitetur»**, что в переводе означает **«Имеешь богатство, имеешь мудрость, имеешь красоту, но остерегайся гордости, которая оскверняет всё, к чему прикасается»**.

Крестоносцы недолго успели попользоваться новым залом. Лет через двадцать после его строительства к крепости подступил султан Бейбарс. Ценой многих жизней своих воинов он сумел прорваться через главные ворота во внутренний двор крепости, а потом, сделав подкоп, проник через второй ряд стен во двор цитадели. Но госпитальеры успели укрыться в южном редуте цитадели, взять которую было практически невозможно. Султан не хотел вести длительную осаду и пошёл на хитрость. Он приказал изготовить письмо от имени главного магистра ордена, в котором тот приказывал сдать крепость. Уловка Бейбарса сработала, и 8 апреля 1271 года защитники крепости сдались. Бейбарс отпустил рыцарей под честное слово с условием, что они не будут заниматься грабежами по дороге в Тортозу^[50], куда им, якобы, было предложено передислоцироваться.

Увлёкшись изучением залов и келий, где на протяжении почти двух столетий рыцари-иониты ели, пили, ночевали, отдыхали, готовились к сражениям, молились Господу, я не заметил, как подкрался вечер. Нет, ещё не стемнело, но алая полоска уже видна была на горизонте, за ней скрывалось солнце, обозначая для непонятливых и чересчур увлечённых, что день не вечен, и всему приходит конец.

Я машинально посмотрел вниз: площадка перед входом в крепость была пуста – ни маршруток, ни такси, ни автобусов с туристами. Опасаясь, что меня закроют на ночь вместе с угасшими тенями воинов Христовых, я что есть мочи бросился к выходу. Не пойму, как служитель не закрыл ворота крепости, неужели седьмое чувство подсказало ему, что ещё кто-то остаётся в середине, и, скитаясь во мраке по сырым и промозглым залам, может напрямую испытать все прелести рыцарской жизни.

Я сказал: «Спасибо!»

Сторож сочувственно посмотрел на меня, захлопнул дверь, повесил замок и проводил взглядом, пока я не скрылся за поворотом.

Тропинка вела вниз к селению аль Хосн. Вскоре до моего обоняния донёсся запах костра.

«Это женщины селения готовят ужин своим семьям», – подумал я.

Узкая улочка, обставленная с обеих сторон крашенными белой краской глинобитными строениями с плоскими крышами, принимая все изгибы холма, затейливо петляла по живописному склону. Я как будто вернулся в Средневековье, или, по крайней мере, в атмосферу съёмок многосерийного фильма «Баязет», практически все сцены которого

снимались российскими кинематографистами в Крак де Шевалье, а кое-что вне крепости – на улочках аль Хосна.

Уверен, в последнем случае и декораций возводить практически не пришлось – архаичность строений говорила сама за себя. С другой стороны, я знал, что за внешней неказистостью и архитектурной неприхотливостью скрываются домашний уют и спасительная прохлада в любую самую невыносимую жару.

Неожиданно из-за угла на меня с отчаянным лаем набросилась собака, потом ещё одна... наверняка почувствовали чужака. И вот уже целая стая разъярённых псов оглушительным лаем сопровождает каждый мой шаг. Одна из собак, самая маленькая по виду, старалась больше всех, с завидным постоянством пытаюсь ухватить острыми клыками мою щиколотку. Чем больше я отбивался, тем настойчивей она бросалась на меня, словно призывая своих соратниц на рыцарский бой с неверным, нарушившим их покой.

Плохо бы мне пришлось, если бы не непонятно откуда взявшийся хромой старик с седой бородой в шапке, похожей на узбекскую тюбетейку. Он словно отделился от стены, поднял руку и что-то бросил собакам. Это «что-то» было не словесное, а материальное, возможно, куриная косточка – оно явно понравилось моим преследователям, и они клубком, огрызаясь друг на друга, покатались вниз по улочке, оставляя на обочинах разномастные клочья.

– Ортодокс или латин? – поинтересовался старик на ломаном не то греческом, не то английском языке.

– Ортодокс, – ответил я с достоинством.

Дело в том, что жители долины Букея почти поголовно исповедовали православие. Это не означало, что они не признавали право на жизнь представителей других конфессий, просто их симпатии были на стороне единоверцев, их они принимали с особым радушием. У меня же дома хранился сборник проповедей Антиохийского патриарха Игнатия I^[51], который я успел прочесть до середины, так что я смело мог вступать в дискуссию с любым жителем долины. Тем более что был знаком со священником монастыря святого Георгия – духовного центра местной общины.

Узнав всё это, старик проникся ко мне особым доверием и усадил за стол. Прислуживала молодая женщина, видимо, жена сына. Узнав, что я не намерен возвращаться в Хомс, а собираюсь осмотреть близлежащие крепости, старик предложил не ночлег, а нечто большее.

– Если ты сейчас поедешь в Сафиту, то, переночевав у моего старшего сына, успеешь посмотреть Белую крепость, Калаат Ямхур и Арийму и успеешь к ночлегу в Тартус.

Он позвал младшего сына и попросил отвезти меня в Сафиту.

Кастель Блан, Кастель Руж и Калаат Арийма в придачу

Итак, мой путь по следам Лоуренса Аравийского продолжается. Теперь мне предстояло увидеть три крепости, которые находились в Хомском коридоре и охраняли подход к портам крестоносцев на Средиземном море Тартусу (Тортозе) и Триполи – Кастель Блан (Белую крепость) в Сафите, Кастель Руж (Красную крепость) и Арайму. Если посмотреть на карту Сирии, то мы увидим, что они находятся в вершинах воображаемого равностороннего треугольника с длиной стороны приблизительно пятнадцать километров. Восточную вершину занимает Кастель Блан, западную – Кастель Руж, южную – Арайма или, как её называли крестоносцы, Арима. Они были построены таким образом, чтобы сигнальный огонь, предупреждавший о появлении неприятеля, был виден в каждой из них. Кастель Руж (Калаат Ямхур – на арабском) находилась в семи километрах от Тортозы. Кастель Блан в Сафите была ближайшей крепостью к Краку де Шевалье (расстояние между ними по прямой составляет около двадцати километров). Так что о появлении неприятеля у стен крепости Крак де Шевалье в ту же минуту знали во всех крепостях Хомского коридора и Тортозе. Все вместе они составляли хорошо продуманный укрепрайон, являвшийся непреодолимым препятствием для арабских военачальников.

Сафита располагалась на трёх холмах и в долинах между ними. Поскольку в Сирии стёрта грань между городом и деревней, истинные границы города определить трудно. Его окрестности сплошь утопают в садах и оливковых рощах. Практически каждая семья имеет за городом участок с оливковым садом, всего в Сафите насчитывается миллион этих деревьев, а оливковое масло Сафиты считается самым вкусным и качественным в Сирии. Кроме оливок местные жители выращивают фиги, лимоны и виноград. Эта традиция сохранилась с древнейших времён.

В городе шесть средних школ, три высшие школы и три лицея: медицинский, коммерческий и механический. Согласитесь, довольно много для городка с населением около 30 тысяч жителей. По уровню образованности Сафита вместе с двумя другими городками долины Мармарита и Сауда занимает первые места в стране.

В городе много ресторанов, но провести ни один из них мне не довелось, так как Джордж, старший сын старика из Крака де Шевалье, не отпускал меня питаться на стороне, давая своей молодой жене возможность продемонстрировать все свои кулинарные достоинства.

В Сафите живут преимущественно православные христиане, главным храмом которых является церковь Михаила Архангела, занимающая первый этаж Белой Башни – донжона крепости тамплиеров Кастель Блан.

Башня – это всё, что осталось от когда-то мощной крепости – расположена на вершине одного из трёх холмов и одновременно является единственной архитектурной и туристической достопримечательностью города.

Мне повезло, дом Георгия находится неподалёку от неё. После вечернего кофе с сирийскими сладостями он сходил к церковному сторожу и попросил его открыть церковь, чтобы полюбоваться закатом с крыши Белой Башни. Это было потрясающее зрелище! Улицы в этой части города уходили вниз от башни в радиальном направлении. Скоро утасающие солнечные лучи осветили красные крыши домов, а потом, когда стемнело, всё вокруг засияло иллюминацией, и мы оказались как бы в центре гигантского, горящего огнями колеса. На минуту я представил себя рыцарем-тамплиером, взирающим с высоты птичьего полёта на бrenную светскую жизнь. Удивительно, как сохранилась башня почти в первозданном виде в этом кипящем, бушующем море человеческих страстей.

Первое укрепление на этом месте Аргирокастрон было возведено здесь ещё при византийцах во второй половине X века – император Никифор Фока^[52] предпринял попытку отвоевать у арабов земли, ранее принадлежавшие Византии. Во время первого крестового похода граф Раймунд Тулузский стал отвоевывать эти земли у эмира Триполи Фахра аль Моляка ибн Аммара и они позже вошли в состав Триполийского графства крестоносцев. В 1112 году началось строительство крепости потомками графа для защиты дороги к портам графства. Арабский военачальник Нур ад-Дин^[53] дважды – в 1167 и 1171 г.г. – захватывал её, и, не имея возможности удержать, разрушал. В 1178 году Раймунд III Тулузский^[54], не имея средств на её восстановление, решил отдать крепость тамплиерам. Первым делом они укрепили двойное кольцо крепостных стен, затем принялись возводить донжон – главную башню замка, которая сохранилась и поныне, благодаря высокому качеству работ. Её стены тщательно подгонялись из каменных блоков размером 2 Г— 1 Г— 1 метр. Высота башни составила 28 метров, ширина 18, а длина – 31 метр. Это было самое высокое сооружение в графстве. После землетрясения 1202 года все сооружения крепости, включая стены, были разрушены, а башня устояла. Тамплиеры снова восстановили стены и продолжали владеть крепостью даже после того, как все владения крестоносцев были отвоеваны арабами. Только в 1271 году Кастель Блан была взята Бейбарсом после того, как руководство ордена приказало гарнизону крепости эвакуироваться в Тортозу.

Символично, что Белая Башня продолжает служить людям и сейчас, причём, в том качестве, что планировалось рыцарями-тамплиерами изначально – в качестве церкви. К входу в неё с западной стороны ведут двенадцать ступенек, рядом с дверью – изображение креста, подтверждающее культовое назначение здания. Вместе с прихожанами захожу в дверь и я, и попадаю в огромный церковный зал с высоким сводчатым потолком и узкими окнами-бойницами, через которые тусклый свет прорезает трёхметровую толщу стен. Поражают монументальные размеры помещения, простота интерьера и громадная, почти семнадцатиметровая высота.

Справа от входа в церковный зал – небольшая дверь, за ней – круглая лестница на второй этаж. Его рыцари-тамплиеры использовали в качестве зала для торжественных встреч,

пиров и военных советов. Если присмотреться, на стенах можно заметить мистические знаки и буквы, прочерченные ещё в рыцарское время. Пилоны, сводчатые потолки и пилястры здесь выглядят наряднее, чем на первом этаже. В углу помещения – лестница, которая ведёт на верхнюю площадку – крышу. По её периметру шёл зубчатый каменный парапет с амбразурами. Отсюда осуществлялась световая связь с соседними замками Крак де Шевалье, Кастель Руж и Арима.

В последнюю я должен был выехать с минуты на минуту – машина Джорджа уже ждала меня внизу у входа.

Дорога в крепость тамплиеров Ариму заняла не более пятнадцати минут. Четырнадцать километров по ровному, как стрела, шоссе строго на юг от Сафиты в сторону ливанской границы, поворот направо по направлению к посёлку Ас Сафсафе, на развилке дорог поворот налево, а после въезда в посёлок поворот возле школы направо и далее по асфальтированной дороге на вершину холма.

Место очень живописное. Холм возвышается над долиной реки Нахр аль-Абраш, утопающей в зелени оливковых деревьев. С южной стороны просматриваются вершины гор Антиливана^[55], не сбросившие, несмотря на летнюю жару, снежные шапки. С запада открывается вид на Средиземное море, а на северо-востоке в хорошую погоду, как раз такая сегодня и была, можно разглядеть силуэт крепости Крак де Шевалье.

За небольшой оливковой рощей, опоясывающей холм с западной стороны, я заметил остатки первого пояса крепостных стен. В лучшем состоянии находился второй пояс укреплений – помимо остатков стены сохранилась башня. На самой вершине холма – руины главного замка: две башни, каземат, остатки участок стены и угловой башни.

История крепости Арима плохо изучена. Можно предположить, что идея её строительства с целью защиты Хомского коридора принадлежала наследникам графа Раймунда Сен Жильского и Тулузского, основателя графства Триполи. Понятно, что она существовала до 1149 года, когда о ней было сделано первое упоминание хронистов крестовых походов. Оно связано со ссорой двух представителей семейства графов Тулузских, претендовавших на владение графством.

Граф Раймунд Сен Жильский и Тулузский, один из самых богатых организаторов первого крестового похода, умирает в 1104 году, оставляя после себя двух сыновей от разных жён – Бертрана и Альфонса Иордана. Первый становится владельцем графства Триполи, второму достаются владения семьи во Франции. Дела у Альфонса Иордана идут не очень успешно, и в 1147 году он приезжает на Святую землю как участник второго крестового похода. В это время графством Триполи правит сын Бертрана Раймунд II Тулузский. Вскоре после приезда в Палестину граф Альфонс Иордан внезапно умирает от отравления. Его внебрачный сын Бертран обвиняет в смерти отца

Раймунда II Тулузского и начинает военные действия, первым делом захватив крепость Ариму.

Раймунд призывает на помощь эмира Дамаска Нур ад-Дина. Тот захватывает замок, грабит его, и ... возвращает законному владельцу. Бертран и его сестра попадают в плен. Первый оказывается в заточении в Алеппской крепости, вторая, по слухам, становится женой Нур ад-Дина и рождает ему сына.

Крепость много раз попадала в руки мусульман, но всегда отвоёвывалась крестоносцами. В 1177 г. Раймунд III отдал её ордену тамплиеров, чтобы улучшить обороноспособность Триполлийского графства. Рыцари-храмовники доблестно несли службу и только через 100 с лишним лет в 1291 г. уступили её султану Бейбарсу и последними из крестоносцев покинули Ближний Восток.

Четвёртым замком Хомского коридора, который обследовал Томас Эдвард Лоуренс, был Кастель Руж, арабы называли его Калаат Яхмур. Я надеялся изучить его в световое время и, переночевав в Тартусе, осмотреть город и всё, что связано с крестоносцами. Но жизнь внесла коррективы: позвонил отец Джорджа и попросил его приехать по какому-то срочному делу. Джордж оказался человеком крайне ответственным. Он отвёз меня ещё южнее к шоссе Хомс – Тартус почти к самой границе с Ливаном, остановил проезжающую машину и попросил водителя подвести меня к посёлку Яхмур, возле которого находилась крепость. От Яхмура до Тартуса было километров пятнадцать, так что я ещё вписывался в график, но, зная гостеприимство сирийцев, особенно и не переживал, если ночь застанет меня в дороге.

Как нельзя кстати вспомнился рассказ Лоуренса из письма к матери о гостеприимстве местного населения.

«Когда я вхожу в какой-либо дом, хозяин приветствует меня, и я его тоже, после чего он говорит что-то одной из своих женицин, и они приносят для меня вместо стула тощее одеяло, которое, не сомневаюсь, лежит как подстилка у двери. Я сажусь на него на корточках, и тогда хозяин спрашивает меня четыре или пять раз подряд «как моё здоровье?» и каждый раз я отвечаю ему – «всё в порядке». Затем приносят кофе, после чего следует много вопросов: является ли мой треножник для фотоаппарата револьвером, откуда я пришёл и куда иду, почему пешком и один, а когда я раскладывал свой треножник, хозяин дома восторженно восклицал, цокая языком, и вся деревня сбегалась посмотреть на него».^[56]

Яхмур, несмотря на близость к шумному и многоликому Тартусу, оказался порядочной глухоманью, серым и невзрачным посёлком, редкой дырой даже по меркам Сирии, и, как по мне, мало отличался от глухих деревушек периода Османской империи, встречавшихся

на пути Лоуренса. Считается, что на этом месте находился древний город Симира, известный ещё по ассирийским и древнеегипетским источникам.

Крепость стояла на ровном месте, практически не возвышаясь над посёлком. Это редкость для крепостей Сирии того времени – я знал всего несколько, которые находились в одной плоскости с окружающим рельефом. Сохранилась часть стен и массивное прямоугольное здание – донжон. Мощный пилон посреди зала поддерживает сводчатый потолок. На крышу здания ведёт крутая лестница. Здесь за каменным зубчатым парапетом рыцари укрывались, когда основная часть крепости была занята противником.

Крепость была взята Нур ад-Дином в 1152 году. Через двадцать лет Раймунд III пообещал отдать Кастель Руж ордену госпитальеров, если монахи-рыцари вернут её в «лоно» Триполийского графства. В 1177 г. госпитальеры отбили её у арабов, но ненадолго, в 1188 г. крепость захватил Салах ад-Дин^[57]. Только в начале XII века госпитальеры вернули Кастель Руж в свою собственность и владели ею до 1289 г., когда крепость взял штурмом султан Калаун^[58].

Я поднимался по лестнице на крышу донжона, освещая фонариком дорогу. Рядом на стене высвечивались какие-то надписи и знаки, видимо, сделанные рукой монахов. В морской дымке виднелись очертания острова Арвад, до Средиземного моря оставалось около пяти километров. Наверное, так же, как я, смотрел на остров последний рыцарь Кастель Руж. Тортоза далеко, а мощный замок Крак де Шевалье уже сдался мусульманам. Надежды на спасение не было. Слишком ненавистны султану Калауну были госпитальеры – самые мужественные рыцари из всех военных сил крестоносцев. А может, всё-таки Калаун поступил так же, как султан Бейбарс, разрешивший эвакуировать гарнизоны замков Крак де Шевалье и Маркаб^[59]. И ушли они сначала в Тортозу, а потом переправились на остров Арвад^[60].

Мне предстоял путь в Тортозу (современный Тартус), до которой оставалось одиннадцать километров. Этот путь я хотел пройти пешком, как Томас Лоуренс, но посчастливилось пройти только четыре километра, меня подобрала машина, следующая до Тартуса. Я не стал отказываться.

Тартус – весёлый город

Мы приехали в город ещё в светлое время суток. Благодетель, подобравший меня на шоссе в семи километрах от Тартуса, отказался от денег.

– Нет, нет. С путешественников я не беру, – объявил он, высаживая меня в центре города, возле Кадмус ст., и дал домашний адрес на случай, если я не устроюсь в гостинице.

Пройдя по центральной улице с музыкальным названием Аль-Тавра (почти – литавры) мимо огромного парка к площади с часами, я повернул налево и остановился у небольшого отеля с европейским названием «Дэниел», рекомендованного мне сирийскими друзьями. Хозяин отеля, молодой человек лет двадцати пяти сдал мне номер

на две ночи за 30 долларов и рассказал, что основные достопримечательности Тартуса, собор и крепость, находятся в двух шагах от гостиницы.

Утро я начал с осмотра крепости. Найти её и понять, что перед глазами знаменитая Тортоза – оплот госпитальеров в Сирии, было очень трудно. Фактически, территория крепости – это жилой район Тартуса, называемый жителями старый город; он застроен так плотно, что яблоку негде упасть.

Внутренне я завидовал путешественникам, видевшим крепость во всей её первозданной красе. Те же чувства испытывал и Лоуренс Аравийский, когда проходил здесь во время своего юношеского пешего перехода по Ближнему Востоку. Лоуренс располагал планом крепости и её описанием, сделанным французским историком Эммануэлем Реем^[61] в 1871 году, и полагал, что француз сорок лет назад мог видеть замок в лучшей сохранности, чем он в 1909 году. Мой поход и время Лоуренса разделяли сто лет: значит, мне достались жалкие крохи от увиденного Томасом Лоуренсом. Правда, барон Эммануэль Рей, в свою очередь, то же самое мог сказать в адрес своих предшественников. Один из них, посланник императора Священной Римской империи Отто Четвёртого Вильбрандт из Ольденбурга, путешествуя по Ближнему Востоку с целью подготовки 5-го крестового похода, был здесь в 1212 году на пути из Бейрута в Антиохию^[62]. Слава Богу, он оставил записи, по которым можно было судить о Тортозе периода её расцвета. Вилбрандт высоко оценил стратегическое положение Тортозы. Особо отметил наличие гавани, в которой стояли генуэзские и венецианские суда. По его описаниям, крепость в плане имела вид прямоугольной трапеции, самая длинная сторона которой выходила к морю. Параллельные стороны трапеции сегодня окаймлены набережной Аль Корниш и улицей Аль Аюби, улица Халед ибн аль-Валид примыкает к её прямоугольной стороне.

Спустившись по улице Халед ибн аль Валид до бензоколонки и обойдя её с левой стороны, я прошёл в узкий тёмный переулок. Дойдя до его угла, я обнаружил, что оказался между двумя поясами стен в том месте, где крепость отделялась от города рвом. Сводчатый проход, построенный уже в более позднее время, вывел меня на территорию замка. Этот вход я видел на плане французского барона-историка, так что найти его было не очень сложно.

Двор замка в наше время представлял собой городскую площадь, застроенную по периметру жилыми строениями. Ветер с моря перекачивал по ней обрывки газет и пластиковых пакетов, стая мальчишек гоняла в углу дырявый футбольный мяч. За ними я заметил что-то наподобие зала с разрушенной стеной. По плану Вилбранта, здесь должен был находиться большой зал для торжественных встреч. Его длина была 44 метра – половина современного футбольного поля, а ширина 15 метров, сейчас сохранилась лишь половина. Когда-то зал украшали гранитные колонны античного происхождения, свет в середину проникал через двойной ряд нарядных окон. Вдоль стен были расставлены рыцарские доспехи, трофеи и боевые знамёна, захваченные у мусульманской армии. В северо-восточной части площади начинается улочка, которая вела к некогда изящной часовне, от которой остались остатки входа. Колоссальный донжон, описанный Вилбрандом из Ольденбурга, находился на западной стороне цитадели со стороны порта. Сейчас он напоминает двухэтажный дом с вырезанными местными жителями окнами и

встроенными балконами. Сохранилась только эта нижняя часть башни и то из-за того, что выложена массивными каменными блоками. Верхнюю часть, как и большую часть стен и башен, растащили местные жители, которые строили из подручного материала свои жилища. Часть из них так облепила остатки стен и башен, что найти первозданные участки крепости задача не из лёгких. Донжон был самым мощным укреплением Тортозы. Когда в 1187 г. после разгрома крестоносцев в битве под Хитином^[63] Салах ад-Дин подступил к городу, госпитальеры, которым не под силу было оборонять всю крепость, укрылись в донжоне и оказали такое сопротивление, что грозный арабский полководец был вынужден снять осаду.

Вообще, в биографии Тортозы присутствуют как героическая, так и романтическая составляющие.

Когда граф Раймунд Тулузский и Сен – Жильский захватил город в 1101 г., он нашёл здесь полуразрушенную часовню, а в ней древний алтарь и икону Божьей матери. Существовало предание, что алтарь освящён апостолом Петром во время его путешествия из Иерусалима в Антиохию, а икону писал сам Св. Лука Евангелист. Поэтому паломники на пути к Гробу Господню всегда посещали Тортозу, чтобы прикоснуться к этим святыням. Казалось, город вечно будет процветать под их покровительством. Но случилось так, что в 1152 году ассасины убили Триполийского графа Раймунда II, в чьи владения входила Тортоза. Некоей растерянностью в рядах крестоносцев не преминул воспользоваться грозный атабек Нур ад-Дин. Он занял город в том же году и удерживал его двадцать лет, пока рыцари ордена тамплиеров не отвоевали Тортозу уже у его преемника, не менее грозного полководца Салах ад-Дина. Граф Раймунд III Триполийский передал город во владение рыцарям Храма и не прогадал. Тамплиеры построили укрепленный порт и обнесли город высокой крепостной стеной. Более ста лет после этого Тортоза была одним из главных портов крестоносцев на Ближнем Востоке. Её не смог взять даже султан Бейбарс (он встал лагерем у стен города в 1263 г.), который сокрушил не одну крепость защитников Гроба Господня. Лишь в 1291 г. отряды султана-мамлюка Калауна смогли выбить из него рыцарей, но ни одного из них не захватили в плен. Под донжоном находились казематы, сохранившиеся до наших дней, которые позволяли крестоносцам даже при осаде иметь доступ к морю – конструкции подземелья были так искусно устроены, что лодки заходили прямо под каменные своды. В случае опасности, осажденные могли покинуть крепость водным путём. Так и случилось, когда рыцари поняли, что не смогут устоять перед натиском мусульман – они попрыгали из донжона в барки и уплыли на остров Арвад, который расположен в двадцати километрах от Тортозы. Потом тамплиеры перебрались на Кипр, куда вывезли святыни Тортозы. В хрониках того времени рассказывалось, что лик Богородицы при этом источал слёзы.

Собственно собор Богородицы, где размещалась чудотворная икона, и являлся главной достопримечательностью Тартуса. Свернув с улицы Аль Аюби на Аль Маншия, я через две минуты вышел на площадь, над которой возвышалась эта воистину жемчужина не только крестоносного, но и западноевропейского зодчества. Собор является одним из лучших в мире архитектурных творений в романском стиле. Через 12 лет будет отмечаться 900-е со дня начала его строительства, и то, что, выдержав проверку временем, он сохранился до наших дней в первозданном виде, уже является настоящим чудом.

Я уже говорил о том, что икона Божьей матери и алтарь, освящённый самим апостолом Петром, привлекали в Тортозу тысячи паломников. Внук основателя Триполийского графства Раймонда Тулузского и Сен – Жильского граф Понс Триполийский^[64] решил возвести на месте древней часовни церковь. Строительство было начато в 1123 г. и закончено при сыне Понса Раймунде II Триполийском. Собор находился вне крепостных стен города, поэтому позже, возможно, при рыцарях-тамплиерах, к его восточному фасаду были пристроены две башни. В мирное время они служили помещениями для крещения, а в военное выполняли оборонительную функцию, о чём свидетельствуют многочисленные бойницы в их стенах.

Всё внутреннее пространство собора разделено тремя нефами, которые разделены рядами колонн. В северном нефе классическая романская планировка несколько нарушена. Вторая от входа колонна покоится на высоком постаменте, в котором проделан проход. Он оформлен как вход в какое-то помещение или отдельное здание. Мнение учёных о предназначении этого прохода разделяются.

Одни считают, что отсюда вёл подземный ход в крепость тамплиеров. Версия, на первый взгляд, слишком смелая, но имеющая под собой прагматическое основание. Очевидно, что отдельно стоящая церковь-крепость с оборонительными башнями не может выдержать длительной осады. Вполне возможно, что существовал тайный подземный ход для бегства от неприятеля, тем более что до стены цитадели всего 170 метров.

По мнению других учёных, именно на месте северного нефа находилась древняя часовня со святынями – предмет поклонения тысяч пилигримов из Западной Европы. Возможно, эта часть нефа отделялась каменной стеной, и в ней были помещены алтарь и чудодейственная икона, исцелявшая от болезней, в частности, от бесплодия.

Собор Тортозы пользовался исключительной популярностью среди высокопоставленных особ, которые приезжали сюда на исповедь или на службу в честь религиозных праздников. В 1219 г. в соборе двумя ассасинами был убит старший сын правителя Антиохийского княжества Боэмонда IV – принц Раймунд. В 1225 г. здесь венчался с вдовой кипрского короля Алисой Шампанской король антиохийский князь Боэмонд V^[65].

Дальнейшая история Собора Тартуской богородицы носит трагический характер со счастливым концом. В 1667 году собор был превращён в конюшню, затем использовался как складское помещение. В 1851 году здание превращено в мечеть, а сохранившаяся часть массивной звонницы была реконструирована в минарет. Однако, новая мечеть, имевшая для мусульман необычный вид, не пользовалась популярностью, поэтому в 1914 году её стали использовать как казарму для турецких войск. После свержения османского ига здание сначала использовалось в качестве приюта для беженцев и как склад, пока какой-то светлой голове не пришла мысль передать его музейной администрации как памятник архитектуры XII–XIII вв., что и было сделано в 1922 году. В 1956 года у заброшенного собора началась новая жизнь, ему был присвоен статус Исторического музея. С этого момента стала формироваться городская музейная экспозиция, о чём стоит рассказать особо.

Проведя один полноценный день в Тартусе, мне, как и Томасу Лоуренсу, захотелось вернуться сюда ещё раз, но цели у меня и у него были разные.

У Томаса – научные. «Я собираюсь остановиться в Тартусе в следующем году и хорошо его обследовать. Это очень интересное место», – писал он в дипломной работе. У меня – общечеловеческие: я полюбил этот город и единственное, чего мне не доставало, это общения с его жителями, потомками древних финикийцев, греков, римлян и арабов, современных сирийцев, добрых и отзывчивых людей.

Тартус вытянулся вдоль моря причудливой дугой. Одно удовольствие ходить по его улочкам. Кажется, что все они ведут к набережной, где собирается чуть ли не половина городского населения. Здесь на скамеечках можно встретить и молодых, и стариков, и почтенных матрон. А когда в вечерние часы включается яркая иллюминация, и оживают маленькие ресторанчики, каждый со своим музыкальным репертуаром, и не только восточным, понимаешь: Тартус ещё и самый весёлый город Сирии.

На мой взгляд, Тартус – самый европейский город из всех сирийских городов. Конечно, я имею в виду не архитектурные особенности – улицы полны арабского колорита – а дух города, пронизанный урбанистическими оттенками, характерными для современного мегаполиса двадцать первого века: это быстрый ритм жизни, отсутствие неторопливой изнеженности, свойственной жителям центральных областей Сирии, современная демократичная одежда жителей, особенно молодёжи, отсутствие праздности и неги во взглядах прохожих.

С этими мыслями я сладко засыпал в гостинице, переосмысливая увиденное за день и внутренне готовясь к продолжению путешествия по следам Лоуренса Аравийского.

В логове ассасинов

Для меня до сих пор остаётся загадкой, почему Томас Лоуренс решил посетить крепость секты ассасинов Масьяф^[66] в то время, как целью его пешеходного проекта было изучение замков крестоносцев. После знакомства с оборонительной системой Хомского коридора и крепостью Тортоза в Тартусе, логичнее было продолжить движение на север вдоль побережья Средиземного моря к замку госпитальеров Маркабу. Расстояние между Маркабом, расположенном перед портом Баниясом^[67], и Тортозой – не более тридцати километров – Лоуренс, отдохнувший в Тартусе, мог бы преодолеть за один день. Однако Лоуренс выбрал другой путь – 56 километров по дорогам и тропам через Нусайритские горы в Масьяф, а оттуда в обратном направлении, только чуть выше, через Кадмус^[68] к Маркабу – это ещё 48 километров. В итоге получался приличный крюк. Учитывая, что стояла середина августа, впереди предстоял долгий путь в Алеппо, потом изучение крепостей Антиохийского княжества в северной части Сирии и возвращение морем домой, чтобы успеть к концу каникул в колледже, – непонятное решение. Если бы Лоуренса интересовала история секты ассасинов, господствующих в Нусайритских горах под боком у крестоносцев, и архитектура их крепостей, то он не должен был пройти мимо цитадели Хаваби^[69], расположенной в трёх – четырёх километрах от дороги, по которой он шёл. Но об этой крепости Томас нигде не вспоминал: ни в книгах, ни в письмах. Всё

же, зная симпатии Лоуренса к ордену рыцарей Иисуса и храма Соломона – другими словами, тамплиерам – рискну предположить, что ассасины, занимавшие особое положение в борьбе крестоносцев и мусульманами, интересовали его. Но история ассасинов связана с историей исмаилитов. Коротко расскажу о ней.

После смерти Пророка Мухаммеда на Аравийском полуострове начались проблемы... Образовались две ветви новой религии – ислама. Сунниты, наряду с главной священной книгой всех мусульман Кораном, признавали сунну – собрание, содержащую предания о поступках пророка Мухаммеда и его изречения. Шииты, кроме Корана, почитали только избранные места сунны.

Главой государства у арабов считался халиф, лицо выборное.

Но шииты настаивали на том, что верховная власть предопределена свыше и должна принадлежать только наследникам Пророка, а именно потомкам четвёртого «праведного» халифа Али – соратника, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Передача власти, по их мнению, должна была осуществляться от отца старшему сыну.

У Али было много детей от разных жён – 14 мальчиков и 19 девочек. По мере дробления рода увеличилось число претендентов на власть, вызывая в стане шиитов различные ответвления. Одно из них – исмаилизм.

Шестой шиитский имам Джаафар ас-Садик лишил своего старшего сына Исмаила права наследовать сан. Вот тут – то и начался великий раскол. Часть шиитов не согласилась с этим решением, и после смерти ас – Садика провозгласила седьмым имамом Мухаммеда, сына Исмаила. Боясь возмездия, потомки Исмаила бежали. Мухаммед – в Персию, его дети – в Индию. Али с сыновьями – в Сирию. К концу 11 века в Персии, на южном побережье Каспийского моря, образовались первые исмаилитские общины. Глава одной из них, основатель секты ассасинов Хасан Саббах^[70], захватил замок Аламут^[71] и положил начало созданию государства ассасинов, единственного в своём роде, так оно не имело границ – его подданные небольшими анклавами жили в захваченных крепостях.

Название ассасины происходит от арабского «хашишашин», то есть, «потребители гашиша» – наркотики использовались в секте для поддержания строжайшей дисциплины. Постепенно ассасины захватили несколько крепостей с прилегающими территориями в горных районах Северного Ирана. Эти разрозненные территории фактически образовали отдельное государство, не подчинявшееся правящей в то время в Персии династии турок – огузов из рода Сельджуков и любым другим иранским правителям.

Ассасины активно занимались миссионерской деятельностью и с этой целью проникли в Сирию, где действовали весьма успешно, правда, не гнушаясь подкупом, интригами, а иногда и холодным оружием. В начале XII века эмир Алеппо Рыдван первым из сирийских

вельмож поддержал «миссионеров» и примкнул к секте. Он выделил сектантам помещение, в котором они вели пропаганду своих взглядов. За это ассасины отблагодарили Рыдвана в присущей им манере: прямо в мечети во время проповеди «неизвестные» закололи его злейшего врага – эмира Хомса Джанаха ад-Даула. К середине 12 века они, уже владеющие десятком хорошо укреплённых замков, представляли серьёзную силу.

В это время в Сирии происходили жестокие сражения между крестоносцами, организовавшими на Ближнем Востоке свои государства, и арабскими правителями. Дары и подношения рекой текли в сундуки секты, где перемешивалось золото как тех, так и других. Правда, симпатии ассасинов часто менялись в зависимости от собственных интересов.

В 1126 г. они поддержали сельджукского атабека Дамаска Тогтекина и помогли ему отбиться от войска крестоносцев. В 1149-м уже вместе с «освободителями гроба Господня» сражались против арабского полководца Нур ад-Дина. Через три года ассасины убили одного из лидеров крестоносцев Раймунда II, графа Триполитского, а в 70-х дважды покушались на жизнь грозы крестоносцев Салах ад-Дина. Интересно, что этот арабский полководец, чудом оставшийся живых, и не пытался отомстить. Возможно потому, что заключил тайное соглашение с обидчиками, одним из пунктов которого было убийство его главного врага – Конрада де Монферрата, короля Иерусалимского государства крестоносцев. Арестованные на допросе признались, что являлись ассасинами, а убийство совершили по «заказу» короля Англии Ричарда I. В этом была доля правды, так как выполнение заказных убийств было постоянной практикой ассасинов. В их среде воспитывались воины-смертники «федаины», для которых ничего не стоило пойти на смерть ради веры. Хорошо тренированные и идеологически выдержанные, они поддерживали воинственность немалыми дозами гашиша. Особую преданность и фанатизм федаины испытывали к своим вождям.

Граф Анри Шампанский^[72], посетивший замок ассасинов Кахф, наблюдал такую сцену: «На высоких башнях замка несли дозор закутанные в белые одежды стражи. Желая произвести впечатление, шейх подал сигнал, и тотчас двое из них не раздумывая ни секунды, бросились с башни в пропасть на острые камни». А на прощание, сделав богатые подарки, хозяин замка предложил свои услуги по устранению любого, кого пожелает граф. Не удивительно, что сильные мира сего предпочитали не ссориться с членами опасной секты.

Обо всём этом я вспоминал, собираясь в дорогу. В гостинице за тридцать долларов я заказал такси на весь день, и в шесть утра в радужном настроении выехал за город, но не по той дороге, что шёл Томас Лоуренс, а чуть севернее – мне показалось заманчивым делом осмотреть крепость Хабаби.

Скажу откровенно, я не прогадал, потому что не петлял сразу по горам, а проехал 11 километров по ровному, как стёклышко, шоссе Тартус – Латакия. – И время сэкономлю и

новую крепость ассасинов посмотрю, – думал я, глядя из окна машины на синие волны Средиземного моря. – Дорога узкой стальной лентой протекала между морем и горами, начинавшимися буквально сразу от шоссе.

До этого я видел несколько крепостей ассасинов. Они забирались высоко в горы в труднодоступные районы, обычно располагаясь на высоких холмах или скалах, окружённых другими холмами и долинами. И местность хорошо просматривалась, и добраться к ассасинам верхом на лошади, если и было возможно, то только по цепочке, спина в спину. Это позволяло защитникам крепостей вести убойный обстрел из луков и арбалетов. Так что практически никто не рисковал их побеспокоить, а сами ассасины, как я уже говорил, были головной болью как для крестоносцев, так и для местных мусульман.

Возле городка Ас-Сода машина свернула направо, и началось то, за что нельзя не любить Нусайритские горы. Если во времена Лоуренса Аравийского путешественники и местные жители добирались до своих сёл по узким тропинкам, то сейчас везде проложены дороги, неширокие, но очень высокого качества: нигде не видно ни выбоин, ни щербинки, ни какого-либо другого, хотя бы незначительного дефекта – это касается самых отдалённых уголков Сирии, где мне только приходилось бывать.

Шоссе весело петляло между горных вершин. Пейзаж напоминал Карпаты. Такие же покатые склоны, поросшие лесом, «зелёные полонины» и море цветов по обе стороны дороги. На промежутке в 17 километров, что мы углублялись в горы, нам не встретилось ни одной машины, зато часто попадались крестьяне, трудившиеся на своих участках. Они поголовно культивировали растение, листья которого после сушки употребляются для курения: их мнут пальцами и заворачивают в тонкую бумагу, так что каждый курильщик сам мог сделать себе сигаретку.

Как я и ожидал, крепость находилась на самом высоком холме в окружении своих собратьев в долине реки Хсейн. Холм опоясывала хорошо сохранившаяся каменная лестница, которая вела наверх к цитадели. Один край лестницы врос в крутой бок возвышенности, второй был обращён к пропасти, так что подниматься нужно было осторожно и не смотреть по сторонам. Хотя соблазн был большой – вид открывался потрясающий! Думаю, описать красоту этих мест смогло бы только перо высокого романтика, возможно, такой силы дарования, как лорд Байрон.

Мы с водителем прошли сквозь широкие ворота, сделанные в невысокой башне на самой вершине холма, ... и остановились, потрясённые увиденным зрелищем, диссонирующим с романтическим видом окрестностей.

Нам открылась небольшая деревушка, состоящая из аккуратных домов-кубиков под плоскими крышами и таких же маленьких двориков. Вокруг росло множество оливковых деревьев, на зелёной лужайке паслись козы и овцы, по единственной улице вдоль крепостной стены бегали детишки. Увидеть среди этого хаоса что-то похожее на крепостные сооружения, было сложно. Местные крестьяне показали нам одно древнее здание в верхней части крепости, которое они называли «Дом Аги» (позже я узнал, что в

нём когда-то находилась резиденция «Старца Горы»), и ещё одно поменьше – в нижней части.

В каждом доме нас приглашали выпить кофе, но мы вежливо отказывались, ссылаясь на то, что у нас мало времени. Впереди нас ждал Масьяф.

Оставшиеся сорок километров мы промчали за час. Это очень быстро, учитывая возраст автомобиля и петляющую в горах дорогу.

Крепость была видна издалека, хотя и располагалась на плоской равнине; она возвышалась над городом, словно золотая корона на царской голове.

Таксист попросил разрешения навестить своего родственника, который работал полицейским в Хаме, но сегодня был выходным. Я по опыту убедился, что, когда таксисты совершают дальние поездки, они любят совмещать прекрасное с полезным – навещать каких-то своих родственников или знакомых, которых они давно не видели. Полицейский, звали его Халид, жил на узкой улочке, мощённой древним булыжником, возможно, взятым из крепости, которая находилась рядом за углом. Я сказал водителю, что пока он будет у родственника, осмотрю замок, но он настойчиво просил и меня зайти вместе с ним. Я долго отказывался, но, в конце концов, согласился.

Дом Халида состоял из трёх маленьких комнат и крохотной кухни. Жил он очень бедно, чуть ли не единственным предметом обихода в гостиной был старенький телевизор, наверное, доставшийся ему от родителей, даже стул для меня принесли из другой комнаты. И я уже пожалел, что согласился, так как знал, что без застолья нас отсюда не отпустят.

Пока жена готовила обед, полицейский расхаживал по комнате с маленьким сыном на руках. Мать стража порядка, лица её не было видно из-за чадры, налила нам по стаканчику чая, вернее, по пиале, похожей на стаканчик. Родственники оживлённо болтали между собой, а я, чтобы не терять времени, отпросился посмотреть замок.

Сначала на его месте возвышалась римская сторожевая башня, потом – византийский замок. Наконец, арабы возвели небольшое укрепление.

Масьяф расположен на невысоком утёсе и в плане представляет собой вытянутый с севера на восток овал. Хорошо сохранились стены с многочисленными прямоугольными башнями. В них видны фрагменты колонн и других архитектурных деталей, напоминающих о своих предшественниках. В 1103 г. крепость была захвачена отрядом крестоносцев под предводительством Раймунда Тулузского и Сен Жильского. В 1110 г. по соглашению с атабеком (правителем) Дамаска она была возвращена мусульманам в обмен на ежегодную дань. В 1127 г. Масьяф купило семейство Мункызов^[73], владевшее также крепостью Шейзар^[74]. В 1140 г. они перепродали Масьяф ассасинам. Здесь была устроена главная резиденция «Старца Горы» Рашида ад-Дина Синана аль-Басри^[75].

«Горный старец» путём подкупа и террора значительно усилил позиции ассасинов в Сирии. В их руках находилось более 10 крепостей, в основном, в Нусайритских горах. И

мусульманские правители, и крестоносцы пытались разыграть ассасинскую карту. Деньги, украшения, золото рекой стекались в Масьяф. Говорят, где-то в развалинах крепости спрятан тайник с несметными сокровищами.

Я не первый раз бывал в Масьяфе, но не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться крепостью ещё раз. Она реконструировалась неоднократно. Ассасины, как только могли, укрепляли её, потому что, в отличие от их других замков, Масьяф не был спрятан в горах и не находился на возвышенности.

В 1220 г. большие работы по укреплению стен и внутреннему благоустройству были проведены Камаль ад-Дином, тогдашним главой ассасинов. Ещё одним «меценатом» Масьяфа стал очередной «Старец Горы» Тадж ад-Дин Абу-ль-Футух. В 1249 году он опоясал крепость новыми стенами, о чём свидетельствует надпись на арабском языке.

Старания старцев-благотелей не пропали зря – крепость очень красиво вписалась в интерьер города и является его главной достопримечательностью.

Многие специалисты по истории древностей с восторгом отзываются о Масьяфе. Многие, но только не Лоуренс Аравийский, по следам которого я иду неотступно.

Давая характеристику арабской оборонительной архитектуре, Лоуренс, сравнивая Кадмус и Масьяф с цитаделью в Алеппо и Дамаске – более поздними образцами арабской фортификации периода султана Бейбарса, называет эти крепости ассасинов «нелепо слабыми».

Я, конечно, поспорил бы с достойным противником о красоте Масьяфа, будь он сам профессор-мидеевист, но не в данный момент, даже если бы он появился сейчас в арке крепостных ворот или из-за угла полуразрушенной башни. Мне, а, вернее, моему желудку, настойчиво казалось, что пора идти на обед.

Если уж я заговорил об обеде, признаюсь: меня всегда интересовал вопрос, что ел мой юный визави в дороге, путешествуя пешком по Сирии. Из дневниковых записей Томаса Лоуренса я понял, что ел он два раза в день: рано утром, когда вставал с рассветом, и вечером – когда останавливался на ночлег. Что касается еды, я, безусловно, был в лучшем положении, чем Томас тогда. Даже в самом отдалённом селении сейчас есть хотя бы одно кафе, где можно перекусить, или магазинчик, где можно купить что-нибудь из еды. Лоуренс же мог рассчитывать только на гостеприимство местного населения, которое на Востоке традиционно высокое. Вот что пишет он в одном из писем матери:

«На ужин у меня были либо хлеб, либо «лебен» (арабский напиток из кислого молока, своего рода йогурт), или очень редко – молоко. Иногда я приобщался к сообществу любителей национальной кухни и ел «бургул» – это блюдо представляло собой ростки пшеницы, сваренные в слабо кипящей воде. В зависимости от того, как и кем он был приготовлен, «бургул» мог быть сухим или довольно скользким. Никто не может съесть его много, так что необходимо, чтобы рядом была река, чтобы избавиться от него. Я верю, что есть и другие национальные блюда, но не среди местных крестьян в это время года.

Никто не пьёт ничего, кроме воды, исключая кофе, который всегда предлагается гостю»^[76].

Я всегда удивлялся, что в меню Лоуренса, несмотря на то, что лето было в зените, практически отсутствовали свежие овощи, что так характерно для сирийской кухни сейчас. Сегодня меня угостили чечевичным супом, кабачками и баклажанами, фаршированными овощами и мясом, салатом из овощей, обильно сдобренным оливковым маслом, непременно присутствующим на каждом столе. Мой обед в Масьяфе не отличался особой изысканностью, это был обед рядового сирийца, но от трапезы Лоуренса он отличался так, как отличается обед нищего, просящего подавание у мечети омейядов, от обеда шейха средней руки.

Поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы отправились в Кадмус, до которого было рукой подать, всего километров пятнадцать, чтобы посмотреть крепость, о которой Томас высказался так нелестно.

Кадмус – первая крепость, приобретённая ассасинами на сирийской земле. В 1132 г. они купили её у местного мусульманского правителя Сайфа ал-Малика ибн Амруна, за год до того отбившего её у крестоносцев. Это было время, когда проповедники исмаилитов с шумом – это мягко сказано – были изгнаны из Алеппо и Дамаска. Очевидно, времени на поиски не было, и они купили первое, что им предложили, но, тем не менее, сделали здесь свою временную резиденцию.

Когда мы въехали в город Кадмус и спрашивали каждого встречного, где находится крепость, все только руками разводили. Так прошло с полчаса. Мы объездили несколько улиц городка, раскинувшегося у невысокого холма, кстати, тоже обильно застроенного, но буравить крутые склоны как-то не хотелось. Наконец, мы остановились у автобусной станции, и мой водитель разговорился с коллегами по ремеслу. Через пять минут он, смущённо улыбаясь, сообщил, что крепости нет. Когда-то, в незапамятные времена, она находилась на вершине холма, вокруг которого мы ездили туда – сюда, но уже давно её разобрали по камням местные жители и построили на её месте и рядом с ней свои дома. Вот тут-то я вспомнил о фразе Томаса Лоуренса из письма матери: «Крепость в Кадмусе разрушена, однако, исходя из её вида на вершине холма, становится совершенно ясно: она оккупирована деревней, в которой я остановился на ночь в августе 1909 года»^[77]. И понял, почему местные жители беспомощно разводили руками. Большинство из них, а может быть, даже их родители, попросту не знали, что здесь когда-то была крепость. Об этом, очевидно, мало кто знал и сто лет назад.

Крепость Маркаб

К крепости Маркаб, которую крестоносцы называли Маргат, я подъезжал под вечер. Передо мной стояла дилемма: или заезжать в курортный городок Банияс на берегу Средиземного моря, который уже маячил впереди, или ехать в Маркаб в пяти километрах от города. В первом случае, я бы провёл ночь в каком-нибудь комфортном отеле у моря и утром, заказав такси, отправился бы в крепость. Второй вариант сулил осложнения. Но что значат мои трудности по сравнению с тем, что переносил Томас Лоуренс – будущий

Лоуренс Аравийский, который каждый день прокладывал путь в неизвестность. Согласно карте, вокруг Маркаба в радиусе 4-х километров не было населённых пунктов, и передо мной вставал риторический вопрос: как быть с ночлегом? Путешествуя по следам Лоуренса Аравийского, я всегда внутренне спрашивал себя, а как на моём месте поступил бы герой Британии. Естественно, я выбрал второй вариант и не пожалел, так он принёс мне неожиданного помощника и гида в одном лице. Им оказался сторож крепости, приветливый и добросердечный человек.

Сердце моё затрепетало ещё на далёких подступах к объекту моего исследования – крепость была видна издалека и выглядела не менее впечатляюще, чем Крак де Шевалье, любимая крепость Лоуренса Аравийского: её стены растянулась на вершине плоского холма примерно на полкилометра. Водитель такси завёз меня наверх и остановился у небольшого строения возле ворот. Вечерело. В уходящих лучах солнца Маркаб выглядел так же могущественно и неприступно, как когда-то в средние века. Я вспомнил о том, как в 1187 г. Салах ад-Дин, разбив всю армию крестоносцев под Хиттином, подступил к его стенам, но, простояв пару дней, понял, что взять такую крепость в честном бою невозможно, и повернул назад. Я призадумался... а не повернуть ли обратно.

Таксист, видя мою растерянность, взял на себя роль менеджера-распорядителя моей судьбой. Получив деньги за вояж, он, конечно, мог бы просто оставить меня здесь, но тогда он не был бы сирийцем. Он о чём-то переговорил с арабом, сидящим возле входа на камне и курившим какую-то арабскую самокрутку. В этом регионе каждый крестьянин выращивает особую травку, используемую вместо табака.

Итак, вопрос ночлега решился легко и непринуждённо. Проснулся я с рассветом. С вершины холма открывался прекрасный вид на море, в утренней дымке ещё мерцали не потухшие с ночи огни Банияса, отчаянно дымили три высокие трубы, по-видимому, принадлежащие местной теплоэлектростанции. Я решил обойти Маркаб по периметру, на что ушло около двух часов. Стены крепости хорошо сохранились, особенно с южной стороны. Внушительнее всего выглядела западная сторона крепости, там, где размещалась цитадель с возвышавшимся донжоном, выложенным из чёрного кирпича.

Я успел к открытию крепости. Рядом с воротами уже стояло два экскурсионных автобуса, туристы покупали входные билеты. Услышав русскую речь, я пристроился к одной из групп.

Обзор начали с цитадели. Повернув от ворот направо и пройдя несколько десятков метров, мы повернули в ещё одни ворота и оказались во внутреннем дворе. Наиболее заметным и лучше всего сохранившимся зданием была часовня конца XII века. Как и все постройки Маркаба, она была выложена из чёрных базальтовых блоков. Внутри часовня представляла собой обширный зал, завершавшийся полукруглой аспидой с приделами по обеим сторонам. Несколько лет назад смотритель, протирая стены от копоти, обнаружил на стенах часовни остатки фресок. В 2009 году сирийско-венгерская экспедиция приступила к реставрационным работам и открыла под многовековым слоем пыли две

хорошо сохранившиеся росписи с изображением ада и рая. На первой показаны мучения грешников: часть из них помещена внутрь огромного колеса, утыканного ножами, вторая группа сгорает в пламени костра, издавая, по-видимому, ужасающие крики. На второй фреске изображены святые, попавшие в рай.

Между часовней и донжоном – громадное здание в два этажа. Если зайти с внешней, северной, стороны, видны выступающие из нижней части стен консоли, предназначенные, по-видимому, для крепления балок стойл лошадей. С противоположной стороны здание и часовня образуют уютный дворик; в углу – квадратный каменный жёлоб, скорее всего, часть системы для сбора дождевой воды.

С юго-западной стороны к донжону примыкает большой зал – место военных советов и праздничных торжеств. Здесь гроссмейстер госпитальеров в 1229 г. принимал венгерского короля, привезшего ценные дары на укрепление обороны Маркаба и Крака де Шевалье. К залу пристроено красивое помещение с тремя окнами, из которых открывается великолепный вид на море. Здесь располагались покои коменданта гарнизона.

Самая мощная башня крепости – донжон диаметром 29 метров – одна из самых больших, из построенных крестоносцами на Ближнем Востоке. Сохранились остатки зубцов в её верхней части; по рядам бойниц видно, что башня была трёхэтажной.

Одно из интересных мест – угловая северо-восточная башня. Стены обоих поясов обороны так близко подходят друг к другу, что получается, что одна башня, как бы стоит на другой. Это мешало врагам в случае овладения первым поясом стен полностью окружить цитадель.

Крепостью восхищались как непревзойдённым образцом французского фортификационного искусства, как современники, так и исследователи нашего времени. Например, известный нам Вилбранд Ольденбургский оставил такие воспоминания:

«Это огромная и мощная крепость, защищённая двойными стенами и несколькими башнями. Она стоит на высокой горе. Эта крепость принадлежит Госпитальерам и является самой мощной из всех в этой стране. Она стоит лицом к лицу с многочисленными крепостями Старца Горы и султана Алеппо и осуществляет такой контроль за их тиранией, что собирает с них ежегодную дань в 2000 марок. Каждую ночь четыре рыцаря-госпитальера и двадцать восемь солдат несут стражу здесь. Госпитальеры содержат здесь 1000 человек отдельно от гарнизона. Каждый год на землях вокруг замка собирают урожай пшеницы, который увозили более чем на 500 повозках. Провизии в крепости хватает на пять лет»^[78].

Мусульманский географ Якут, писавший в 1220-х годах, высказывается более лаконично, но не менее восторженно:

«Все говорят, это крепость, подобную которой никто не видел».

Крепостью и расположенным на берегу моря в трёх километрах от подножия замка городом Валения (сейчас Банияс) с 1119 г. владело семейство Мазуар, имевшее большой

вес в Антиохийском княжестве. Шевалье Рено I Мазуар (Мансер), констебль Антиохии (1101–1131 г.г.), был одним из самых влиятельных баронов Антиохийского княжества. Он отличился в сражении регента княжества Рожера Салернского с атабеком Алеппо Ильгази из династии Артукидов, известном как битва «на Кровавом поле». Из 700 рыцарей, участвовавших в сражении, в живых осталось только двое: Рено I Мазуар – главный конюший княжества и Готье – канцлер княжества. С группой оруженосцев они сумели пробиться из окружения. О знатности рода говорит тот факт, что сын Рено I – Рено II женился на Агнесс, дочери правителя Триполлийского графства Понса, мать которого, Сесилия, была сестрой французского короля Луи VI.

В 1140 г. Рено II, больше известный из истории не по фамилии отца Мазуар, а по её транскрипции Мансер, решил перестроить крепость Маркаб и так увлёкся строительством, что увеличил периметр её стен в десятки раз. На строительство и содержание крепости ушло почти всё состояние семьи, поэтому Бертран Мазуар решает продать Маркаб госпитальерам 1 февраля 1186 году, почти сразу после смерти отца. Тем более что землетрясения 1157, 1170 и 1186 гг. нанесли крепости урон, требовавший значительных средств на восстановление. Сумма выплат составляла ежегодную пенсию в размере 2200 золотых безантов, которые выплачивались бывшим владельцам в Триполи, куда семейство Мазуар (Мансер) переехало после продажи своих владений.

При госпитальерах крепость вышла из-под подчинения Антиохийскому княжеству и более ста лет представляла собой островок независимости, окружённый мусульманскими землями. Монахи-воины не отказывали себе в удовольствии совершать вместе с обитателями Крака де Шевалье совместные «партизанские» рейды по вражеской территории.

В 1267 г. госпитальеры заключили с султаном Бейбарсом, покорителем замка Крак де Шевалье, перемирие на 10 лет 10 месяцев 10 дней и 10 часов. «Утихомирить» грозных рыцарей смог лишь султан Калаун в 1291 г. Не исключено, что преемник Бейбарса терпел бы госпитальеров и дольше, если бы те не выступили вместе с монголами войной против султана. В 1281 г. Калаун отразил нашествие монгольского хана и приступил к подготовке войны с госпитальерами. В полной секретности, подготовив большое количество осадных башен и катапульт, собрав под свои знамёна лучших лучников, Калаун 25 апреля 1285 г. появился под стенами Маркаба. Монахи-госпитальеры, умелые воины, закалённые в боях, в течение месяца отбивали атаки мусульман. Калаун понял, что взять Маркаб штурмом не удастся. Оставалось пойти на хитрость.

Легенда о Маркабе и султанине Калауне

Как-то после одного из неудачных штурмов полководец сидел у костра возле своей палатки.

– О, Аллах, – воскликнул он, сжимая в руке осколок чёрного базальта, – проклятый камень не поддаётся никакой силе.

И в ярости бросил его в огонь. Долго сидел Калаун у костра, мрачно разглядывая языки пламени, и вдруг на его глазах раскалившийся камень треснул. Обрадованный султан собрал военный совет и рассказал о придуманном им плане захвата крепости.

И вновь арабское войско ринулось на приступ. С крепостных стен Мркаба летели сотни стрел и огромные камни, лилось кипящее масло, но под южной стеной арабские специалисты пробили углубление и подвели под неё запал из множества деревянных брёвен. Жарко запылал огонь, раскаляя каменную кладку, осадные машины забрасывали на стену горящую смолу, и под напором огня сдался чёрный камень – неприступная стена рухнула.

Воины Калауна бросились в пролом, захватывая бастионы крепости. Крестоносцы взмолились о пощаде: один за другим, низко опустив головы, проходили они через крепостные ворота, а сверху, со стены замка на них смотрел торжествующий султан Калаун.

Так оно было, или нет, теперь никто не может сказать. Из документов того времени известно, что султан предложил госпитальерам капитуляцию и те согласились. Султан обошёлся с оставшимися в живых рыцарями так же по-рыцарски: всем была сохранена жизнь и свобода, разрешено взять с собой 55 лошадей и мулов, гружённых имуществом, и 2000 золотых монет.

Саон

Я сидел на террасе гостиницы «Меридиан» на берегу уютной бухты в семи километрах к северу от Латакии, потягивая горький арабский кофе, и разглядывал морские камешки, которые я всегда собираю, находясь у моря. Останавливаться в Латакии, в этом шумном портовом городе, мне не хотелось – что толку, что море рядом, ты всё равно его не увидишь. Другое дело мыс Рас ибн Хани, ещё его называют Лазурным берегом Сирии. Здесь море рядом, вот оно, в двадцати метрах от моего кресла. Захочу – встану, потрогаю его, захочу – буду любоваться им издали, ещё лучше сделать аэрофотосъёмку с какого-нибудь воздухоплавательного аппарата. Что я увижу тогда? Гигантскую оранжевую миску, до краёв наполненную бирюзовой морской водой, лежащую на изумрудном ковре. Край миски – это глинистый пологий берег, образованный двумя мысами Рас ибн Хани и ещё одним, безымянным. Изумрудный ковёр – зелёная зона многочисленных отелей и вилл, окаймляющая весь берег бухты.

ОТЕЛЬ находится как раз по центру этого воображаемого края миски, вдающегося в берег. Другой её край сливается с горизонтом, отчего кажется, что море, выгнувшееся дугой большого радиуса, сейчас выплещется и окажется прямо у моих ног.

Собирать камешки – это философское, а не детское занятие... Я подолгу рассматриваю каждый из них, пытаюсь определить возраст и род занятий изучаемого объекта.

Вот этот в прошлом был кусочком от разбитой тарелки, выброшенной в море каким-нибудь морским пиратом. А этот откололся от прибрежной гранитной скалы на конце мыса, где расположен старый маяк, известный из латинских Средиземного моря как маяк в Рас ибн Хани. Возраст камешков определить затруднительно. Знаю одно: маленькие – это старички, которым, возможно, по 100 тысяч лет и больше. Камешки среднего размера – пожилого возраста – им, наверное, по 50 тысяч. Крупные – это молодята, им по 20 тысяч лет, а может, и меньше. А сколько тогда самым маленьким, размером с песчинку?

Я расслабился. Хотелось остаться, пожить здесь недельку, есть вкусную еду, слушать тихую арабскую музыку и пить этот горький кофе в маленьких чашечках, величиной с напёрсток.

Хорошо Томасу Лоуренсу – у него не было таких соблазнов. Шёл он и шёл по пустынной дороге, мимо редко встречающихся деревенек, обдуваемый морским ветром и обжигаемый палящими солнечными лучами. А может, так же как и я, остановился однажды, спустился к морю, поднял крошечный камешек из воды и призадумался: неужели и я, Томас Эдвард Лоуренс, подающий надежды студент Оксфорда, выгляжу такой песчинкой в этом безбрежном море жизни?

Ход моих размышлений прервал менеджер отеля, который сообщил, что подъехала машина, заказанная для поездки в Саон – последнюю крепость крестоносцев на маршруте Лоуренса по сирийской земле. Я знал, что Томас, начитавшись любимого Рея, серьёзно готовился к встрече с этим фортификационным чудом, и причин для этого было несколько. Найти Саон, не зная точного месторасположения крепости, очень трудно. Это не цитадель Маркаб, которую видно любому проезжающему по шоссе Тартус – Латакия, и не замок Крак де Шевалье, который можно рассмотреть с расстояния в двадцать километров.

Во все века основным критерием при строительстве крепости считалось расположение её на возвышенности, с последующим доминированием над окружающей местностью. Саон же, громадная крепость, не уступающая по размерам Маркабу и Краку, так умело «спрятана» в глубоком ущелье, что искать её можно долго. Тут как нельзя лучше подошла бы фраза – «её найти так же трудно, как иголку в стоге сена», если бы не одно но – длина этой «иголки» около ста пятидесяти метров. Как тут не удивиться замыслу владельцев и мастерству её создателей!

Лордом Саона, т. е. его владельцем, ещё до 1118 года стал один из выдающихся рыцарей Антиохийского княжества Робер сын Фулька, по прозвищу Лепро, которому подарил земли к востоку от Латакии регент Антиохии Рожер. Робер, кроме Саона, владел ещё двумя крепостями Балатнос (арабское название Махальбе) и Данитом (Сармадой). В иерархии баронов Антиохийского княжества он занимал второе место после владельца Маркаба Мазуара и командовал антиохийской конницей. Защищая свои владения, в сражении при Сармаде, известном как «битва на Кровавом поле»^[79], Робер попал в плен к эмиру Ильгази, который уступил важного пленника атабеку Дамаска Туктегину. До

этого атабек несколько лет поддерживал дружеские отношения с Робером, однако, это не помогло рыцарю. Туктегин пытался склонить своего друга к переходу в Ислам, а когда тот отказался, в гневе казнил Робера, а череп, украсив брильянтами, сделал чашей для вина. Наследник Робера, Гийом, получивший имя де Сардана (de Zerdana), упоминается хронистом того времени Гийомом Тирским, который писал, что Gulliame de Zerdana помог княгине Алисе^[80] после гибели мужа Боэмунда стать регентшей Антиохийского княжества.

Судя по тому, во что превратили Робер и Гийом небольшую византийскую крепость, находившуюся до прихода крестоносцев на месте Саона, отец и сын были большими романтиками. Когда первый европеец Эммануэль Рей, после семисот лет забвения в конце XIX века увидел Саон, он не мог скрыть своего восхищения и описывал её в своём труде в самых восторженных тонах. Вторым европейцем, который увидел её, по-видимому, был Томас Лоуренс. Ему очень пригодились описание Рея, без него он вряд ли нашёл бы Саон. Можете себе представить состояние Лоуренса, когда он, вслед за Реем, увидел возвышающуюся посреди ущелья грозную крепость, скрытую от глаз людских окружающими холмами. Он ожидал увидеть чудо, но увиденное потрясло его, к тому времени заболевшего малярией.

«Саон, возможно, чудеснейшая из крепостей, которую я когда-либо видел, – пишет он матери. – Изумительный донжон в нормандском стиле, совершенный во всех отношениях, другие башни в изобилии, часовни, бани (арабские) и дворец. Больше всего мне кажутся оригинальными ворота и ров – его ширина колеблется от 15 до 27 метров, а глубина – от 18 до 40 метров – представьте себе, он вырублен в скале. А в центре рва оставлена гранитная игла, чтобы поддерживать середину подъёмного моста. Это, на мой взгляд, самая сенсационная вещь, какую я когда-либо видел в строительстве крепостей. Жалею, что я не художник. Здесь сотни других вещей, вызывающих интерес для специалистов в строительстве. Я оставался здесь два дня...».

Восторг Томаса Лоуренса стал понятен, когда наша машина, пропетляв добрый час среди бесчисленных зелёных холмов, стала спускаться в ущелье по крутому серпантину, скрипя тормозами и грозя сорваться вниз при каждом новом повороте. Опасность усугублялась тем, что как только мы подъехали к краю плато и начали спуск, солнце быстренько спряталось за огромную чёрную тучу, неожиданно выплывшую из-за гор, поднялся ураганный ветер, раздался гром, и в мгновение ока дорога стала такой скользкой, что вполне сгодилась бы в качестве бобслейной трассы.

За очередным поворотом дыхание у меня перехватило, но не от страха за свою жизнь: сквозь потоки дождя, стеной стоявшего перед лобовым стеклом, моим глазам открылась фантастическая картина.

Почти всю ближайшую к нам часть ущелья занимала вьющаяся длиной змейкой крепость. Её сердцевина и нависшие над ней каменные своды ущелья утопали среди буйной растительности, сквозь которую кое-где пробивались стены и смущённые башни, всем

видом своим протестовавшие против неумолимого хода времени и наглого буйства природы, грозившего полностью скрыть их от глаз людских.

Мы спустились на дно ущелья и нашли узкую входную дверь в одной из стен. Узкий зазор между крепостью и окружавшими её скалами был заполнен маршрутками и легковыми автомобилями, которые облепили крепость со всех сторон. Такого обилия туристов мне не приходилось видеть ни в Маркабе, ни в Крак де Шевалье – сказывалась близость Латакии, средиземноморской жемчужины Сирии. Латакия в грозную пору войн крестоносцев какое-то время принадлежала вдовствующей антиохийской княгине Алисе, а Саоном в это же время правил Гийом, сын Роббера. Какие были отношения между княгиней и вассалом, я не знаю, но Гильом Тирский писал, что владелец Саона поддержал бунт Алисы против её отца, короля Иерусалимского королевства Балдуина, и возвёл её на опустевший трон. Похоже, время не осталось равнодушным к этой истории и перекинуло мостик между туристами, посещающими Латакию, и крепостью. Сейчас все они спрятались от ливня где-то внутри грозой цитадели, а я стоял в немом изумлении, не смея оторвать глаз от её мощных стен. Я находился как раз в том месте, где проходил ров, описанный Томасом Лоуренсом. Когда-то стены крепости соприкасались с этой стороны со скалистым плато, и, чтобы сделать Саон полностью неприступным, рыцарь Гийом приказал выдолбить в горной породе ров длиной в сто пятьдесят метров. Позже я услышал от гида одной из групп, что объём вынутой здесь скальной породы равен объёму одной из пирамид Хеопса. Только за это я бы причислил Саон к одному из чудес света. Но самое удивительное было в том, что камнетёсы, выполняя замысел владельца, сумели так выдолбить породу, что оставили посреди рва гранитный столб высотой более двадцати метров для поддержки подъёмного моста, когда войскам гарнизона нужно было срочно попасть в крепость, спасаясь от врагов. Глядя снизу вверх на вершину иглы, я представлял себе, с какой осторожностью рыцарям нужно было передвигаться по узкому мосту, особенно всадникам на лошадях, чтобы не свалиться в пропасть. Думаю, в спешке или в сутолоке кто-то мог и сорваться вниз. Я внутренне вздрогнул: и костей не соберёшь!..

Не буду утомлять читателя подробным описанием внутренней части. Всё как везде в крепостях крестоносцев. Мощный донжон, который мог служить последним оплотом защищающейся стороны, хозяйственные постройки, цистерны для сбора дождевой воды, часовня, несколько башен по периметру крепостных стен.

С каждой башни открывается неповторимый вид на ущелье. Но самое волнующее зрелище открывалось от восточных ворот: на иглу и противоположный край ущелья, ровно вытесанный камнетёсами и до блеска отполированный временем. Здесь, на краю плато Ат-Тун, Салах ад-Дин установил метательные машины и наблюдал, как трехсоткилограммовые ядра пробивают брешь в стене. 29 июля 1188 года султан дал команду к штурму. Осаждающие ворвались в крепостной двор, но не обнаружили никого из защитников Саона – все они, понимая неотвратимый конец, укрылись в донжоне за мощными стенами толщиной в пять метров.

Салах ад-Дин взял неприступную крепость за три дня, и его имя в 1196 г. было присвоено крепости. Взять Саон так быстро позволило лишь то, что у владельца крепости остался маленький гарнизон – рыцарей не хватило даже для охраны одной из стен, и во время

осады она оставалась незащищённой. Большинство рыцарей погибло во время кровопролитной битвы под Хитином, где Салах ад-Дину противостояли все силы крестоносцев.

Жена владельца крепости приходилась сестрой Сибиллы, жены Антиохийского князя Боэмунда III, которая по многим сведениям симпатизировала Салах ад-Дину. Гийом Тирский попросту называет её шпионкой, выдававшей арабскому полководцу все сведения о перемещениях войск крестоносцев. Возможно, поэтому султан пощадил защитников и разрешил им за выкуп покинуть крепость. Семье сеньора Саона он разрешил уехать в Антиохию к родственникам и дал для этого своих лошадей.

Думаю, семья последнего владельца крепости жалела, что не продала её госпитальерам, как сделало это семейство Мазуар, которое за хорошую сумму уступило рыцарям-иоаннитам Маркаб и переехало жить в Триполи.

Взглянув на прощание на потрясающую панораму гор Джебель Дариус, окружавших ущелье, я отправился обратно в Латакию.

Моя миссия пройти по следам Лоуренса Аравийского, изучающего крепости крестоносцев, была выполнена. Отсюда Лоуренс отправился в Алеппо, сделав небольшое отклонение от маршрута, чтобы посетить крепость Антиохии. Сейчас это территория Турции, поэтому мне не обязательно было заезжать туда, да и времени уже не было. Предстояла только поездка на рейсовом автобусе в Алеппо, один из красивейших городов Сирии.

Алеппо

И вот я в Алеппо. Здесь закончился маршрут Томаса Эдварда Лоуренса и мой, естественно. Ходить по улицам Алеппо – одно удовольствие. Я не первый раз в этом городе, но в каждый приезд он открывается мне по-новому. Вот и сейчас я снова иду от площади часов в сторону христианского квартала Ждейде. Людей на улицах почти нет. Горожане Алеппо, как и все жители Ближнего Востока, предпочитают в летнюю жару находиться дома и выходят освежиться и пообщаться с друзьями лишь в вечерние часы.

«О, бедный Томас Лоуренс, – думал я, вытирая со лба пот. – Ты прошёл в эту летнюю пору пешком весь Ливан и Сирию. Без кондиционера, интернета, мобильного телефона, один на один с палящим солнцем».

Успокаивало одно: в дневниках Томаса я нашёл место, где он писал, что иногда в середине дня, когда идти под убийственными лучами было по душе, наверное, лишь самоубийце, решившему свести счёты с жизнью, он делал привал в тени деревьев, особенно, если рядом протекала река с холодной горной водой.

Христианский квартал – моё самое любимое место в Алеппо. Он стал заселяться в XV веке, когда беженцы из Урфы^[81], напуганные нашествием монголов, бежали в более защищённый Алеппо. Правда, селились они вне стен старого города, по соседству с ним. Узкие улочки, где тяжело разминуться двум прохожим, похожи на извилистые туннели:

по древнему обычаю, окна домов выходят во внутренние дворы, поэтому и справа, и слева меня окружали высокие стены из ракушечника. Кое-где попадались небольшие двери, снабжённые ручкой, одна не похожая на другую, каждая – настоящее произведение искусства. Часто попадались гостиницы, рестораны и кафе, размещённые в отреставрированных старинных особняках XVI–XVII в.в., которые строила местная аристократия. Причём, понять, что именно находится перед тобой, можно было понять, лишь зайдя внутрь. Например, никогда не подумаешь, что за узкой дверью со скромной табличкой «Sissy house», находится шикарный ресторан, названный так в честь австрийской императрицы, как и небольшая улочка, затерянная в хитросплетениях улочек и переулков. Я не раз заходил сюда. Любил подниматься на второй этаж по высокой лестнице, вдоль которой на стене развешены ковры, массивные тарелки из серебра, какие-то медные тазы, блюда из фарфора и глины, украшенные восточным орнаментом. Наверху я выбирал столик поближе к перилам, откуда с интересом наблюдал за большим залом внизу, пил чай, слушая игру виртуозную игру армянского пианиста.

Ещё запомнилась одна гостиница с внутренним двориком в форме квадрата и небольшим фонтаном посреди, по периметру которого в два этажа размещались номера, окаймлённые длинной галереей. Самое интересное в ней, это кафе и несколько баров, размещённые глубоко под землёй, как в штольне, внутрь которой ведёт узкая каменная лестница. На площадках между пролётами сделаны углубления в виде небольших пещер, где располагались бары с удобными диванами и креслами, обложенными красивыми подушками. Сам христианский квартал и прилегающие к нему районы говорят о многонациональном составе и веротерпимости местных жителей: по дороге мне встретились армянская церковь в честь Сорока мучеников и рядом церковь маронитов, латинская церковь, православный храм и несколько небольших мечетей.

Побродив по городу, незаметно для себя я вышел к старому базару, который представлял собой целый город с многочисленными улицами и переулками, крытый крышей. Здесь можно купить всё что угодно, но я остановил свой выбор на двух коротких кованых цепях, которые стоили четыре доллара. Я давно искал что-нибудь подобное, чтобы приладить к калитке на даче, обезопасив её (калитку) от непрошенных гостей. Торговец, в нарушение всех правил восточного базара, отказывался снизить цену. Я начинал сердиться, но всё-таки сделал покупку. Позже я узнал, что эти цепочки – незаменимый атрибут для крепления уздечки на морде верблюда. Бедуины, владельцы этого транспортного средства пустыни, покупают крепления именно по этой цене, поэтому торговец не мог продать их дешевле.

Ноги сами вели меня по как будто уже известной мне дороге мимо одного из старейших медресе, потом, сделав поворот на выходе с базара, вывели меня к Большой мечети, или Мечети омейядов, как её ещё называют. От неё как на ладони открылась прекрасная картина возвышающейся над городом цитадели Алеппо. Именно сюда мне нужно было попасть, но идти всё же было далеко, тем более по жаре, и я нанял такси. За полдоллара, или за доллар, это как договоришься, таксист может отвезти тебя в любой конец города. Трамваев, метро и автобусов в Алеппо нет, одни такси – трудяги снуют по городу туда – сюда.

Цитадель Алеппо – вершина арабского фортификационного зодчества, массивные стены которой, опирающиеся на высокий холм, были свидетелями многих сражений, никогда и никем так и не была взята. Уже к X веку она считалась неприступной, о чём свидетельствуют события так называемого «византийского крестового похода», инициатором которого был император Никифор Фока, пришедший к власти в результате дворцового переворота, осуществлённого с помощью воинов наёмников.

Новый император решил вернуть Византии земли, утерянные 3 столетия назад под натиском арабов. Используя практику греческих полководцев, он сообщил о своих намерениях багдадскому двору в оскорбительном послании типа «иду на Вы»: «О, вы, живущие в песчаных пустынях, горе вам! Возвращайтесь в Аравию, вашу настоящую родину! Скоро своим мечом я поражу силы Египта, и его сокровища пополнят мою добычу... Вот войска греков, которые, словно гроза, обрушатся на вас. То же постигнет и жителей Низиба, Мосула и жителей Джазиры, что принадлежали моим предкам и всему нашему античному государству. Бегите, жители Багдада, спешите скрыться и горе вам, ибо вашей ослабевшей империи осталось недолго жить».

Нужно отметить, что это были не просто слова. Никифор Фока, прекрасный полководец, действовал успешно, захватил много городов, почти дошёл до Дамаска и пошёл бы дальше, если бы его не убили в 969 году во время очередного дворцового переворота.

Но, как ни силён был император, цитадель Алеппо он не смог захватить и, продолжая захват территории, оставил её в глубоком тылу.

Летописи сообщают, что 23 декабря 962 года войска Никифора Фоки ворвались в столицу северной Сирии. Защитники города, теснимые превосходящими силами врага, укрылись в цитадели и оказали отчаянное сопротивление. Вот что пишет об этом французский историк Шлumberger^[82]: «Византийские пехотинцы, преследуя по тёмным извилистым улицам и лабиринтам базаров сарацинок Алеппо, подсознательно мстили за три века беспрестанных бедствий, три века неслыханных страданий, причинённых несчастным христианским народам Малой Азии и Сирии. В Большой мечети разместили конюшню, но сопротивление цитадели всё же помешало полностью захватить город, поэтому после убийств и грабежа Никифор Фока увёл свои войска на христианские земли».

Вход в цитадель охраняют две башни. Первая, размещённая на внешней стороне рва, достигала высоты 20 метров. Построена она султаном Кансуха аль-Гаури в 1542 г., о чём свидетельствует сохранившаяся надпись на входных железных дверях. Эта башня защищала мост, переброшенный через ров, который подводит к громадной привратной башне с двумя массивными воротами. Башня – образец высокого военного искусства: внутри неё идёт многократно извивающийся коридор, пройти который ещё никому не удавалось. За каждым новым поворотом и из отверстий в потолке каждого осаждающего ждал смертельный удар. Для того чтобы избежать применения тарана, входные ворота устроены в боковой части стены. Они получили название «змеиных» из-за рельефного изображения двухголовых змей в верхней части арки. За первыми воротами проход дважды поворачивает влево под прямым углом и подводит ко вторым воротам, украшенным сверху изображением двух львов. За ними следуют ещё одни ворота, получившие

название «ворот двух львов» – по обе стороны от них помещены каменные рельефные изображения плачущего и смеющегося льва. Эти ворота ведут в длинный коридор, по бокам которого размещены конюшня и помещение для стражи. В нише справа – Макам Хыдр, символическая могила мусульманского святого, аналогичного европейскому Святому Георгию Победоносцу. Со своим назначением способствовать защите ворот Макам Хыдр, судя по всему, справился.

Узкая улочка, начинающаяся сразу за башней, тянется через всю цитадель, а это ни много – ни мало метров двести – триста будет. Справа и слева от неё многочисленные постройки: конюшни, помещения для стражи, мечети, склады, цистерны, мельница и даже театр, т. е. всё, что нужно для жизни человека в осаждённой крепости. Упирается улочка в длинное приземистое сооружение – казармы, построенные в середине 19 века. В них устроен небольшой музей, в котором размещены археологические ценности, обнаруженные при раскопках цитадели. Позади таинственное сооружение, всегда вызывающее интерес у туристов. Это квадратный колодец глубиной 60 метров, внутрь которого ведут 225 ступеней, которые на одной трети глубины подводят к потайным ходам, соединявшим крепость с городом и окрестностями, а также к северному бастиону.

Мне захотелось выбраться из цитадели напрямую по одному из этих подземных ходов.

Думаю, любознательный Томас Лоуренс так бы и поступил, ведь он часто бывал в Алеппо в перерывах между поездками в археологические экспедиции в 1911–1913 годах. А отель «Барон», где он останавливался, до сих пор пользуется спросом у туристов.

Мой кошелёк довольно истощился в эту поездку, поэтому вместо любимого отеля Лоуренса Аравийского, где номер стоил порядка 50 долларов в сутки, я, по цене в 10 раз меньшей, разместился в убогой двухзвёздочной гостинице. Она больше походила на общежитие для студентов, но её окна и балконы выходили на красивую площадь Баб эль Фарадж с экзотическими часами и городской библиотекой.

До пристанища Лоуренса Аравийского было рукой подать. Надо пройти по улице Аль-Маари, названной в честь знаменитого арабского поэта, и на углу возле Национального музея повернуть направо на улицу Барон – по её правой стороне гордо возвышалась гостиница.

Я разговорился с менеджером у стойки, и тот, узнав, что я интересуюсь личностью знаменитого авантюриста, освободителя арабов всей Земли полковника Лоуренса, пообещал познакомить меня с владельцем гостиницы.

Армен Мазлунян, седовласый потомок основателей гостиницы, пригласил меня на чашечку кофе в ресторан, а потом провёл маленькую экскурсию по гостинице.

Где-то около 1870 г. его предки, родом из Западной Армении, проезжали через Алеппо по дороге из паломнической поездки на Святую Землю. Остановились на ночлег в одном из караван-сараев города – удобств никаких, питание отвратительное – так зародилась мысль построить в Алеппо современный отель. В конце XIX века семья Мазлунян построила

гостиницу «Арарат». Но этого показалось мало, и следующее поколение Мазлунянов, два брата, один из которых приходится дедушкой нынешнему владельцу, построили суперсовременный для того времени отель «Барон», первые два этажа в 1909–1910 г.г., а третий – в 1940. До 1 мировой войны в отеле селились преимущественно немцы и англичане. Первые – строили железную дорогу Стамбул – Багдад, немецкие генералы часто устраивали банкеты, куда приглашали инженеров – строителей дороги. Вторые, под видом археологических экспедиций, шпионили за немцами, занимаясь, кроме прочего, топографической съёмкой местности.

– Мой отец и дед был знакомы с Лоуренсом Аравийским, – гордо сообщил Армен. – Вот номер 202, в котором проживал полковник. Сейчас в нём постояльцы, и я не могу его показать. Если Вы хотите у нас остановиться, – продолжил он, – я поселю Вас в номере Агаты Кристи, там она писала свой знаменитый роман «Убийство в Восточном экспрессе».

Я покраснел и ответил смущённо, что сегодня уезжаю.

Хозяин гостиницы вздохнул:

– Вам не повезло. В следующий раз бронируйте номер у нас.

В гостевой комнате мы остановились. На стенах были развешены портреты именитых постояльцев: короля Ирака Фейсала, Агаты Кристи, генерала де Голля, Теодора Рузвельта, Давида Рокфеллера, Короля Швеции, президента Египта Гамаль Абдель Насера, космонавта Юрия Гагарина и, конечно, Лоуренса Аравийского.

– Вот счёт за проживание Лоуренса в 1914 г., – Мазлунян протянул мне пожелтевший от времени листок. – И кто бы, Вы думали, оплатил его? – он выжидающе посмотрел на меня и, предвосхищая произведённый эффект, тихо произнёс, – британская разведка Intelligence Service.

Я усмехнулся... Вот лишнее подтверждение для сомневающихся в том, что Томас Лоуренс работал на британскую разведку. А ведь он был тогда совсем молодым человеком, четыре года как закончившим Оксфорд.

Но главное не в этом. В такой работе, не всегда отвечающей законам христианской морали, Лоуренс не растерял человеческих качеств, а это говорит о многом.

Мы тепло попрощались с Арменом Мазлуняном. Я вышел из отеля и, стараясь держаться в тени зданий, медленно шёл по улице Аль-Маари, не обращая внимания на брызги от кондиционеров, которыми были утыканы все вторые этажи. Моё путешествие заканчивалось. Сегодня вечером я уезжал поездом в Дамаск, так же как и Лоуренс Аравийский. Оттуда Томас на рейсовом автобусе доехал до Бейрута, а там сел на корабль, отправлявшийся в Европу. Ему предстояло осмыслить увиденное и написать диссертацию о замках и крепостях эпохи крестоносцев, после чего сдать экзамены в Оксфорде на степень бакалавра и начать взрослую жизнь, так насыщенную событиями, что другому хватило бы на две-три жизни.

Никогда Томас Эдвард Лоуренс не забывал о юношеском походе, который закалил его характер и волю, сделав тем самым Лоуренсом Аравийским, которым до сих пор гордится Британия, о котором написаны десятки книг и научных работ, но жизнь которого до сих пор остаётся загадкой, которую никто так до конца и не разгадал.

Часть II. Крепости и замки Сирии

В Сирии находится больше полусотни крепостей и замков. Их можно разделить на несколько групп: крепости античного времени, крепости крестоносцев, арабские крепости. Средневековые крепости Сирии, как крестоносцев, так и мусульман, часто возводились на месте византийских крепостей, поэтому последние не сохранились в чистом виде. К арабским крепостям я причисляю и крепости секты ассасинов, компактно разместившиеся в труднодоступных районах Нусайритских гор.

В эту главу я также помещаю описание замков эмиров и халифов, которые не являлись оборонительными сооружениями в полном смысле этого слова, а служили для отдыха арабских вельмож.

Цитадель Дамаска

Это некогда грозное сооружение сегодня затерялось в череде городских зданий столицы Сирии, не являясь заметным ориентиром для туристов. Причина в том, что построена она на небольшом возвышении, практически на ровном месте. Широкие и глубокие рвы вокруг крепости со временем были засыпаны землёй и превратились в улицы, нивелируя бывшее возвышение над рельефом местности.

Учёные считают, что цитадель Дамаска построена на месте римской крепости; по крайней мере, выяснено, что она занимает северо-западный угол городских стен римского времени. Первый этап строительства (1076–1095 г.г.), во время которого была построена так называемая старая крепость, начал тюркский князь Атсыз ибн Урвак, а завершил полководец Тутуш, тоже тюрк, который первым в ней обосновался. В то время цитадель была прежде всего резиденцией правителя, где находились его покои, а также казармы личной гвардии, монетный двор, складские помещения, тюрьма и мечеть. Построили крепость как нельзя кстати, потому что через год началось нашествие крестоносцев. К слову сказать, она так и не была взята рыцарями креста и меча, несмотря на неоднократные попытки овладеть ею.

Новая крепость в том виде, как она дошла до наших дней – плод деятельности султана Малик Адиля, брата Саладина. Во время перестройки, длившейся с 1203 по 1216 г.г., были обновлены не только стены, но и башни цитадели, а также построен дворец, к сожалению, не сохранившийся.

Стены цитадели защищены двенадцатью башнями. Раньше их было четырнадцать, одна из которых носила название Голубиной, потому что в ней содержались почтовые голуби. Со стороны расположенного рядом крытого рынка сооружён памятник знаменитому султану

Саладину, освободителю Сирии от нашествия крестоносцев. Территория крепости довольно велика (220x150 м) – это начинаешь понимать, когдаходишь внутрь неё.

Северная стена идёт параллельно Баниясу – одному из рукавов речки Барады, который был естественной водной преградой, с трёх остальных сторон крепость была окружена двадцатиметровым рвом. Массивная башня в центре стены защищала Железные ворота (по-арабски Баб аль-Хадид). В центре восточной стены находится главный вход в крепость, который обрамлён двумя башнями. Башни южной стороны выделяются сохранностью мелких архитектурных деталей. Где-то по центру расположены небольшие ворота, предназначенные только для султана и его свиты. Они называются Баб ас-Сир (Потайные).

Во время монгольского нашествия 1260 г. цитадель сильно пострадала, а дворец был полностью разрушен. Султан Бейбарс в 1260–1277 г.г. восстановил укрепления, но они вновь пострадали в 1400 г. при осаде Дамаска Тамерланом. В 1945 г. во время войны за независимость крепость понесла урон после обстрела французами. До 1985 г. на её территории размещалась тюрьма, и вход был запрещён. В последние годы здесь проводилась реконструкция и археологические раскопки. В 2006 г. все работы были окончены, и цитадель приняла первозданный вид, радуя глаз многочисленных гостей города.

Крепость Джендаль

На скалистом утёсе на отрогах горы*сensored*мон в 25 км к юго-западу от Дамаска расположилась деревенька, которая, как и крепость на вершине, называется Калаат Джендаль.

История крепости глубокими корнями уходит в легенду, согласно которой здесь нашёл убежище библейский персонаж Нимрод. Это великан-охотник, который основал Вавилонское царство и соорудил Вавилонскую башню. По местной легенде, Нимрод воевал с пророком Ибрахимом (Авраамом) и потерпел от него поражение. Затем великан восстал против бога и попытался взлететь на небо в корзине, которую несли четыре орла. Он пускал стрелы из лука, которые архангел Джебраил (Гавриил) отбрасывал назад. Вскоре орлы устали и выпустили корзину из когтей.

Великан упал как раз в то место, где находится крепость. Сохранились обломки стен, которые буквально вырублены в гранитной скале.

История крепости плохо изучена. В начале XII века Калаат Джендаль пытались превратить в свой опорный пункт ассасины. В одной из стычек был убит тогдашний глава сирийских ассасинов перс Бахрам.

Добраться до Калаат Джендаль можно следующим образом:

11 км от Дамаска по дороге, ведущей в кунейтру, затем поворот направо. Через 5 км поворот налево (за мечетью) до г. Катана, затем ещё 7 км через Айсам аль Фока до развилки и в гору – 1 км.

Крепость Субейба

Местное название крепости Калаат Нимруд. Она расположена на утёсе к востоку от города Банияс на отрогах горы*censored*мон.

Крепость построена арабами, время постройки неизвестно. Сохранилось несколько башен, цистерна для воды, развалины внутреннего замка – донжона, к которому ведёт лестница. С северо-запада крепость обращена к пропасти, поэтому здесь нет мощных укреплений.

В 1127 г. правитель Дамаска атабек Тогтекин уступил крепость ассасинам. Вскоре они устроили заговор против его сына. Когда заговор провалился, ассасины попросили убежища у крестоносцев, а в обмен отдали им Субейбу. В 1138 г. крепость снова попала в руки правителей Дамаска, но ненадолго. С 1157 г. она принадлежала ордену госпитальеров. В 1164 г. была отвоёвана Нур ад-Дином.

В крепость можно попасть по тропинке, ведущей к брешу в южной стене. В башне, что находится в ста метрах справа от брешу, подземный ход, ступени которого ведут вниз за пределы крепости. Ход ведёт на север, затем неожиданно поворачивает на восток и через 20 метров пропадает на подступах к долине. Стены туннеля сложены из огромных камней, плотно подогнанных друг к другу.

В центре крепостного двора – развалины христианской церкви.

Доступ в крепость сейчас невозможен, так как она находится в пограничном районе рядом с захваченными Израилем Голанскими Высотами.

Театр-цитадель в Босре

Театр-цитадель в Босре – единственное в мире сооружение подобного рода – находится на юге Сирии, в 120 км от Дамаска. Эта территория входила в Царство набатеев – группы арабских племён, основавших в конце III в. до н. э. могущественное государство, охватывавшее территорию Иордании и юга Сирии. А Босра являлась вторым по значению городом после столицы царства Петры.

В 106 г. нашей эры государство набатеев пало под ударами римских легионов. Босра становится центром провинции Аравия. При императоре Филиппе Аравитянине, выходеце из этих мест, в городе был построен огромный театр на 10 тысяч мест. Диаметр зрительного зала 100 метров, длина сцены – 45 метров.

Начиная с VII века, Босра превратилась в арену постоянных сражений. Сначала между византийцами и арабами, с 11 века к боевым действиям подключились крестоносцы.

Тогда театр и стали использовать в качестве оборонительного сооружения. Сначала вокруг него вырыли глубокий ров. В 11 веке по обеим сторонам сцены возвели две небольшие башни. Инициаторами реконструкции были правители Дамаска из тюркской династии Сельджуков, опасавшиеся правившей в Египте династии Фатимидов. Через несколько лет очередной правитель Дамаска построил ещё одну, юго-западную, башню.

Для удобства обороняющихся, зрительный зал был засыпан землёй до уровня верхнего яруса сидений, благодаря чему он хорошо сохранился. С 1202 по 1251 г.г. крепость-театр была усилена ещё восемью башнями. Сюда переносится резиденция городских властей. Мощные укрепления сыграли свою роль во время боевых действий между мусульманами и крестоносцами. Иерусалимские короли Бодуэн III в 1147 г. и Бодуэн IV в 1184 г. подходили к Босре, но взять её не смогли.

Крепость Салхад

Крепость Салхад построена на горе вулканического происхождения в 29 км на юго-восток от Сувейды и в 21 км на восток от Босры вблизи границы с Иорданией. Есть предположение, что крепость возвели при фатимидском султана Мустансире в 1073–1074 г.г.

В настоящем виде крепость перестроили в первой половине XIII века при айюбидах, которые считали её важным опорным пунктом на подступах к Дамаску. Во второй половине XIII века султан Бейбарс перестроил крепость, значительно усилив её.

В 1920 г., когда Франция получила мандат на управление Сирией, местное население, большинство которого составляли друзы, вошло в старую крепость, сделав её оплотом своего восстания. Французы, пытаясь выбить повстанцев, несколько раз бомбили Салхад и значительно повредили его стены.

Сегодня на вершине холма размещён военный наблюдательный пункт, с которого хорошо контролируется окружающая местность. Под крепостью находится множество подземных ходов и коммуникаций, которые ещё не изучены.

Замок Крак де Шевалье

Крак де Шевалье – самая большая крепость госпитальеров в Сирии. Она расположена на высоком холме в 65 км от Хомса.

Из арабских источников известно, что в 1031 г. крепость занимал курдский гарнизон эмира Алеппо. В те времена она называлась Хосн аль-Акрад («Замок курдов»). По созвучию франки называли крепость Крат (фр. – Le Krat), а затем по схожести с арабским термином «карак» (крепость) стали называть Краком (фр. – Le Krak).

В 1099 г. во время Первого крестового похода она была захвачена Раймундом графом Тулузы и Сен Жилия. Однако вскоре крестоносцы оставили её, чтобы продолжить поход к Иерусалиму.

В 1110 г. крепость была повторно занята Танкредом, князем Галилеи, а в 1142 г. Раймунд II, граф Триполи, передал Крак де Шевалье ордену госпитальеров, чтобы они охраняли рубежи Триполийского графства от набегов атабека Алеппо и Мосула.

Госпитальеры восстановили крепость и построили множество дополнительных сооружений, превратив её в самый большой оплот крестоносцев на Святой Земле. Вокруг

крепости была выстроена стена толщиной от 3-х до 9-и метров с дозорными башнями, одну из которых занимал Великий Магистр ордена.

За кольцом внешней стены был двор, в котором госпитальеры соорудили цитадель. В ней было всё необходимое для жизни: складские помещения, мельница, пекарня, резервуары воды и пр. Считалось, что запасов провианта хватило бы для гарнизона в 2 тысячи человек на 5 лет.

Крак де Шевалье был поистине неприступен. Его не раз осаждали, но всегда безуспешно. В 1188 г. у стен крепости стояла армия самого Салах ад-Дина. Во время осады арабам удалось пленить кастеляна крепости. Воины Салах ад-Дина подвели его к стенам крепости и потребовали, чтобы он приказал гарнизону открыть ворота. Кастелян сначала отдал приказ на арабском языке, но потом уже по-французски приказал сражаться до последнего человека.

Крак удалось захватить только через 83 года, и то в результате обмана. Султан Бейбарс в 1271 г. сумел прорваться сквозь наружную стену, но проникнуть в цитадель не смог. Тогда он приказал написать фиктивное письмо, якобы от Магистра ордена, и приказал защитникам сдаться.

Во время 9-го крестового похода замок видел английский король Эдуард I и так восхитился им, что использовал Крак как образец при строительстве своих замков в Англии и Уэльсе.

По мнению Лоуренса Аравийского, это самый прекрасный замок на земле, и с этим утверждением нельзя не согласиться.

С 2006 г. крепость находится в списке ЮНЕСКО как уникальное творение человеческих рук.

Белая крепость в Сафите (Кастель Блан)

В 10 км южнее города Дрейкиш и в 29 км восточнее Тартуса находится город Сафита, окружённый холмами, утопающими в зелени садов и оливковых рощ. Издалека на подъезде к городу видна огромная башня высотой около 28 метров – это часть знаменитого замка крестоносцев Кастель Бланш, что в переводе с французского означает «Белая крепость».

Она начала возводиться французскими рыцарями в эпоху крестовых походов около 1112 г. на месте византийской крепости Аргирокастро.

Если присмотреться к домам в центральной части Сафиты, можно увидеть, что стены большинства из них словно сложены из больших кубиков. Это обточенные камни, из которых состоял двойной пояс стен крепости, разрушенных землетрясением в 1202 г. В крепости находилась штаб-квартира ордена Храма, а Белая башня являла собой укрепленную церковь в виде донжона. Она и сегодня является главным православным храмом города, посвящённым Архангелу Михаилу.

К входу ведёт 12 ступенек, рядом с дверью – изображение креста. Свет в помещение высотой 17 метров поступает через окна-бойницы, проделанные в стенах трёхметровой толщины. Справа от входа – дверь, за которой находится крутая лестница, ведущая на второй этаж. Там расположен большой зал, использовавшийся рыцарями для совещаний и пиршеств. В стенах проделаны бойницы.

В углу – лестница, ведущая на крышу, где располагалась смотровая площадка. Здесь зажигался огонь для передачи светового сигнала в соседний замок Крак де Шевалье и в Тартус (бывш. Тортоса) через промежуточные крепости Ариму (Калаат Арайму) и Кастель Руж (Калаат Яхмур).

Во время военных действий против крестоносцев мусульманский полководец Нур ад-Дин дважды захватывал замок (в 1167 и 1171 г.г.) и, не имея возможности удержать, разрушал. В 1178 г. граф Раймунд III Тулузский передал крепость ордену тамплиеров с целью усилить оборону подхода к портам крестоносцев на Средиземном море.

В 1271 г. руководство ордена отдало приказ гарнизону крепости в 700 человек оставить её и перейти в Тортосу, куда к тому времени переместился штаб рыцарей-монахов. После чего султан Бейбарс занял Кастель Бланш.

Белая башня является главной достопримечательностью Сафиты. В городе много отелей и ресторанов. Чистый воздух, обилие фруктов и овощей, живописные окрестности привлекают сюда много туристов.

Лучше всего добираться в Сафиту рейсовыми автобусами и маршрутными такси из Хомса (80 км) и Тартуса (30 км).

Калаат Арийма

Эта крепость входила в сложную оборонительную систему, защищающую подходы к городам крестоносцев Триполи и Тортоса. Она занимала вершину холма в долине реки Наср аль-Абраш возле посёлка Ас Сафсафе недалеко от проходного пункта Банил Наем на ливано-сирийской границе, в двадцати километрах от Тартуса.

Начало строительства крепости относится к 20-м годам XII века. До наших дней сохранились руины двух башен центрального замка, часть каземата и развалины стен первого и второго пояса оборонительных сооружений.

Крепость много раз попадала в руки мусульман, но всегда отвоёвывалась крестоносцами. В 1177 г. Раймунд III Тулузский отдал её ордену тамплиеров, чтобы улучшить обороноспособность Триполийского графства. Рыцари-храмовники доблестно несли службу и только через 100 с лишним лет в 1291 г. уступили её султану Бейбарсу и последними из крестоносцев покинули Ближний Восток.

С вершины холма, на котором расположена крепость, открывается прекрасная панорама. На юге видны заснеженные горные вершины Ливана, на западе – Средиземное море, на северо-востоке в хорошую погоду можно увидеть силуэт грозного замка Крак де Шевалье, с которым во времена крестоносцев осуществлялась сигнальная связь через замок Кастель Бланш.

Добираться до крепости удобнее всего на такси из Тартуса и Сафиты. Можно использовать и рейсовые автобусы Хомс – Тартус. Правда, потом нужно пересаживаться на попутные машины или идти 3 км пешком до посёлка Ас Сафсафе.

Замок Кастель Руж

Замок Кастель Руж («Красная башня» – с франц.), арабское название – Калаат Ямхур, расположен в одиннадцати километрах к югу от Тартуса. Построен рыцарями семейства Монтолье из Прованса, вассалами графов Сен-Жиль и Тулузы, ориентировочно в 1118–1120 г.г.

Сохранилась часть стен и массивное прямоугольное здание – донжон (главная башня). В большом зале донжона мощный пилон в центре поддерживает сводчатый потолок. На крышу здания ведёт крутая лестница. Здесь за каменным зубчатым парапетом рыцари укрывались, когда основная часть крепости была занята противником.

Замок не являлся эффективным средством защиты, поскольку имел небольшие размеры и размещался на ровном месте. Поэтому он часто разорялся мусульманами. Например, в 1152 г. крепость была взята Нур ад-Дином.

Поскольку Кастель Руж обеспечивал сигнальную связь в оборонительной системе Хомского коридора, Раймунд III, граф Триполи, в целях усиления обороноспособности своих владений пообещал отдать Кастель Руж ордену госпитальеров, если монахи-рыцари вернут её в «лоно» Триполийского графства. Семейству Монпелье, владельцам замка, Раймунд выплатил компенсацию размером в 400 безантов.

В 1177 г. госпитальеры отбили Кастель Руж у арабов, но ненадолго, в 1188 г. крепость захватил Салладин. Только в начале XIII века госпитальеры вернули Кастель Руж в свою собственность и владели ею до 1289 г., когда крепость взял штурмом султан Калаун.

Благодаря застройке местными жителями, замок оказался в центре посёлка Яхмур.

Добраться туда можно на такси из Тартуса или из Сафиты.

Крепость Тортоза (Тартус)

Крепость в Тортозе построили византийцы. В 630 г. сюда пришли мусульмане и господствовали в крепости более трёхсот лет. В 968 г. византийский император Никифор Фока отбил Тортозу, и до конца столетия она принадлежала Византии, пока ею снова не овладели мусульмане. Крестоносцы впервые появились в Тортозе в 1099 г. во время первого крестового похода, они разграбили город и пошли дальше к Иерусалиму. Раймунд

Тулузский и Сен-Жильский закрепился здесь в 1001 г., включив Тортозу в состав Триполийского графства. В 1823 г. недалеко от крепости на месте древней часовни начинается строительство собора Божьей Матери. В 1152 г. город захватил Нур ад-Дин. Через двадцать лет Тортозу отбили рыцари ордена Храма (тамплиеры), в 1183 г. они перенесли сюда свою штаб-квартиру. Тамплиеры построили укрепленный порт и обнесли город мощными крепостными стенами. В 1188 г. крепость пытался взять штурмом Салах ад-Дин. Не в силах обеспечить защиту огромной крепости, рыцари заперлись в донжоне и оказали такое мощное сопротивление, что непобедимый арабский полководец вынужден был отступить.

Всё же в конце эпохи крестоносцев остатки рыцарей были вынуждены бежать от ударов войск султана Калауна.

Крепость Арвад

Остров Арвад, на котором расположена крепость, находится в 3-х километрах от Тартуса. Первоначально он был заселён хананеями. К концу II тысячелетия остров становится процветающим торговым центром, арвадцы основывают свои поселения на побережье.

В финикийское время Арвад – крупный морской порт, торговые ворота для городов центральной Сирии Хомса и Хамы.

Трудно поверить, что маленький остров размером всего 800 на 500 метров мог играть сколько-нибудь важную роль в жизни целого региона. Однако, это так. Древние островитяне умело воспользовались географическим положением Арвада – единственного острова у побережья Сирии и единственного порта между Триполи и устьем Оронта. Мало того, они взяли под свой контроль ряд поселений на берегу, фактически создав целое государство.

Позже остров был занят ассирийцами, потом персидской династией Ахеменидов и, наконец, Римом. Несколько столетий Арвадом владели византийцы, превратившие остров в военно-морскую базу. В 640 г. его захватили арабы. Согласно легендам, святой апостол Павел останавливался здесь на пути в Европу.

При крестоносцах островом владели рыцари ордена храма. Они укрепили стены, идущие вдоль берега моря, и превратили Арвад в неприступную крепость. В центре острова построили ещё одну крепость, внутреннюю.

От наружных стен в некоторых местах острова сохранилась нижняя часть оснований стен. Обвеваемые ветрами и омываемые волнами, они срослись со скалами, составляя с ними как бы единое целое. Крепость в центре острова хорошо сохранилась, сейчас в ней открыт музей.

Крошечный остров стал последним пристанищем крестоносцев на сирийской земле. После сдачи последних крепостей, сюда были эвакуированы все их силы. В 1302 г. остров оставил последний крестоносец. Так закончилась эпоха крестовых походов.

Крепость Хаваби

Крепость Хаваби расположена в труднодоступной местности в 20 км к северу от Тартуса. История крепости до захвата её ассасинами мало изучена. Источники сообщают, что начали строительство местные жители, что византийцы реконструировали её в 1025 г., потом она была захвачена неким Мохаммедом Бин Али Бин Хамдом, а в 1112 г. перешла в руки крестоносцев. При каких обстоятельствах она попала к ассасинам не выяснено. Известно, что в 1162–1163 г.г. горный старец Рашид ад-Дин Синан восстановил её.

Цитадель была атакована антиохийским князем Боэмундом IV в 1213 г. после убийства его сына Раймунда во время службы в кафедральном соборе Тортозы. Ассасины обратились за помощью к правителям Дамаска и Алеппо, и Боэмунд был вынужден отступить перед объединёнными силами мусульман.

В крепости сохранилось довольно много объектов для осмотра, так как, согласно источникам, она практически не использовалась как военное оборонительное сооружение. Более того, с конца XIII века она была населена мирными жителями, потомки которых проживают в крепости и по сей день.

В период Османского правления селение Хаваби сначала было одним из 13 районов Латакии и управлялось пашой Акки. В 1865 г., когда правительство Османской империи изменило административное деление страны, Хаваби отошёл к ал-Маркабу, а позже был отнесён к Триполи. В правление шейха Салеха аль-Али в крепости был устроен арсенал. Часть жителей отселили в близлежащие деревни, часть ушла в исмаилитские города Соломию и Масьяф, большинство из них вернулось обратно после распада империи.

Местные жители часто использовали камни из крепостных стен для новых построек, особенно активно в 1990-е г.г., после чего министерство туризма взяло крепость под свой контроль как исторический памятник. С этого момента местные жители постепенно отселяются в деревню, расположенную у основания холма.

К крепости ведёт красивая, хорошо сохранившаяся лестница. Пройдя массивные ворота в башне, вы окажетесь во внутреннем дворе, вдоль которого проложена дорожка, единственная в крепости. Прямо внутри замка растут оливки, пасутся овцы, играют детишки. Среди новых домов с дворами едва различимы старые постройки. Лучше всего сохранились два сооружения: в верхней части – резиденция старца Рашида ад-Дин Синана, которую местные жители почему-то называют «Дом Аги», в нижней части – сооружение под названием Хараб ал-Саки.

Крепость Масьяф

Над городом Масьяф в сорока километрах от Хамы, словно корона, возвышается одноимённая крепость. Сначала на её месте возвышалась римская сторожевая башня, потом – византийский замок. Наконец, арабы возвели укрепление, в конце концов, превращённое в неприступную крепость членами секты ассасинов.

Масьяф расположен на невысоком утёсе и в плане представляет собой вытянутый с севера на восток овал.

Хорошо сохранились стены с многочисленными прямоугольными башнями. В них видны фрагменты колонн и других архитектурных деталей, напоминающие о своих предшественниках. В конце XII века ассасины возвели на подступах к крепости два укрепления – Ка*сensored* и Расафу. Их руины в окрестностях Масьяфа сохранились. В 1220 г. тогдашний глава сирийских ассасинов Камаль ад-Дин произвёл реконструкцию стен, значительно укрепив их.

Основные события, связанные с историческим прошлым, происходили в эпоху крестовых походов.

В 1103 г. крепость была захвачена отрядом крестоносцев под предводительством графа Раймунда Сен Жиль Тулузского. В 1110 г. по соглашению с атабеком (правителем) Дамаска она была возвращена мусульманам в обмен на ежегодную дань. В 1127 г. Масьяф купило семейство Мункызов, владевшее также крепостью Шейзар. В 1140 г. они перепродали Масьяф ассасинам. Здесь была устроена резиденция «горного старца» Рашида ад-Дина Синана аль-Басри, в 1169 г. присланного из Аламута (Иран) руководить ассасинами в Сирии. «Горный старец» путём подкупа и террора значительно усилил позиции ассасинов в Сирии. В их руках находилось более 10 крепостей, в основном, в Нусайритских горах. И мусульманские правители Сирии, и крестоносцы пытались разыграть ассасинскую карту. Деньги, украшения, золото рекой стекались в Масьяф. Подданные «горного старца» весьма преуспели в заказных убийствах. На их счету десятки покушений на лидеров воюющих сторон. В 1152 г. был убит Раймонд 11, граф Триполийский. В 1192 г. – Конрад де Монферат, король Иерусалимского королевства.

В 70-х г.г. ассасины дважды покушались на Салладина. В декабре 1174 г. ассасинские лазутчики проникли в лагерь Салладина, осадившего Алеппо. Они подобрались к его палатке и только благодаря счастливой случайности были опознаны и убиты.

В мае 1176 г. во время осады Азаза наёмные убийцы, переодетые воинами Салладина, опять напали на него. На защиту вождя бросились верные эмиры. Благодаря их самоотверженности и хорошим доспехам, Салладин отделался лёгкими ранениями. Последняя выходка «горного старца» не прошла даром. В августе того же года армия Салладина окружила Масьяф, но затем по неизвестным причинам осада была снята.

В 1260 г. Масьяф ненадолго взят монголами и разграблен. В 1270 г. крепость захватил султан Бейбарс, он разрешил ассасинам остаться в Масьяфе. В XV веке город и крепость перешли под управление губернатора Дамаска, разместившего здесь мамлюкский гарнизон. В XIX веке за крепость велась борьба между исмаилитскими общинами. Сейчас здесь расположен музей.

Добраться до Масьяфа можно маршрутками из Хамы и Кадмуса.

Калаат Кадмус

Развалины крепости находятся на вершине холма в центре одноимённого городка, расположенного рядом с шоссе Хама – Банияс.

Кадмус был первой крепостью, приобретённой ассасинами в Сирии после изгнания их проповедников из Алеппо и Дамаска. До 1131 г. Кадмус принадлежал крестоносцам, но был отбит местным мусульманским правителем Сейфом аль-Мольк ибн Амруном, который, в свою очередь, в 1132 г. предложил её ассасинам. Крестоносцы ещё раз отвоевали крепость и снова потеряли. Только султан Бейбарс смог отобрать её у ассасинов в 1273 г.

Добираться до Кадмуса удобно из Хамы (61 км), но смотреть там практически нечего – местные жители ещё сто лет назад растащили крепость по кусочкам. Правда, фундаменты некоторых сооружений сохранились.

Калаат Кахф

Под боком у европейских рыцарей, всего в 30 километрах от Тортозы, почти в течение 150 лет находился один из самых грозных оплотов ассасинов – калаат Кахф. Крепость находится на скалистой возвышенности и окружена тремя глубокими долинами. Длина образуемого таким образом утёса 300 метров, а ширина 50–60 метров. Попасть в крепость можно только через пробитый в скалах вход, напоминающий пещеру. Отсюда и название Кахф, по-арабски «пещера». Тропинка, ведущая к входу, огибает крепость справа и проходит мимо остатков бань. В самой крепости лучше всего сохранились высеченные в скале цистерны, в которые собиралась дождевая вода. Вне крепости в 500 метрах от её северо-восточной оконечности рядом с дорогой находится мавзолей, в котором погребён Рашид ад-Дин Синан, глава сирийских ассасинов с 1163 по 1193 г.г.

Крепость построена около 1120 г. Саидом аль-Мулк ибн Амруном и продана ассасинам его сыном Мусой в 1138 г. Кахф был одним из главных их оплотов в Сирии, здесь находилась база и религиозные святыни секты. Рашид ад-Дин Синан лично уделял внимание усилению стен крепости и других оборонительных сооружений.

В 1195 г. король Иерусалимского королевства, граф Анри II Шампанский, посетил в Кахфе преемника Синана и попытался наладить с ассасинами связи. Он оставил рассказ о преданности федаев – воинов секты – своему господину.

На высоких башнях замка несли дозор закутанные в белые одежды воины. Желая произвести на гостя впечатление, старец подал сигнал и тотчас двое из стражей, ни секунды не раздумывая, бросились с башни вниз на острые камни. На прощание хозяин одарил графа подарками и предложил свои услуги по устранению «любого, кого он пожелает».

В 1250 г. горный старец Тадж ад-Дин отправил послов к находившемуся в Палестине французскому королю Людовику X, участнику 7 крестового похода, с просьбой отменить выплату ассасинами дани военным орденам тамплиеров и госпитальеров. На встрече ассасины устроили настоящее театрализованное представление с целью запугать короля:

три посла пришли на встречу с обнажёнными кинжалами, четвёртый нёс белый саван. Потом состоялась вторая встреча, на которую были приглашены Великие магистры тамплиеров и госпитальеров Рене де Вишье и Гийом де Шатонф, которые ответили категорически отказом. Тем не менее, по возвращении послов старец отправил королю ценные подарки: свою рубашку, которую он носил на голое тело как символ дружбы, золотое кольцо со своими инициалами и очень ценный набор хрусталя с вкраплением янтаря. В свою очередь, король также направил к старцу делегацию с подарками и личного посланника монаха Ива де Бретона, владевшего арабским языком. Посланник вёл со старцем учёные беседы о Библии и обсуждал различные религиозные вопросы. Вернувшись, Ив Бретон рассказал королю, что старец показался ему дружелюбным, умным и образованным и что у изголовья он хранил какую-то христианскую книгу. Позднее Ив Бретон изложил учение ассасинов и одно из его положений, согласно которому, того, кто умрёт на службе своего господина, ожидает благоприятная реинкарнация.

Кахф была последней крепостью ассасинов, которой овладел султан Бейбарс (в 1273 г.), ведший с сектой непримиримую борьбу. Окончательно замок был разрушен в 1816 г. губернатором Триполи Мустафой Барбаром.

Добираться в Кахф лучше всего на такси из Тартуса. Ехать нужно в северном направлении по автострате Тартус – Латакия. Через 19 км поворот на Ар Равду, потом вправо по узкой горной дороге до селения Хаммам Васел, оттуда на юг 3 км.

Маркаб

Вторая по размерам и значению крепость крестоносцев Маркаб находится на высоком холме у моря, в 5-и км от Банияса, у дороги Тартус – Латакия.

По арабским источникам, крепость на этом месте была поставлена местной мусульманской общиной в 1062 г. В 1104 г. её ненадолго захватили византийцы. В 1118 г. крепость была сдана франкам арабским семейством Ибн Мухриз при условии, что оно останется в ней проживать. Через несколько дней договор был нарушен, и семью Мухризов переселили в крепость Манику. Маркаб и окрестности заселили франками и армянами. В 1140 г. владельцами крепости стала семья Мазуар из центральной Франции. В 1140 г. году Рено II, больше известный из истории не по фамилии отца Мазуар, а по её транскрипции Мансер, решил перестроить крепость Маркаб и так увлёкся строительством, что увеличил периметр её стен в десятки раз. На строительство и содержание крепости ушло почти всё состояние семьи, поэтому Бертран Мазуар решает продать Маркаб госпитальерам 1 февраля 1186 г., почти сразу после смерти отца. Тем более что землетрясения 1157, 1170 и 1186 гг. нанесли крепости урон, требовавший значительных средств на восстановление. Сумма выплат составляла ежегодную пенсию в размере 2200 золотых безантов, которые выплачивались бывшим владельцам в Триполи, куда семейство Мазуар (Мансер) переехало после продажи своих владений.

При госпитальерах крепость вышла из-под подчинения Антиохийскому княжеству. Монахи-воины Маркаба вместе с рыцарями Крака де Шевалье постоянно совершали рейды по арабской территории.

В 1267 г. госпитальеры заключили с султаном Бейбарсом, покорителем замка Крак де Шевалье, перемирие на 10 лет 10 месяцев 10 дней и 10 часов. В 1281 г. султан Калаун отразил нашествие монгольского хана и приступил к подготовке войны с госпитальерами. В полной секретности, подготовив большое количество осадных башен и катапульт, собрав под свои знамёна лучших лучников, Калаун 25 апреля 1285 г. появился под стенами Маркаба. Монахи-госпитальеры, умелые воины, закалённые в боях, в течение месяца отбивали атаки мусульман. Когда Калаун понял, что взять Маркаб штурмом не удастся, он взорвал одну из стен. Защитники были вынуждены сдаться.

Крепость Маника

Крепость Маника, крестоносцы называли её Малаикас, находится в центре Нусайритских гор (на западных её отрогах), к востоку от города Банияс. Она построена в XI веке сектой ассасинов.

Крепость, расположенная на высоком холме, вытянулась с северо-востока на юго-запад и господствует над долиной Нахр Хрейсун. С северо-востока Маника отделена от остальной гряды выдолбленным в скалах рвом. Эта сторона считалась наиболее уязвимой при осаде, поэтому именно здесь было возведено мощное укрепление – донжон. Рядом с ним сохранились подземные сооружения со сводчатыми потолками. Перед самой крепостью над дорогой – пещера с источником. Рядом остатки сводов, по-видимому, бань.

В эпоху крестовых походов в середине 80-х г.г. XII века крепость попала в руки ордена госпитальеров, но вскоре под натиском мусульман вернулась к прежним хозяевам. Ассасины держали в страхе всю округу и выстояли под ударами, как крестоносцев, так и их противника Саладдина. Только в 1273 г. она была взята под контроль мамлюкским султаном Бейбарсом, объявившим ассасинам войну.

Чтобы добраться до крепости, есть два пути – более короткий из Банияса и более длинный из Хамы.

Первый вариант: 8 км по автостраде на север от Банияса, затем направо по дороге через Карфис и Баабду; после поворота Дуэйр Баабда поворот направо к Вадии Кала. На 6-м километре после поворота дорога проходит под скалой и водопадом Айн Шкиф. Чуть дальше – источник Айн Истер, бьющий из-под холма, на котором стоит Маника. Однако, чтобы добраться до крепости, нужно проехать ещё два километра, огибая холм, и затем подняться наверх по уходящей между домами улице. Последний подъём необходимо сделать пешком через территорию фермы, занимающей юго-восточную часть крепости. Общая длина – 30 км.

Второй вариант: из Хамы до Мардена 21 км, после поворота налево 17 км до Тел – Салхаба, далее – 20 км до Ад Далена, поворот на Вадил Кала и ещё 4 км. Общая длина 68 км.

Калаат Улайка

Крепость расположена в Нусайритских горах в 20 км к востоку от Банияса и южнее крепости Манника, в 6 км от неё. Название Уллайка переводится как «ягоды ежевики». Сведений о крепости сохранилось очень мало. Известно, что возведена она крестоносцами, но ассасины хитростью отобрали её. Возможно, в этом помогла близость другой крепости ассасинов Маника. Есть упоминание о том, что при осаде Крак де Шевалье султан Бейбарс поймал двух исмаилитов из замка Уллайка, посланных по заказу графа Триполи для его убийства.

Крепость находится на высокой скале, с которой открывается красивый вид на долину реки Вади Нахль. Опирающиеся на скалы стены образуют треугольник. За вторым поясом находился донжон. Крепость снаружи выглядит впечатляюще, так что путешественник не пожалеет о времени, потраченном на её поиски.

Ехать из Банияса на север, в сторону Латакии, через 3 км поворот направо, потом 14 километров до Аназа и 3 км до деревни Нахл. За ней на развилке (через 3 километра) свернуть налево. Скоро покажется холм, на котором хорошо видны руины крепости.

Крепость Абу Кбейс

Стоящая на одной из вершин Нусайритских гор крепость Абу Кбейс – настоящее орлиное гнездо. Из неё открывается потрясающий вид на долину Аль – Гаабб. Крепость названа так же, как гора близ Мекки, с которой Ибрагим (Авраам) провозгласил необходимость хаджа (Коран 22:24–27). В европейских средневековых источниках она именуется Букебейс.

Вероятно, крепость построена византийцами. От неё сохранились стены с пятью башнями и остатки внутренних построек.

Во время первого крестового похода один из предводителей нормандских рыцарей Танкред захватил Абу Кбейс, но, не имея достаточного количества людей, чтобы оставить в ней гарнизон, обложил данью. В 1133 г. некий человек по имени Ибн аль – Марджи, часто навещавший крепость, за крупную сумму денег пообещал ассасинам захватить её. Однажды, в очередной раз войдя в крепость, он ночью убил сторожа и открыл ворота. Вместе с крепостью к ассасинам перешла обязанность платить госпитальерам владельца крепости Крак де Шевалье 800 золотых в год, а также снабжать их сыром и поставлять ячмень для лошадей.

К северу от Абу Кбейс на 80 км простирается долина Аль-Габб, стиснутая с запада Нусайритскими горами, а с востока – горами Джебель Завия, по которой протекает третья по значению река Сирии – Оронт.

Проще всего добираться до Абу – Кбейса из Хамы. До Тел Салхаба путь такой же, как описан в статье о крепости Маника. От Тель Салхаба до городка Абу Кбейс (здесь расположена пользующаяся популярностью в регионе дискотека) 6 км по дороге вдоль живописного ущелья, далее поворот влево и вверх около 1 км по серпантину. На склоне горы в месте начала подъёма – руины византийской церкви.

Расстояние от Хамы – 51 км.

Калаат Мадык

Калаат Мадык – довольно крупная крепость, построенная на невысоком холме ещё в античное время. Рядом развалины древней Апамеи, поэтому крестоносцы называли крепость этим же именем. Калаат Мадык был перестроен арабами и являлся стратегически важным объектом у входа в долину Гааб. Этот же смысл носит и перевод с арабского – «крепость в узком проходе». За её обладание шли постоянные сражения между арабами и крестоносцами. Одно из них описано владельцем соседнего замка Шейзар Усамой Мукизом. Крепость много раз переходила из рук в руки, пока окончательно не была отобрана Нур ад-Дином.

Мощные стены крепости устояли даже во время разрушительных землетрясений 1157 и 1170 г.г., когда под обломками соседнего Шейзара погибли почти все родственники Усамы Мункыза.

Хорошо смотрится главный вход в крепость, обрамлённый двумя башнями. В Калаат Мадык живут местные жители, внутри она вся застроена невзрачными глинобитными домами. Наиболее привилегированные постояльцы разместились в башнях или домах покрупнее, примостившихся у стен крепости. Строительные материалы жители берут на развалинах Апамеи.

Крепость Бени Кахтан

Крепость имела стратегическое значение. Она охраняла вход в ущелье, по которому шла дорога из Хамы через Нусайритские горы в средиземноморский порт Джеблу. Сохранилась северная часть замка, где находился донжон и часть восточной стены.

Древнее название крепости – Бени Исраил говорит о том, что её возвели местные князья, принявшие иудейскую веру. Крестоносцы называли её замок Вьей или Бикисраил. В 1111 г. один из лидеров крестоносцев Танкред захватил крепость и использовал её для нейтрализации мусульманского замка Шейзар, о котором пойдёт речь в следующей статье. После ослабления позиций Антиохийского княжества крестоносцев Бени Кахтан отобрали ассасины. В 1188 г. крепость мог захватить Саладин, но ассасины приняли решение подчиниться ему и сохранили на какое-то время господство над территорией

между Хамой и Джеблой. Позднее рыцари вернули замок. В 1210 г. они уступили крепость госпитальерам.

Крепость находится в очень живописном месте в глубоком ущелье на вершине скалы. Ближе всего добираться из Джеблы, порта на половине пути из Банияса в Латакию. Из Джеблы нужно ехать в сторону гор до селения Кафр Дабиль. Оттуда 17 километров до деревни Калаат Бени Кахтан. В сторону руин крепости ведёт асфальтированная дорога.

Калаат аль-Махальбе

Крепость расположена в Нусайритских горах на высоком холме в 27 км к востоку от Латакии и в 12 км северо-восточнее Кардахи, родины Президента Асада.

Первое укрепление здесь построено Бани Алахмар в XI веке. Захвачена византийским императором Василием II, чтобы закрепить завоевания его предшественника – Никифора Фоки. После первого крестового похода это была территория Антиохийского княжества. В 1118 г. принц Антиохийский передал эту местность во владение сеньору замка Саон Робберу, который значительно укрепил крепость. Крестоносцы называли её Балатонос. Она была взята Салвх ад-Дином в 1188 г.

Калаат аль-Махальбе вытянулся 200-метровым овалом с востока на запад. Стены имели 12 башен, некоторые из них сохранились. Внутри стен можно увидеть остатки помещений и систему подземных комнат.

Ехать нужно так: дорога после Кардахи идёт вдоль ущелья, потом по хвойному лесу. После спуска покажутся два холма. На одном из них и расположена крепость.

Саон

Крепость Саон, иначе Калаат Салах ад-Дин, находится в горах недалеко от Латакии.

Крепость была построена в древние времена, возможно, в эпоху финикийцев, в ранние годы I тысячелетия до н. э. По крайней мере, сохранилась легенда о том, как они потеряли её во время нашествия Александра Македонского. Македонские фаланги долгое время не могли взять крепость штурмом. В отчаянии Александр пошёл молиться в местный храм Геракла, у финикийцев – Мелькарта. На следующую ночь Геракл явился Александру во сне и указал ему, что в расположенной недалеко пещере спрятана его знаменитая дубина, с помощью которой Геракл совершил свои семь подвигов. Вскочив с постели, полководец помчался к пещере и нашёл там спрятанное оружие Геракла. На следующее утро Александр уже шёл впереди войска с дубиной в руках. Каменные ворота не выдержали ударов Александра Великого, и его солдаты ворвались в крепость.

Одна эпоха сменяла другую. Крепость меняла хозяев. На смену грекам пришли римляне, потом византийцы, за ними арабские завоеватели.

Известно, что в X веке византийский император Иоанн Цимиский захотел вернуть контроль за этими землями и укрепил крепость, чтобы противостоять влиянию арабской династии Хамданидов из Алеппо.

После прихода крестоносцев она перешла в собственность рыцаря Роббера. Латинские хроники сообщают, то уже в 1119 г. она была собственностью Роббера из Саона, который получил её из рук Рожера Антиохийского. Всё, что мы видим в крепости сегодня, построено этим рыцарем.

Потомки Роббера не стали передавать мощную крепость госпитальерам или тамплиерам, как делали остальные владельцы, которые были не в силах содержать эти исполинские сооружения (длина Саона была около 700 м). Может быть, в этом и была причина, по которой Салах ад-Дину удалось захватить её в 1188 г. Тогдашнему владельцу крепости не хватило солдат, и одна из стен осталась без защитников. Сделав пролом в стене, туда и направил Салах ад-Дин отряд под командованием своего сына. Рыцари были вынуждены капитулировать.

Самое необычное место в Саоне – это ров, длиной 150 м и глубиной до 20 м, который строители высекли в скале, чтобы отделить от неё крепость. Полагают, что объём вынутой скальной породы равен по величине пирамиде Хеопса. Вход в крепость выполнен с южной стороны. Справа от входа башня, через несколько метров другая, они охраняли вход.

Дальше к северу в верхней части стены сооружён ещё один вход с подъёмным мостиком, который опирался на гранитный шпиль, специально оставленный при рытье рва. В центре крепости находится цитадель, строительство которой было начато ещё византийцами, рядом с ней цистерна для воды, чайный домик и две церкви.

В 1956 г. в память о великом полководце Саон переименовали в Калаат Салах ад-Дина. В 2006 г. крепости присвоен статус исторического памятника, находящегося под охраной ЮНЕСКО.

Калаатейн

На скалистом отроге в холмистой местности над притоком Оронта Нахр Мугур расположена необычная крепость, состоящая из двух замков, разделённых глубокой расщелиной. Между ними – перекидной мостик. История создания крепости неясна. Известно, что она входила в состав Антиохийского княжества и в 1188 г. была атакована Салах ад-Дином во время его рейда вдоль побережья Средиземного моря.

Сначала полководец захватил более крупный южный замок, потом приступил к осаде северного. Антиохийский князь Бозмунд III не помог защитникам, более того – приказал им сдать крепость. Возможно, он руководствовался советом жены Сибиллы, которая симпатизировала Салах ад-Дину. В некоторых источниках сообщается, что она была шпионкой полководца.

Калаатейн находится в 25 км на северо-восток от города Джиср аш – Шугур.

Крепость Шейзар

Она находится на скалистом хребте, на 40 м возвышающемся над рекой Оронт, в 20 километрах от Хамы. Византийское название крепости Кесария.

Полагают, в римскую эпоху здесь уже было военное укрепление города Сизары. Византийцы значительно укрепили его, вырубив в скале, плавно переходящей в ровное плато глубокий ров. Его глубина достигает 50 метров.

В крепость ведёт каменный мост, сооружённый в XIII веке на месте деревянного. За воротами 70-метровый проход ведёт во внутреннее пространство цитадели, протянувшейся по гребню хребта на 300 метров. В южной части возвышается самое внушительное сооружение крепости – донжон.

За Шейзар шла ожесточённая борьба между византийцами и арабами, в которой более удачливыми оказались последние. К X веку они почти полностью захватили земли Сирии. При императоре Никифоре Фоке произошёл некоторый подъём военной мощи Византии. В числе других территорий была отвоёван и Шейзар (999 г.).

В 1023 г. правитель Алеппо отдал земли, прилегающие к крепости, своему вассалу Мункызу аль Кинани, основавшему известную династию Мункызов, давшую Сирии историка-летописца, поэта и смелого воина Усаму ибн Мункыза. Из его мемуаров стала подробно известна дальнейшая судьба крепости.

Глава семейства был сильно недоволен соседством византийского гарнизона и уже подумывал соорудить рядом новую крепость. Но в 1081 г. арабы отобрали Шейзар у слабеющих византийцев. Через несколько лет началась экспансия крестоносцев на ближнем Востоке. В 1097 г. они захватили Апамею и попытались взять Шейзар. Эта попытка, как и следующая в 1110 г., потерпела неудачу. Тогда крестоносцы заключили с Мункызами мирный договор.

В 1137 г. умер очередной владелец Шейзара, и между родственниками разгорелась борьба за право наследования. Одна из сторон обратилась за помощью к крестоносцам. Вмешался и византийский император Мануил I, который настаивал на выполнении крестоносцами договора, по которому они обещали вернуть ему земли, принадлежавшие Византии до X века. Объединённая армия союзников подступила к крепости. Но начались взаимные интриги. И византийцы, и крестоносцы действовали без особого энтузиазма. Дошло до того, что семейство Мункызов предложило императору взятку (выкуп), и он отступил. Осада была снята.

В 1157 г. случилась трагедия, изменившая судьбу Шейзара. Произошло землетрясение. В результате, крепость разрушилась и погребла под обломками всё семейство Мункызов, собравшееся на праздник обрезания одного из младших членов. Живым остался лишь Усама ибн Мункыз, находившийся за пределами Шейзара. Но крестоносцы не смогли захватить даже разрушенную крепость. Они собрали для приступа лучшие силы. Прибыли Иерусалимский король Бодуэн III, Антиохийский принц Рено де Шатильон,

Триполийский граф Раймон и граф Тьери Эльзасский. Между Рено и Тьери разгорелся спор за права владения. Поделить «шкуру не убитого медведя» не удалось, и крестоносцы отступили.

По приказу султана Нур ад-Дина крепость срочно отстроили, для чего Усама ибн Мункыз был освобождён от налогов.

Ещё раз Шейзар претерпел значительное разрушение при наступлении монголов. И опять крепость была восстановлена. В 1260 г. это сделал султан Калаун.

В последнее время в крепости ведутся археологические раскопки, но попасть в неё можно, если попросить ключи у сторожа. Его дом как раз напротив главного входа у подходного моста.

Добираться до Шейзара лучше всего на такси. Расстояние от Хамы всего 20 км.

Крепость Борзей

Калаат Борзей, замок Бюрзей (французский историк Пьер Виймар приводит ещё одно название – Калаат Бейт Рабби). Местные жители называют её Мёрза.

Эта одна из самых неприступных крепостей Сирии находится на краю восточного склона Нусайритских гор, нависающего над долиной Аль-Гааб. В принципе, она видна издалека, особенно, если знаешь её месторасположение – в 4-х км севернее городка Джурин, в 6 км от горной дороги, ведущей к курортному городку Сланфе. Степень разрушения крепости достаточно велика, поэтому можно проехать мимо, не заметив остатков её стен, словно края огромного орлиного гнезда опоясавших вершину горной гряды.

Известно, что Борзей был построена ещё до нашей эры, во времена правления династии Селевкидов, обосновавшейся в Сирии после распада империи Александра Македонского. Некоторые учёные полагают, что её под названием Лизиас описал римский географ и историк Страбон во время путешествия по Ближнему Востоку.

Площадь крепости 3 га. С северной и восточной стороны Борзей считался неприступным, поэтому здесь почти нет башен. Основное внимание уделено укреплению южной и западной стороны. Там возведено два ряда стен. На северной стороне неплохо сохранилась прямоугольная башня, на южной – руины здания с апсидой (возможно, крепостная часовня). Восточная башня контролирует вход со стороны долины Гааб. В западной части находится донжон, по углам которого возвышались квадратные башни.

Основные постройки сделаны крестоносцами в эпоху крестовых походов. Кое-что осталось от византийцев. Донжон и восточная башня сооружены при арабском владычестве.

В X веке крепость играла важную роль в оборонительной системе Византии, являясь пограничным опорным пунктом империи. В ходе войн византийцев с арабами правящая в

Алеппо династия Хамданидов отбила крепость и удерживали её 50 лет вплоть до прихода крестоносцев.

Два основных пути в Борзей – из Латакии и Хамы.

Из Латакии – дорога через Сланфе (около 60 км).

Из Хамы – до Ас-Шельбиен (38 км), поворот на Калаат аль-Мадык (5 км), переезд по мосту через Оронт (12 км), поворот вправо и ещё 17 км. Всего: 72 км. Транспорт – такси.

Калаат Шамамис

К востоку от Хамы расположена ещё одна интересная крепость – калаат Шамамис. Она построена на вершине потухшего вулкана, вернее, в самом его кратере. Данных об этой крепости практически нет. Есть гипотеза, что она существовала ещё при династии Самсигерем, подарившей миру трёх римских императоров: Каракаллу, Гелиогабала и Александра Севера. Археологи установили, что укреплённое сооружение существовало здесь ещё в I веке. Кто перестроил и укрепил крепость и когда, пока остаётся загадкой. Согласитесь, устроить крепость в жерле вулкана – до этого надо ещё додуматься. А доставить строительные материалы на его вершину по крутым вулканическим склонам – это тоже нелёгкий кусок работы, ведь в то время труд не был механизирован.

Калаат Шамамис находится в 20 км от Хамы. Добраться до него можно на такси или рейсовым автобусом, идущим в городок Салямия.

Салямия

Салямия, или древний Саламис, сама по себе интересный объект для изучения. В римское время Салямия была местом остановки купеческих караванов, поэтому она хорошо охранялась. Остался довольно большой участок стены, которая окружала Саламис. Рядом – средневековая баня, купола которой недавно отреставрированы. Она построена на месте римских терм, которые по керамическим трубам снабжались водой от серного источника, вода которого считалась полезной.

Цитадель Алеппо

Эта крепость в Алеппо, древнейшим, наряду с Дамаском, городом Сирии, по праву считается лучшим образцом арабского фортификационного зодчества. Первым строителем крепости в III в. до н. э. был один из полководцев Александра Македонского, основатель Сирийского царства и династии Селевкидов, Селевк I Никатор. Византийцы значительно укрепили её, так как Алеппо находился близко к Евфрату, за которым начинались владения Персидской державы, грозного противника Византии. Потом последовали три столетия владычества арабского халифата, во время которого крепость постоянно укреплялась. Уже к X веку цитадель Алеппо считалась неприступной, о чём свидетельствуют события так называемого «византийского крестового похода», инициатором которого был император Никифор. 23 декабря 962 г. войска Никифора Фоки ворвались в столицу северной Сирии, но защитники её укрылись в цитадели.

И в дальнейшем, цитадель Алеппо, как и цитадель Дамаска, осталась непокоренной. Хотя не раз она страдала от разрушительных землетрясений и набегов завоевателей, но всякий раз восстанавливалась, становясь ещё крепче.

Свой современный вид она получила при сыне Салахад-Дина султана аль-Малике аз-Захире на рубеже XII и XIII веков. Он окружил крепость глубоким рвом и покрыл склоны холма, на котором она стоит, каменной облицовкой. При нём же была возведена монументальная входная башня. Самые крупные строительные работы однако проводились мамлюками в начале XVI века, когда для защиты рва были возведены бастионы с северной и западной стороны.

Цитадель Алеппо уже давно утратила своё первоначальное назначение, но и теперь её могучие крепостные стены и башни, возвышающиеся над центром города, производят неизгладимое впечатление.

По сторонам от главного входа видны остатки каменной облицовки холма размером 1,0–0,4 м – они служили защитой от возможных оползней. Стены цитадели, вознесённые на огромную высоту, кажутся неприступными; довершают картину величия башни, арки и бойницы.

Вход в цитадель охраняют две башни. Первая, размещённая на внешней стороне рва, достигала высоты 20 м. Построена она султаном Кансуха аль-Гаури в 1542 г., о чём свидетельствует сохранившаяся надпись на входных железных дверях. Эта башня защищала мост, переброшенный через ров, который подводит к громадной привратной башне с двумя массивными воротами. Башня – образец высокого военного искусства. Внутри неё идёт многократно извивающийся коридор, пройти который ещё никому не удавалось. За каждым новым поворотом из отверстий в потолке осаждающего ждал смертельный удар. Для того чтобы избежать применения тарана, входные ворота образованы в боковой части стены. Они получили название «змеиных» из-за рельефного изображения двухголовых змей в верхней части арки. За первыми воротами проход дважды поворачивает влево под прямым углом и подвод ко вторым воротам, украшенных сверху изображением двух львов. За ними следуют ещё одни ворота, получившие название «ворот двух львов» – по обе стороны от них помещены каменные рельефные изображения плачущего и смеющегося льва. Эти ворота ведут в длинный коридор, по бокам которого размещены конюшня и помещение для стражи. В нише справа – Макам Хыдр, символическая могила мусульманского святого, аналогичному европейскому Святому Георгию Победоносцу. Со своим назначением способствовать защите ворот Макам Хыдр, судя по всему, справился.

Узкая улочка, начинающаяся сразу за башней, идёт через всю цитадель. По правую сторону сохранились подземные помещения византийского времени, часть из которых были перестроены арабами под резервуары для воды. В низком сводчатом зале находилась тюрьма, получившая название «тюрьмы крови». Возможно, в ней сидел рыцарь-авантюрист Рено де Шатильон, захваченный в плен в 1160 г. и проведший в мусульманских тюрьмах более 9 лет. С левой стороны – хорошо сохранившаяся мечеть Ибрагима, получившая название «Малая». В конце улицы находится Большая мечеть, разрушена во время пожара в 1214 г. и восстановленная уже в наши дни.

К востоку от мечети, вдоль северной стороны, тянется длинное здание казармы, построенное в 1834 г. – как видим, цитадель не теряла своего значения вплоть до середины XIX века. Возле казарм – квадратный колодец глубиной 60 м, внутрь ведут ступени, которые примерно на одной трети глубины подводят к подземным ходам. Они соединяли крепость с северным бастионом, городом и окрестностями. Есть в крепости и царский дворец с просторным двором и бассейном и даже небольшой театр, напоминающий античный римский. Видно, что это уже современная постройка, выполненная для привлечения туристов. Хотя, может быть, в византийское время здесь и был театр. Известно, что византийцы, первые владельцы цитадели, были охочи до развлечений.

Крепость Симеона

Калаат Семаан (на арабском – Калаат Семаан), единственная в Сирии крепость-монастырь, расположена в холмистой местности в 30 км к северо-западу от Алеппо. В V веке на одном из холмов жил и проповедовал один из известнейших аскетов христианского мира святой Симеон. Поэтому эта местность носит название Джебель Семаан – горы Симеона.

Святой Симеон провёл на площадке, установленной на вершине столпа, 40 лет. К нему на исповедь стекались паломники из Греции, Рима, Галлии и Британии. В конце V века ученик и последователь св. Симеона Даниил Силит в память об учителе построил на вершине холма монастырь, отличавшийся величием и красотой. Позже монашеская обитель была обнесена стенами с 27 башнями. Сделано это было потому, что горы Джебель Семаан в VI веке находились в центре военных действий между Византией и Персией, а с VII века более 200 лет лежали в пограничной зоне арабского и византийского противостояния. В 970 г. между арабским халифатом и Византией был заключён мир. Но через 15 лет византийцы нарушили его и окружили город Апамею. В ответ династия Хамданидов, правившая Северной Сирией, осадила монастырь Симеона. Через три дня крепость-монастырь была взята, а большинство монахов убито. Тем не менее, до конца XI века монастырь оставался действующим.

При первом крестовом походе Калаат Семаан был захвачен крестоносцами и служил важным опорным пунктом на подступах к Алеппо. В 1146 г. мусульманский полководец Нур ад-Дин отобрал крепость.

Калаат Семаан является одним из самых посещаемых туристами мест Сирии. Даже развалины монастыря поражают своей красотой. От стен и башен сохранились лишь незначительные фрагменты.

Дорога из Алеппо занимает около получаса.

Крепость Харим

Крепость находится на высокой скале вблизи от турецкой границы возле пустынной местности Амк. В 959 г. византийским императором Никифором Фокой на её месте было

построено оборонительное укрепление для защиты южных рубежей Антиохии. Крестоносцы перестроили укреплённый пункт в неприступную крепость.

Расположение Харима сыграло с ним злую шутку. В эпоху крестоносцев крепость много раз переходила из рук в руки. В 1164 г. здесь произошло решающее сражение между крестоносцами и мусульманами, окончательно определившее её судьбу.

Войску мусульман Нур ад-Дина противостояли объединённые силы крестоносцев, византийцев и армян. Нур ад-Дин ложным отступлением заманил противника на болотистую пустынную местность Амк к северу от Харима. Пользуясь преимуществом своих позиций, Нур ад-Дин разбил врага, взяв в плен почти всех руководителей крестоносцев – Антиохийского принца Боэмунда III, графа Раймунда II Триполитского и византийского наместника Киликии. Крепость навсегда перешла к мусульманам.

Харим находится в 30 км к западу от Алеппо.

Цитадель Циррус

Цитадель Циррус, как и одноимённый город эллинистического времени (IV в. до н. э.), находится в холмистой местности на северо-западе страны вблизи турецкой границы. Цитадель построена царём Селевком I Никатором для защиты северных рубежей Сирии от персов, а название своё получила от одноимённого города в Македонии.

На вершине холма видны остатки стен и донжона – четыре башни, 3 квадратных и одна круглая. С холма хорошо виден нижний город, который окружала стена, соединявшаяся цитаделью. Сохранились северные и южные ворота, между которыми проходила центральная улица – кардо максимум, вымощенная базальтовыми плитами. Почти в середине улицы – театр II века на 3 тысячи мест.

В римский период Циррус также являлся важным стратегическим пунктом, здесь стоял легион 10 Фретенсис. В византийскую эпоху город стали называть Агиополис («город святых»), так как здесь находились мощи святых Св. Космы и Дамиана. Император Юстиниан (527–565 г.г.) возвёл новые укрепления и акведук.

В 627 г. арабы без боя овладели крепостью и назвали её на свой манер – Курус. В период крестовых походов город оказался в центре активных боевых действий. Тогда он назывался Кориси (Цориси). В 1150 г. крестоносцев вытеснил Нур-ад-Дин.

С холма открывается потрясающий вид на город и окрестности. Недалеко находится ещё несколько объектов античного времени. Два римских моста через речки Сабун и Африн и сооружение с мраморными колоннами и башней – мавзолей знатного римлянина.

Цитадель находится возле городка Наби Хури в 71 км от Алеппо. Ехать надо через город Азас.

Город-форт Расафа

Величественные стены Расафы неожиданно возникают перед вами, когда ничего подобного не ожидаешь. Город-форт расположен в пустыне, в 20 км от Евфрата, вдали от населённых пунктов.

Стены Расафы, сложенные из светло-розового камня, светятся под солнечными лучами, словно перья жар-птицы. Это даёт резкий контраст с безжизненной, почти вымершей серой пустыней.

История города-форта очень необычна. В своей биографии он знал периоды и взлёта, и падения. Тем обиднее, что интерес к нему потерян в наше время, когда человек нуждается в положительных духовных примерах. А ими, как никакой другой древний город Сирии, Расафа богата.

На этом месте ещё в IX в до н. э. размещался военный лагерь ассирийцев. В античную эпоху город-крепость не играл заметной роли. Это был небольшой форт на окраине Римской империи, созданный в пустыне для слежения за действиями могущественных соседей – империи Сасанидов. Но в IV веке случилось событие, сделавшее это место известным всему миру. Два брата, офицеры римской армии по имени Сергей и Бахус, приняли новую христианскую веру и не стали отказываться от своих убеждений под страхом смертной казни. Один из братьев, Сергей, был привезён в Расафу и здесь по приказу императора Максимиана казнён в 300 г.

С середины IV века к Расафе приковано всё внимание византийских императоров. Император Анастасий в начале VI века даёт городу название Сергиополис, строит новые стены, церкви и подземные цистерны для хранения воды. Почтить память св. Сергия в город устремляются многочисленные паломники.

После войн с Персией Расафа пришла в запустение, скоро о городе в пустыне забыли.

Добраться до Расафы можно из Алеппо на такси.

Крепость Дура-Эвропос

На высоком правом берегу Евфрата в 94-х км от Дейр эз-Зора вблизи границы с Ираком находятся живописные развалины города-крепости со странным названием Дура-Эвропос. На рубеже III и IV в.в. до н. э. его основал Селевк I Никатор. Дура – на местных семитских наречиях означает «крепость», Эвропос – название города в Македонии, где родился Селевк. Это одно из немногих мест в Сирии, где сохранились остатки римской крепости, не претерпевшей никаких перестроек в более позднее время.

В период расцвета Дура-Эвропос занимал площадь в 73 гектара. Он состоял из верхнего, где размещались жилые дома и храмы, и нижнего города, где находился порт и склады. Во время постоянных войн с Парфянским царством Дура-Эвропос часто переходил из рук в руки. Стабильность появилась в римское время, когда император Траян победил парфян и передал Дура-Эвропос Пальмире. Окончательно римским город стал в 165 г. н. э. во время похода императора Луция Вера на парфянскую столицу Ктесифон.

С этого времени здесь постоянно находился римский гарнизон для защиты восточных рубежей империи. При императоре Каракалле гарнизону принадлежала вся северная четверть города. Там размещались казармы, принципий, амфитеатр, бани и резиденция командующего.

В 256 г. Дура-Эвропос был захвачен персами, разорён и сожжён, постепенно о нём забыли. Честь открытия города заново принадлежит британскому капитану Мэрфи, который во время I первой мировой войны остановился рядом на ночлег со своим отрядом. Утром он обнаружил на одной из стен красивое панно и доложил об этом начальству. После войны город обследовал известный археолог Кюмон. Много сил отдал раскопкам русский археолог Ростовцев, эмигрировавший за границу после революции. Экспонаты из Дура-Эвропос находятся в Национальном музее в Дамаске.

Город-крепость Халябия

Крепость Халябия расположена у подножия холма на правом берегу Евфрата в 45 км к северо-западу от города Дейр эз-Зор.

Халябия основана в III веке пальмирской царицей Зенобией, в честь неё и получила своё название (Зенобия – Халябия – араб.). Полагают, что крепость воздвигнута здесь, с одной стороны, для прикрытия подходов к Пальмире с севера, с другой стороны, для контроля над источником воды Вади Бишри, стекающего с северной стороны горного массива Джабал Бишри. Вода в пустыне всегда представляет большую ценность. После победы Рима в войне с Пальмирским царством, Халябия входила в стратегическую линию защиты – Лимнмис арабикус. В VI веке византийский император Юстиниан отремонтировал стены и башни Халябии и построил несколько церквей. Город-крепость был разрушен во время войны Византии с Персией, жители покинули его и о Халябии вскоре забыли.

Руины Халябии начали привлекать внимание путешественников и учёных с середины XIX века. Известный английский исследователь древностей Гертруда Белл осмотрела город во время путешествия по Северной Месопотамии, а в 30-х годах XX века французский археолог Антон Подебрат сделал аэрофотосъёмку крепости. В 1944-45 г.г. крепость обследовала французский археолог Джейн Лофрей, которой помогали в этом 45 рабочих из местных бедуинских племён. В 2006–2009 г.г. в Халябии проводила работу совместная сирийско-французская экспедиция.

Лучше всего ехать в Халябию на такси из Дейр эз-Зора. Но туда ещё нужно добраться – город на Евфрате является сирийской глубинкой.

Залябия

На другой стороне Евфрата, напротив Халябии, находится крепость Залябия. Также как и Халябия, она построена пальмирской царицей Зенобией в III веке и служила для защиты переправы через Евфрат – здесь одно из самых узких мест в среднем течении реки. Сейчас Халябия и Залябия соединены мостом через Евфрат. Римляне укрепили крепость, назвав её Регия Диана Фанум. В войнах с Персией Залябия сильно пострадала. Византийский

император Юстиниан в VI веке отстроил Залябию и приказал заселить её переселенцами. В войне Византии с Персией Залябия была разрушена и следы её затерялись. В XX веке крепость была обследована археологами вместе с Халябией.

Сохранилась восточная стена Залябии вместе с главными воротами и несколькими башнями.

Калаат аль-Маани

На одном из самых высоких холмов, окружающих древний город Пальмиру, возвышается арабская крепость Калаат аль-Маани. Она построена в начале XVII века друзским эмиром Фахр ад-Дином аль Мани. Хотя есть версия, что её возвели мамлюкские султаны в XIII в., а друзский эмир лишь достроил и укрепил крепость. Власть Фахр ад-Дина распространялась на Ливан, часть Сирии и Палестины. Он построил несколько крепостей, но сохранилась самая величественная – пальмирская, при сооружении которой использовались камни из руин Пальмиры.

Центральную часть крепости защищают семь башен. В южной части остатки резиденции коменданта. Интерес представляет также грандиозный ров, высеченный в скале по периметру крепости.

К Калаат аль-Маани проложена асфальтовая дорога. От крепости открывается потрясающий вид на древнюю Пальмиру.

Калаат Неджм

На берегах Евфрата построено несколько крепостей, большинство из которых контролировало места, удобные для переправы через главную водную артерию Сирии.

Эти крепости или места, где они были возведены, связаны с важным историческим событием, положившим начало раскола ислама на две ветви – шиитов и суннитов, битве при Сиффине между четвёртым праведным халифом Али и губернатором Сирии Муавией из рода омейядов. Муавия не признавал власть Али и фактически сделался самостоятельным правителем Сирии. Естественно, халиф не мог смириться с таким ходом вещей и снарядил войско в поход против новоявленного оппозиционера.

Крепость Неджм – одна из таких крепостей. Она находится на высоком холме на правом берегу Евфрата в 17 км от города Менбидж.

Историческими источниками подтверждено, что на месте Неджма в римское время существовала античная крепость Цецилиана. Старейшее упоминание о крепости в арабских текстах VII века Джиср Менбидж, в то время как настоящее название крепости пришло в середине XII века. Согласно одному из них, халиф Осман построил мост через Евфрат в Джиср Менбидж. После столетнего владения крепостью омейядами, она перешла под контроль шиитской династии Наманидов, и, в конце концов, во владение арабского племени Бану Нумейр. В средние века крепость часто меняла хозяев, пока Нур ад-Дин не объединил в своих руках всю Сирию.

Крепость находится рядом с двумя островами, которые с древнейших времён были соединены между собой, и с берегами понтонными мостами, которые служили для прохода караванов из Алеппо в библейский Харран, расположенный к северу от Евфрата. Кстати, когда жители Раки разрушили мост через Евфрат, чтобы не дать возможность войскам праведного халифа Али вступить на территорию Сирии, жители Менбиджа пропустили его армию через эту переправу.

Дорога из Алеппо на такси занимает чуть больше часа.

Калаат Джабар

Крепость, располагавшаяся на холме в 4-х км от Евфрата и с доисламских времён известная как Давсар, охраняла переправу через реку для жителей ар-Раки. Сейчас, после сооружения около ар-Раки плотины и создания водохранилища «озера Ассада», она окружена водой и соединена с левым берегом реки насыпным перешейком, по которому можно подъехать на автомобиле.

Недалеко от крепости, на равнинной местности Сиффин на правом берегу Евфрата, произошла историческая битва между 4-м праведным халифом Али и правителем Сирии Муавией.

В XI веке переправу контролировало племя Бану Нумейр, которое значительно укрепило крепость, придав ей современный вид. В 1086 г. сельджукский султан Мелик шах передал Аль Джабер династии Укайлидов, которая владела крепостью до конца XII века, исключая оккупацию крестоносцами в 1102 г. Под стенами Джабара был убит своим слугой знаменитый полководец Зенги.

Добраться в Джабар можно на такси из Алеппо. Дорога займёт около 2-х часов.

Крепость Сиффин

Развалины этой мало известной даже учёным крепости лежат на холме на правом берегу Евфрата между небольшими деревнями Сиффин иль Акирши, в 25 км к востоку от ар-Раки. Она занимает площадь около 500 квадратных метров, но предполагается, что большая часть крепости находится под слоем земли. До сих пор сохранились некоторые участки внешней стены и рядом арок. Как раз здесь, в 656 г. произошло историческое сражение, известное как битва при Сиффине. Крепости в ту пору ещё не было, но деревенька существовала. Раз мы находимся в местах, связанных с поворотными событиями в исламе, пришло время рассказать о них подробнее.

Как мы знаем, жители Менбиджа пропустили войско 4-го праведного халифа Али через переправу, и оно стало двигаться вдоль Евфрата навстречу противнику уже по сирийской территории.

Прежде всего, опишем местность, где проходило сражение.

Это равнинный участок, расположенный между большой излучиной Евфрата, там, где река поворачивает на восток, и городом Рака. Здесь встретились обе армии и здесь начались первые стычки, которые были скорее позиционными боями за выход к реке. Места эти пустынные, и преимущества получала та армия, которая имела возможность пополнять запасы воды. В этих боях преимущество получили сторонники праведного халифа, они сумели оттеснить армию Муавии от реки. Правда, арабские источники сообщают, что Али проявил гуманизм и разрешил воинам соперника пить воду из Евфрата.

Бои продолжались, войска несли потери, но никому не удавалось достичь решающего преимущества. Тогда Али пробился к шатру Муавии и стал вызывать его на бой. Он кричал сопернику, что тот, кто останется в живых, тот и будет халифом. Но Муавия не принял вызова.

Наутро третьего дня противостояния Али и его сторонники стали свидетелями необычного зрелища, больше похожего на спектакль. Перед ними стояло войско Муавии, а к копьям воинов были привязаны листы из Корана. Это был призыв к мирному разрешению спора, который предлагалось решить с помощью священной для каждого мусульманина книги. Как ни пытался Али объяснить своим воинам, что это всего лишь хитрая уловка соперника, выпускающего из своих рук нить битвы, его армия повернула домой.

Было решено передать спор в третейский суд специально созданной комиссии. Часть сторонников Али отделилась от него на обратном пути, не согласившись с таким решением. Этих людей стали называть хариджитами, «вышедшими». По мнению этой части войска, судьёй в таком важном вопросе мог быть только Аллах.

Возможно, они были правы. Потому что суд не назначил никого халифом, но и Али лишился этого звания. Наступила смута. То там, то здесь проходили стычки между сторонниками одного и другого. Кончилось тем, что Муавия в 660 г. объявил себя халифом. Через год Али был смертельно ранен при выходе из мечети ударом сабли по голове. На следующий день он скончался. Так закончилась эра выборных праведных халифов, наступила эра создания династий, где власть передавалась по наследству.

Добраться в Сиффин можно из Алеппо на такси за 2,5 часа. Или за 15 минут из Раки.

Калаат Рахба

На правом берегу Евфрата на отроге скалистого плато в 4-х км от города Маядина открываются величественные руины крепости Рахба. Биография крепости бедна событиями, она не играла никакой роли во время экспансии крестоносцев, вся её история связана с междоусобицами аттабеков и сельджукских князей в борьбе за власть в Месопотамии. Считается, что первое фортификационное сооружение появилось здесь при Аббасидах в VIII веке, и возвёл её наместник султана в области Рахба Малик Бен Ток.

В 1164 г. крепость захватил Нур ад-Дин, при котором она значительно укрепилась. Объединитель Сирии считал её важным опорным пунктом на дороге между Багдадом и Дамаском.

В 1258 г. Рахбу захватил внук Чингисхана Хулагу, но монголы нигде не задерживались, занимаясь только разбоем. Больше чем через столетие в 1392 г. её захватил полководец Тамерлан.

Крепость плохо сохранилась, остались лишь развалины стен и цитадели. Зато в хорошем состоянии казематы под крепостью, но они находятся на замке, ключ от которого принадлежит одному из жителей Маядина. Это связано с тем, что здесь проводились археологические раскопки, которые ещё не окончены. В окрестностях крепости есть три объекта, связанных с противостоянием Муавии и 4-го праведного халифа Али. Это три мавзолея, в которых похоронены сторонники Али, погибшие в битве при Сиффине – шейхи Анис, Срейдж и Аш-Шибли.

На такси 40 минут из Дейр эз-Зора.

Замок Каср аль-Хейр аль-Гарби

Теперь, когда мы в полной мере познакомились с перипетиями битвы при Сиффине, приведшей к власти Муавию, пришло время рассказать о «золотом веке» основанной им династии Омейядов – времени расцвета архитектуры, искусства и культуры Сирии. Эта эпоха поражает размахом строительства дворцов и мечетей, возрождением традиционных ремёсел. Ещё одной особенностью является сооружение так называемых «замков пустыни» – резиденций халифов и придворной знати, построенных вдали от беспокойных и многолюдных городских кварталов.

Одним из самых романтических «замков пустыни», к сожалению, плохо сохранившимся, является Каср аль-Хейр аль-Гарби. Причина тому банальна и стара, как мир – качество строительных материалов. Дело в том, что сам дворец и его стены были сложены из камня только до высоты двух метров, дальше шла кладка из глиняных необожжённых кирпичей. Сейчас сохранилась именно эта, нижняя часть здания, и то не вся. Но то, что осталось, позволяет сделать следующие выводы: дворец представлял собой квадрат со стороной 70 м, в углах которого размещались круглые башни.

Однако, ценность замка не в его архитектурных особенностях. Достаточно взглянуть на дворец Каср аль – Хейр аш – Шарки, чтобы представить себе, каким мог быть описываемый мною в этой заметке дворец. Я не хочу сказать, что это были замки – близнецы, но то, что они создавались при одном халифе Хишаме примерно в одно время, говорит о приоритетах вкуса этого человека и его требованиях. Возможно, и архитектор был один – его имя я сообщу в следующей статье.

Повторюсь, ценность состоит не в архитектурных особенностях здания, а в том, что находилось внутри него и около его стен.

Начну с последнего.

Когда в 20-х – 30-х годах прошлого века археологи занимались раскопками Каср аль – Хейр аль – Гарби, они обратили внимание на рассыпанные на земле осколки, напоминавшие часть оставшегося фасада главного входа в замок. Несколько месяцев члены экспедиции занимались извлечением из земли осколков – всего их было найдено более пятидесяти тысяч, а потом, словно в детской игре, эти осколки тщательно укладывались в специальную форму, пока перед учёными не встал во всей красе парадный вход во дворец. Сейчас он украшает вход в национальный музей Дамаска и является одним из самых выдающихся шедевров арабского зодчества.

Кроме этого, учёные нашли громадное количество предметов и деталей декора, как внутреннего, так и внешнего. Этому посвящён целый зал музея.

На стенах зала декоративные украшения с тончайшими узорами, фигурками животных, людей. Есть несколько хорошо сохранившихся фресок – они украшали полы и стены дворца. На одной изображены два музыканта в пышных одеждах, на другой – всадник, на полном скаку целящийся из лука в газель. Интерес представляет и часть реконструированной галереи с изящными решётками, защищавшими окна от солнечных лучей.

Но вернёмся во дворец. Его снабжение водой решалось на очень высоком техническом уровне.

В 15 км на юго-восток от замка Каср аль – Хейр аль – Гарби была перегорожена небольшая речушка и создано искусственное озеро. От него проложен канал, выложенный обожжённой глиной, который подходил к распределительному пункту в двухстах метрах от дворца. От этого пункта было сделано ответвление к подземной цистерне внутреннего двора – из неё вода поступала во дворец и бани. Канал шёл дальше, и через 1/2 км впадал в огромный резервуар 60х60 метров, глубиной четыре метра, а ещё через 2 км достигал сада. Сад был большой, сохранились следы стен, окружавших его по периметру. На его территории также видны остатки оросительной системы.

Если вас всё это не впечатлило, напомню, время строительства – начало VIII века. Теперь представьте себя во дворце, устроенном так, что в самую страшную жару внутри комфортная температура, вокруг фонтаны, бани, дивный сад. Чем не райский уголок, созданный посреди бескрайней, безводной и безлюдной пустыни умелыми руками арабских «инженеров»?

Добираться до замка Хишама очень сложно.

Замок Каср аль-Хейр аш-Шарки

Для того чтобы увидеть настоящее чудо, ещё один дворец омейядов Каср аль – Хейр аш – Шарки, нужно потратить немало сил и здоровья, особенно в летний период. Творение рук арабского зодчего Сулеймана сына Обейда из Хомса находится в самом центре Сирийской пустыни, вдали от оазисов и селений.

Сначала нужно добраться до Пальмиры – это примерно 2 часа по пустыне от Хомса или Хамы и 2,5 часа от Дамаска. На 74-м км шоссе Пальмира – Дейр эз – Зор (через 4 км после селения Сухна) нужно по едва заметной грунтовой дороге повернуть на северо-запад. Примерно через 30 км дорога приведёт к остаткам каменной стены, которая раньше окружала территорию обширного сада, длиной 6 км, шириной 2 км. Сад посреди пустыни в эпоху омейядов – явление вполне обычное. Мы уже видели в предыдущем рассказе, что арабские вельможи создавали в пустыне громадные оросительные системы длиной в несколько десятков километров – получался искусственный оазис, радующий глаз и душу уставшего от государственных забот владельца.

Двигаясь дальше на север вдоль следов стены, вы через 6 км попадёте во дворец. Ну что, устали? Давайте немного отдохнём, для этого во дворце халифом Хишамом ибн Абдель Малеком созданы все условия.

Пройдём через главные ворота и окажемся в маленьком городе, где есть всё необходимое для жизни – два дворца, мечеть, ёмкости для воды, бани и даже давяльня для изготовления оливкового и фисташкового масла.

В центре – резиденция халифа с открытым внутренним двором и фонтаном.

Каср аль – Хейр аль – Шарки снабжался водой по каналу, идущему от искусственного озера, образованного плотиной в 30 км от замка.

Каср ибн Вардан

Когда едешь по пустыне из Хамы в сторону Пальмиры, на 60-м километре дороги неожиданно возникает чудесный дворец. Это остатки военного комплекса VI века, возведённого императором Юстинианом как часть оборонительной системы для защиты от Сасанидского Ирана, включающей в себя ещё Расафу и Халябию. Кроме дворца в комплекс входила церковь и казармы, всё это было обнесено стеной. Каср ибн Вардан построен в византийском стиле, такого рода сооружения в Сирии больше нигде не сохранились. Стены дворца выглядят очень нарядно: они выложены слоями из чёрного базальта и розового мрамора.

Рядом с комплексом живёт сторож, у которого можно взять ключ и зайти в середину. Сразу за входом – зал, слева и справа от него помещения. В правой части колодец с водой, у северной стены замка – конюшни. После недавно завершившейся реставрации, можно подняться и на второй этаж, откуда открывается прекрасный вид на церковь, имеющую квадратную форму. Купол отсутствует, говорят, он был сложен из кирпича.

Добираться до замка нужно из Хамы на такси.

Часть 3. Эпоха крестовых походов как венец фортификационного зодчества на Ближнем Востоке

Положение Сирии накануне Первого крестового похода

Территория Сирии, особенно плодородные земли в долине Евфрата и её морское побережье, с древнейших времён была лакомым куском для разного рода завоевателей. Во втором тысячелетии до н. э. здесь пересеклись интересы двух супердержав Древнего мира: Египта и империи хеттов. С III века до н. э., благодаря завоеваниям Александра Македонского, Сирия вовлекается в орбиту эллинистического мира. Один из его полководцев Селевк создаёт империю Селевкидов, центром которой являлась Сирия. В составе Римской империи провинция Сирия географически определяется территорией от Малоазийского полуострова до Красного моря. По наследству, как часть Восточной Римской империи она достаётся Византии. Но к VII веку н. э., борясь с Персией, которая тоже претендует на земли Сирии, Византия пропускает удар арабского халифата и теряет эту территорию.

Таким образом, непосредственно перед крестовым походом, Сирия уже почти четыре столетия входит в ореол арабского мира, а главный город Сирии Дамаск в VII веке даже становится столицей арабского халифата.

С X по XI век, после распада халифата, Сирия дробится на несколько мелких феодальных владений, которые враждуют между собой в борьбе за власть.

Примерно за тридцать лет перед первым крестовым походом в 1070 г. в Сирии появляются турки-сельджуки, до этого завоевавшие практически всю Малую Азию, Закавказье и территорию бывшего Багдадского халифата. Их военачальники захватили некоторые области и города Сирии. В других городах остались местные арабские феодалы, признавшие себя вассалами сельджукского султана. Сирия оказалась ещё больше раздробленной. Не только каждый более или менее значительный город с его областью или районом являлся наследственным владением независимого арабского или тюркского эмира, но и многие мелкие населённые пункты были резиденциями феодалов, каждый из которых стремился основать самостоятельную местную династию.

В 1070 г. сельджукский военачальник Асзыз взял Иерусалим, а через пять лет – Дамаск. В Сирии образовалось два сельджукских султаната, считавшихся вассальными владениями «великих» сельджукских султанов. В Алеппо правил султан Рудван, в Дамаске – его брат Дукак. Фактически они владели только этими двумя городами с прилегающими районами. В других городах правили местные эмиры. За обладание богатыми сирийскими городами сельджукам приходилось вести борьбу с арабской династией шиитских халифов Египта, называвшихся фатимидами. Наместники фатимидов правили в городах Сирии до появления сельджуков. Не желая уступать новым завоевателям свои азиатские владения, из которых в египетскую казну поступали подати и торговые пошлины, фатимидская армия в 1089 г. восстановила контроль над некоторыми портами на сиро-палестинском побережье, а в 1098 г. захватила Иерусалим со всеми его арабскими и христианскими святынями.

Таким образом, в самом конце XI века, когда в Сирии, Ливане и Палестине появились первые отряды крестоносцев, никто не смог дать им полного отпора из-за полного отсутствия центральной власти и феодальной разобщённости.

Сцена боевых действий в эпоху крестовых походов и главные действующие лица на ней

XII–XIII в.в. – смутное время в истории Ближнего Востока, когда на территории Сирии и Палестины в борьбе за власть схлестнулись интересы нескольких сил: местных арабских князей и пришлых завоевателей – европейских рыцарей в лице крестоносцев, византийских императоров, арабских халифов Фатимидов и турок Сельджукского султаната.

Византия

Первыми в этом ряду стоят византийцы, которые владели Ближним Востоком до середины VII века. Примерно за сто лет до прихода крестоносцев они попытались вернуть обратно утерянные земли, причём сделали это под предлогом спасения Гроба Господня. Поэтому перед освещением главной темы сделаем небольшой исторический экскурс.

Миссию освободителя взял на себя император Никифор Фока. В 961 г. он освободил от арабов остров Крит, в 962 г. – захватил Алеппо, а в последующие пять лет завоевал Шейзар, Хаму, Хомс и, выдвинувшись к побережью, овладел Тортозой и Библосом. Не за горами был Иерусалим. Но остановил Никифора Фоку... его ближайший помощник, полководец Иоанн Цимисхий.

Он устроил заговор, убил Никифора Фоку и объявил себя императором.

Цимисхий попытался закрепить успех предыдущего императора. Как пишет хронист Матвей Эдесский: «Он уничтожил до основания триста городов и крепостей и дошёл до рубежей Багдада». Летом 975 г. Цимисхий начал большой поход в Палестину, захватил города в районе Тивериадского озера – Генисарет, Акку, Кесарию. Почти подойдя к Иерусалиму, он был вынужден остановиться, боясь, что армию отрежут от подвоза продовольствия и путей отступления. После смерти Цимисхия, императором стал Василий II, который организовал поход по следам Никифора Фоки: прошёл по долине Оронта, вышел к Триполи по Хомскому коридору и вернулся обратно в империю по сирийскому побережью. Больше попыток отвоевать сирийские земли византийцы не делали, так как на горизонте появился новый сильный враг. В 1018 г. в земли Византии с Востока вошли полки турок-сельджуков.

Турки-сельджуки Рума

Грозной силой были турки сельджуки Рума, т. е. Малой Азии. Они захватили практически всю азиатскую часть Византии, создали на этой территории Иконийский султанат и представляли постоянную угрозу для существования Византийского государства. Участники I крестового похода по дороге в Палестину непременно должны были пройти через территорию турок-сельджуков, о существовании которых не знали. Иконийский султанат станет серьёзным препятствием на пути освободителей Гроба Господня.

Турки-сельджуки Персии

Турки-сельджуки Персии к началу I крестового похода захватили Багдадский халифат и заняли некоторые города Сирии, за которые вели постоянные войны с фатимидским Египтом. Армия турок-сельджуков, основу которой составляла наёмная конница туркменов, также представляла грозную силу.

Фатимидский Египет

В Египте с 969 г. установилась власть династии шиитских халифов фатимидов. Структура правления была такой же, как и в других государствах арабского Востока. Религиозным главой государства являлся халиф, правительство возглавлял султан. Египет ко времени крестовых походов был сильным централизованным государством, располагал большими материальными ресурсами, имел сильное наёмное войско и большой флот.

Первый крестовый поход

Поход, невзирая на разношерстное руководство, включавшее в себя столь разных предводителей, как Раймунд Тулузский, Боэмунд Сицилийский и Готфрид Бульонский, в отсутствии единого лидера достиг значительных военных успехов ещё на начальном отрезке пути в Анатолии. В июне 1097 г. франки взяли столицу турок-сельджуков Никею, а в июле того же года нанесли тяжёлое поражение сельджукской армии во главе с султаном Кылыч Арсланом в битве при Дорилее. В октябре 1097 г. войска крестоносцев приступили к осаде могучей крепости Антиохии в Северной Сирии. Отделившиеся отряды под предводителем Балдуина Булонского двинулись к христианскому армянскому городу Эдессе и 10 марта 1098 г. взяли его, образовав первое государство крестоносцев на Ближнем Востоке, известное как Эдесское графство.

Антиохия пала в июне 1098 г., в январе 1099 г. было положено начало Антиохийского княжества под управлением норманнского предводителя Боэмунда Сицилийского.

Пройдя через долину реки Оронта, а потом вдоль берега Средиземного моря основные силы крестоносцев 15 июля 1099 г. взяли штурмом Иерусалим. Здесь было основано Иерусалимское королевство, первым правителем которого был избран Готфрид Бульонский.

Последнее крестоносное государство, графство Триполитское, было основано в 1109 г. после взятия города Триполи, осада которого длилась семь лет.

Исторические портреты

Алексей I Комнин, византийский император

Алексей I Комнин (1058–1118 г.г.), представитель богатого рода, основатель династии Комнинов, был первым византийским императором, столкнувшимся с участниками крестового похода, причём, задолго до его начала.

В 1081 г. начались боевые действия на Балканах, куда устремились норманнские рыцари во главе с Робером Гвискарсом, герцогом сицилийским и его сыном Боэмундом, будущим

участником похода во имя спасения Гроба Господня. До 1084 г. война шла с переменным успехом, но, в итоге, Алексей отбил натиск норманнских завоевателей.

Когда в 1096 г. в Константинополь начали прибывать первые отряды крестоносцев, византийский император очень тепло принял их, но потребовал под присягой, чтобы по дороге в Иерусалим они отдавали ему все захваченные города. Первоначально европейские рыцари так и поступили, вернув Алексею Никею – столицу турок сельджуков. После чего они стали нарушать данное слово, и Алексей затаил обиду.

Он отказался помогать крестоносцам, когда после взятия Антиохии они оказались в кольце турецких войск. В 1104 г. византийские войска захватили Лаодикею, которая уже находилась в руках одного из лидеров крестоносцев, Боэмунда – противника Алексея в войне на Балканах.

Роль Алексея Комнина в первом походе крестоносцев хорошо показала в своём произведении «Алексиада» дочь императора Анна Комнина.

Готфрид Бульонский

Готфрид Бульонский, Годфруа де Бульон (ок.1060, Булонь – 18 июля 1100, Иерусалим), граф Бульонский (1076–1096), герцог Нижней Лотарингии.

Готфрид Бульонский, согласно повествованию Гильома Тирского, был верующим человеком, простым в общении, добродетельным и богобоязненным, усердным в молитвах и благочестивых трудах, любезно приветливым, общительным и милосердным. Выше среднего роста, с мощной грудью и красивым лицом, он был человеком несравненной силы.

Проникшись идеей спасения Гроба Господня, Готфрид в 1095 г. с целью финансирования похода заложил своё герцогство епископу люттихскому Отберту. Придя в 1096 г. в Константинополь во главе своего отряда вместе с братьями Евстафием и Балдуином, Готфрид после долгих переговоров согласился принять присягу императору Алексею Комнину и пообещал ему передать все города, отвоёванные у неверных, с тем, чтобы тот снабжал войска европейских рыцарей продовольствием. В начале похода он не считался его предводителем, уступая первенство Боэмунду Тарентскому и Раймунду Тулузскому. Только когда крестоносцы двинулись из Антиохии к Иерусалиму, к Готфриду начинает переходить руководящая роль в экспедиции, в особенности потому, что идея крестового похода сохранилась у него в наиболее чистом виде. В отличие от других лидеров похода, он не соглашался делать остановки в городах Сирии и грабить их, а требовал двигаться дальше, выполняя христианский долг – освободить Гроб Господень.

После взятия Иерусалима, Готфрид был провозглашён королём. Он дал согласие вступить на трон, но отказался носить титул монарха, называя себя заступником Гроба Господня.

Боэмунд Тарентский

Бозмунд Тарентский (1054–1111 г.г.), сын Роберта Гвискара, герцога Апулии и Калабрии, двоюродный брат Рожера II, первого короля Сицилийского королевства, один из предводителей первого крестового похода, первый князь Антиохии.

Бозмунд вместе с отцом участвовал в войнах с Византией за обладание землями на Балканском полуострове, он одним из первых откликнулся на призыв участвовать в крестовых походах. По свидетельству очевидцев, он был горяч, невыдержан и своенравен, хотя обладал решимостью и смелостью – качествами, ценившимися в рыцарской среде. После захвата Антиохии во время первого крестового похода, Бозмунд заявил, что не пойдёт дальше освобождать Гроб Господень, если ему не отдадут этот город во владение. Крестоносцы согласились.

После захвата Иерусалима, Бозмунд вернулся в основанное им Антиохийское княжество. Но здесь его ждало разочарование. Император Византии Алексей I Комнин, в отместку за нарушение крестоносцами взятых обязательств (они не вернули Византии ни одного города, кроме Никеи), выгнал Бозмунда из Латакии. Бозмунд уехал на Сицилию за подкреплением и в своё княжество уже не вернулся, оставив за себя сына.

Раймунд IV Тулузский

Раймунд Тулузский и Сен-Жильский – граф Тулузы (с 1094 г.), маркиз Прованса, герцог Нарбонны, один из главных участников первого крестового похода. Сын Понса Тулузского и Альмодис де ла Марш.

До крестового похода активно участвовал в освобождении Испании от арабского владычества. В 1071 г. совершил паломничество в Иерусалим, во время которого ослеп на один глаз. Среди предводителей крестового похода считался самым могущественным и старшим по возрасту. Ему было за пятьдесят, когда в октябре 1096 г. он выдвинулся на Восток в сопровождении супруги Эльвиры и папского легата Адемара. В рядах его войска были уроженцы Прованса, Оверни, Гаскони и других городов юга Франции. Раймунд отказался присягать императору Алексею Комнину, но заключил с ним союз против Бозмунда Тарентского, с которым у него были сложные отношения. Так, не успев начаться, поход выявил противоречия и несогласованность в своих рядах, в дальнейшем они проявлялись всё больше и больше.

Граф Раймунд участвовал во всех главных сражениях I крестового похода, однако время шло, а он не получал никаких выгод. В 1099 г. в Константинополь хлынула очередная волна крестоносцев, которая захлебнулась в сражениях с турками-сельджуками. Граф Раймунд присоединил к себе остатки этого воинства и приступил к осаде города Триполи, с надеждой основать на его базе своё государство. Во время осады он умер. Его дело продолжил потомки, основавшие Триполийское графство.

Ситуация в Сирии после первого крестового похода. Взгляд мусульман на приход крестоносцев

Первой мусульманской реакцией на приход крестоносцев было безразличие, стремление к компромиссу и озабоченность внутренними вопросами. Вместо того, чтобы противостоять угрозе европейцев, разобщённые мелкие правители Сирии заключали с франками перемирие и постоянно участвовали в мелких междоусобных столкновениях.

Крестоносцы же в эти годы показали себя сильными и целеустремлёнными, они остро осознавали необходимость создания оборонительной системы, которая обеспечила бы им длительное пребывание на захваченных землях. В первое десятилетие XII века франки захватили большинство морских портов, обеспечив, таким образом, возможность получать по морю подкрепление. Территория, которую с этого времени стали занимать крестоносцы, представляла собой длинную узкую полосу суши, растянутую вдоль всего средиземноморского побережья. Вдоль этой полоски крестоносцы создали мощную оборонительную систему – три крупных крепости Крак де Шевалье, Маркаб и Саон (сейчас – Салах ад-Дин)

В начале XII века по повелению сельджукского султана Мухаммада против крестоносцев было организовано несколько экспедиций, но они не получили поддержки правителей Алеппо и Дамаска, которые не приветствовали вмешательства сельджуков в сирийские дела. Самое удивительное, что в 1115 г. армии Мухаммада уже противостояли объединённые силы крестоносцев и сирийских мусульман. Войска султана потерпели сокрушительное поражение в битве при Данисе.

В июне 1119 г. Ильгази, туркменский правитель Мардина из династии Артукидов, призванный жителями Алеппо, нанёс поражение Рожеру Антиохийскому в битве при Сармаде – сражение получило название «битва Кровавое поле». Это была первая серьёзная победа над крестоносцами, но она не получила развития.

Первые заметные признаки, что мусульмане оправились от удара, можно было увидеть во время правления атабека Зенги. Ему удалось захватить Эдессу, столицу Эдесского графства.

Зенги (1087–1146 г.г.)

Зенги ибн Ак – Сонкур аль Наджиб, носивший почётное имя Имад ад-Дин – «Опора веры», был первым мусульманским полководцем, давшим решительный отпор крестоносцам в Сирии. Халиф Багдада за заслуги Зенги пожаловал ему самые высокие титулы, поставившие его на одну ступень с сыном султана. Его называли «Зайн аль Ислам» (краса Ислама), «Аль-Мелик аль Мансур» (эмир-победитель) и «Назир Амир аль-Му Минен» (опора владыки правоверных).

Зенги был сыном мамлюка, состоящего на службе у сельджукского султана Мелик Шаха. Он впервые взял в руки оружие, участвуя в походах на крестоносцев армии атабека Мосула Мавдуда. Прославившись своей отвагой в сочетании с качествами умелого военачальника, он обратил на себя внимание богатых людей Мосула. Они послали послов к султану в его резиденцию в Исфахане с просьбой назначить Зенги атабеком Мосула и направить его на защиту Алеппо от притязаний крестоносцев. В 1127 г. Зенги прибывает в Мосул и берёт под контроль две важные дороги: между Мосулом и Эдессой и между

Мосулом и Алеппо. В 1128 г. Зенги входит в Алеппо и провозглашает священную войну против крестоносцев. В последующие 15 лет он ведёт войны с сирийскими эмирами Хамы, Хомса и Дамаска с целью объединения их в борьбе с крестоносцами. И, наконец, в 1144 г. начинает военные действия против Эдесского графства. Пользуясь отсутствием правителя графства Жослена, он штурмом берёт столицу княжества город Эдессу. При попытке захватить крепость Калаат Джабер на Евфрате, Зенги был убит своим слугой. Арабские хронисты рассказывают, что Зенги, любивший выпить, в состоянии подпития угрожал слуге, что убьёт его. Тот из страха убил своего хозяина. Так случайно оборвалась жизнь главного противника крестоносцев, талантливого полководца и деспотического правителя, что замедлило ход арабской борьбы против захватчиков.

Но крестоносцы и этим «подарком судьбы» не воспользовались.

Иоанн II Комнин, византийский император

Иоанн II Комнин (1087–1143 г.г.). В 1137 году войско императора выступило войной против Антиохийского княжества крестоносцев. Раймунд, князь Антиохийский признал Иоанна своим сеньором.

Второй крестовый поход

После потери Эдессы и угрозы, нависшей над Антиохией, в Европе раздались призывы к новому крестовому походу. В 1147 г. по следам первого крестового похода отправились объединённые силы участников второго во главе с германским императором Конрадом и королём Франции Людовиком. Немецкие рыцари выступили в июне, французские чуть позже. Этот поход, как и первый, отличался изнуряющей дорогой, полной лишений. В Константинополе крестоносцев встретил император Мануил, внешне приветливо, а за спиной устраивал разного рода козни, стараясь как можно быстрее отправить их подальше. Немцы, не дожидаясь французов, выступили раньше: по наущению Мануила они отправились покорять Иконий, столицу иконийских турков. Но ещё в дороге, проходя через горы, растеряли большую часть армии, погибшую от голода, холода и вылазок турок. Этот поход закончился полным фиаско: император Конрад с группой рыцарей был вынужден вернуться в Константинополь и начать всё сначала, уже вместе с Людовиком. Шли они по малоазийскому побережью Средиземного моря, изрезанному бухтами, горами и реками и остановились на отдых возле города Аталии (современная Анталья). Идти дальше не было сил, и крестоносцы попросили Мануила выделить им флот, чтобы добраться до Сирии. Византийцы прислали ничтожное количество кораблей, на которых разместились только рыцари. Пехота, паломники и все сопровождающие вынуждены были продолжить пеший путь. Практически никто из них так и не дошёл до назначенного места встречи. После трёхнедельного плавания рыцари прибыли в гавань Св. Симеона в устье реки Оронта. Там их встретил Раймунд Пуатье, князь Антиохийский. Он предложил крестоносцам осадить крепости Алеппо и Шейзар, чтобы ослабить давление мусульман на свои земли. К несчастью, ни Людовик, ни Конрад не знали и не понимали истинного положения вещей и расстановки сил на Ближнем Востоке. Они отказали Раймунду, и,

продолжив путь по долине Оронта, к апрелю 1148 г. прибыли в Иерусалим. На общем совете с королём Иерусалимским было решено овладеть Дамаском, к которому крестоносцы подошли в мае. Но ...это были лишь благие начинания. Сил было мало, тем более что на помощь осаждённым из Алеппо прибыли 20 тысяч мусульман. Не удалось ни вернуть Эдессу, ни продолжить поход дальше. Силы крестоносцев иссякли, а разногласия в их стане привели к неуправляемости процесса. Конрад отплыл на родину, а Людовик ещё год оставался на Святой земле в качестве паломника.

Сирия после второго крестового похода

Непоследовательность и несогласованность действий крестоносцев была на руку арабам, которые готовились к джихаду – войне с европейскими завоевателями. Сын атабека Зенги Нур ад-Дин после нескольких попыток овладел Дамаском, после чего в его руках оказалась вся Сирия. Боясь объединения крестоносцев с Египтом, он изгнал фатимидов из этой страны.

Дело Нур ад-Дина продолжил его полководец Салах ад-Дин, ставший султаном Египта. Он победил крестоносцев в битве при Хаттине, захватил Иерусалим и практически все земли крестоносцев в Палестине. Теперь крестоносцам принадлежала лишь узкая полоска берега вдоль Средиземного моря, несколько крепостей недалеко от Тортозы и Латакии да Антиохийское княжество. Салах ад-Дин развил успех, захватив несколько крупных крепостей в Сирии. К несчастью, он заболел и умер. В Сирии больше не нашлось лидера, способного окончательно изгнать захватчиков. Установилось хрупкое равновесие, которое длилось почти сто лет.

Исторические портреты

Мануил I Комнин, византийский император

Михаил I Комнин (1118–1180 г.г.) – самый младший из четырёх сыновей императора Иоанна II Комнина.

В 1147 г. во второй раз через земли Византии прошли крестоносцы, теперь уже участники II крестового похода. Причём, испытали тяжести во много раз большие, чем участники первого похода. Мануил использовал тактику своего деда Алексея и выпроводил крестоносцев из Константинополя. Почти все они погибли под ударами турок-сельджуков.

В 1168 г. Мануил совместно с Иерусалимским королём предпринял неудачный поход против Египта.

Алиса, княгиня Антиохийская

Алиса (ок. 1110 г. – 1163 г.), дочь Иерусалимского короля Балдуина II и Морфии Мелитенской, жена Боэмунда II, князя Антиохии.

Мы часто умаляем роль женщины в историческом процессе, отводя ей второстепенную роль. К счастью, не все женщины с этим считаются, яркий пример тому – жизнь Алисы Антиохийской.

Её супружеская жизнь была недолгой. В 1130 г. она вышла замуж за норманнского князя Бозмунда II, а в следующем году он попал в засаду и погиб. Отец Алисы, король Балдуин, решил принять бразды правления в свои руки. Но у Алисы на этот счёт было другое мнение. Желая удержать власть, она решила найти себе покровителя... и выбрала известного нам Зенги, атабека Мосула и Алеппо, главного врага крестоносцев в тот период. Алиса послала гонца в Алеппо, предложив отдать свою малолетнюю дочь, которой едва исполнился год, замуж за сына Зенги. Вестник княгини был перехвачен и, после пыток, казнён. Возмущённая Алиса отказалась открыть ворота города и впустить представителей короля – Фулька Анжуйского и Жослена I Эдесского, и только благодаря вмешательству городской знати они смогли проникнуть в город. Княгиня бежала в цитадель Антиохии и пыталась оказать сопротивление, но, в конце концов, подчинилась воле отца и покинула город. В наследство ей выделили Латакию и Джеблу. Регентом был назначен Жослен I.

Вскоре отец Алисы скончался, передав корону Фульку Анжуйскому, за ним последовал и регент Антиохии Жослен II. У Алисы появился новый шанс прибрать к своим рукам богатое княжество с населением более 100 тысяч. И опять на её пути встали строптивые дворяне, не желавшие подчиняться женщине. Они срочно вызвали на помощь короля Фулька, но того отказались пропустить через свои земли Понс, граф Триполи и Жослен II (сын Жослена Эдесского). Говорят, что они боялись усиления роли короля, но есть версия, что их подкупила предприимчивая Алиса. Фульк проявил настойчивость и добрался в Антиохию окружным путём, часть дороги проплыв по морю, регентом он поставил себя самого.

Осенью 1135 г. Алиса начала переговоры с византийским императором Иоанном II Комнином, предлагая отдать свою шестилетнюю дочь за младшего царевича, будущего Мануила I. Но такой альянс казался антиохийской знати малопривлекательным. Начались поиски другого жениха для наследницы Антиохийского княжества. Жребий пал на Раймунда Пуатье, младшего сына могущественного герцога Аквитании. Но как обмануть Алису, которая желала сама править княжеством? Сделано это было по всем правилам закулисной средневековой интриги, о чём расскажем ниже. А Алиса, обескураженная коварством интриганов, перещеголявших её саму, леди Интриги, окончательно сошла с политической арены, проведя оставшиеся дни в Латакии.

Раймунд Пуатье, князь Антиохии

Раймунд Пуатье (? – 29 июня 1149), младший сын Гильома IX, герцога Аквитании и Филиппы, графини Тулузы, князь Антиохии с 1136 по 1149 г.г.

Как младший сын, Раймунд не имел прав наследовать владения отца, поэтому проводил беззаботную жизнь при дворе короля Англии. В то же время в далёком Антиохийском княжестве, которому не везло с правителями (два князя погибли в бою) и с 1119 г. (за

исключением 1126–1130 г.г.) управлявшемуся регентами, возникла острая потребность в полноправном действующем государе – мужчине, воине. Раймунд как раз подходил на такую роль, поскольку, по словам хрониста Гильома Тирского, отличался недюжинной силой и ловкостью, а также был хорошим наездником.

В это время (с 1131 по 1136 г.г.) обязанности регента исполнял король Иерусалима Фульк I Анжуйский, которому было хлопотно контролировать Антиохию. Он давно хотел передать княжество в надёжные руки. Фульк, хорошо знавший отца Раймунда, отправил в Лондон гонца – госпитальера Жерара Жебарра – вести переговоры, и тот убедил Раймунда Пуатье попытать счастья на новом месте. План был такой. У последнего князя Антиохии Боэмунда II, погибшего в бою в 1130 г., осталась вдова Алиса и малолетняя дочь Констанс. Раймунду, мужчине в расцвете лет, было предложено жениться на девочке и взять в приданное Антиохийское княжество. Помочь увещевать мать девочки Алису взялся патриарх Антиохии Радульф. Он сообщил Алисе, женщине молодой и привлекательной, что приехавший в город красавец Пуатье имеет виды на неё, чем польстил княгине и притупил её бдительность. Девятилетнюю Констанс похитили и тайно обвенчали с Раймундом.

Княжение в Антиохии доставляло Раймунду Пуатье одни неприятности. Сначала разгорелась война, но не с мусульманами, а с соседним христианским княжеством киликийских армян, которых поддерживал граф Эдессы Жослен II, также мечтавший завладеть тронem Антиохии посредством брака с несовершеннолетней наследницей. Не успела закончиться эта распря (победил Раймунд Пуатье), как под стены Антиохии с большим войском явился византийский император Иоанн II Комнин. Он напомнил новому князю Антиохии об обещании Боэмунда Тарентского вернуть Византии все земли, отвоёванные у мусульман, и потребовал отдать ему Антиохию. Раймунд согласился стать вассалом Византии, и император, удовольствовавшись этим, вернулся в Константинополь.

Но судьба готовила Раймунду Антиохийскому новые сюрпризы, теперь в лице мусульман. Наконец-то у них появился настоящий лидер, способный начать войну с завоевателями-крестоносцами. Это был Зенги. Он захватил Эдессу и подбирался к землям Антиохии. Когда Зенги был убит своим слугой, Раймунд вздохнул спокойно, но каково было его разочарование, когда он понял, что Нур ад-Дин продолжает начатое не хуже отца. Однако известие о начале второго крестового похода во главе с королём Франции Людовиком VII, целью которого было вернуть Эдессу, вселяло надежду. Как оказалось, призрачную. И сорвана она была... женщиной.

Встреча с участниками похода состоялась в порту Антиохии Сен-Симон, куда они прибыли морем. Раймунд тепло встретил прибывших. Много времени проводил с королевской четой – Людовик взял с собой в поход жену, герцогиню Аквитанскую Элеонору.

Свите короля молодой князь Антиохии очень импонировал. Красавец, силач, отважный рыцарь, победитель многих рыцарских турниров, к тому же ещё и поэт, он был красноречив и куртуазен, и весьма нравился женщинам. Впрочем, его способности к стихосложению особо не удивляли, так как его отец слыл известным трубадуром. Всё

куртуазное входило в Париже в моду, особенно с появлением там жены Людовика Элеоноры. Думается, королю не по вкусу пришлось такое внимание к своему бывшему подданному, но пуще всего его раздражала жена, всё больше внимания уделявшая своему родственнику. (Раймунд Пуатье приходился ей дядей). Хронист Гильом Тирский в своих текстах весьма прозрачно намекает, что между ними установились отнюдь не родственные отношения. Раздосадованный король спешно увёз скомпрометировавшую его жену в Иерусалим, а Раймунду Пуатье пообещал помочь после паломничества к Гробу Господню.

Князь Антиохии остался один, помощи ждать было неоткуда.

Тем временем Нур ад-Дин проявлял завидную активность, пытаясь найти бреши в обороне Антиохии. К 1149 г. мелкие стычки перешли в войну: Нур ад-Дин осадил важный стратегический объект Инаб на реке Оронт. Раймунд Пуатье нашёл хорошего союзника среди мусульманских соседей – вождя ассасинов. Курдского шейха по имени Али ибн-Вафа. Решающее сражение состоялось в конце июня 1149 г.

Констанция (1127–1163), княгиня Антиохии (1137–1163)

Констанция родила Раймунду четверых детей. После гибели мужа она недолго горевала и 1154 г. вышла замуж за авантюриста Рено де Шатильона, вассала семейства Пуатье. Но тот задержался в Антиохии ненадолго. В 1160 г. он попал в плен к мусульманам на 16 лет и после освобождения к жене уже не вернулся. К тому времени сын Констанции достиг совершеннолетия и заявил о своих правах на престол. Констанция, повторив путь своей матери Алисы, не захотела отдавать власть. Она обратилась за помощью в Киликию (армянское княжество), но жители Антиохии взбунтовались и изгнали её из города. Её сын Боэмунд III стал очередным правителем Антиохии.

Боэмунд III (1144–1201, князь Антиохийский (1162–1201)

Боэмунд в годы правления ничем особенным себя не проявил, хотя правил княжеством больше других антиохийских князей. В 1164 г. попал в плен к Нур ад-Дину в битве при Хариме. Через год был освобождён за большой выкуп. Позже потерял две крупные крепости княжества, считавшиеся неприступными, Сьон и Борзей. О нём можно было бы и не писать ничего, если бы не одно забавное обстоятельство, о котором сообщалось в книге Пьера Виймара «Крестовые походы».

«Дело было не только в том, что княжество Антиохийское никак не пыталось защитить свои земли, – пишет Виймар, – но и в том, что Салладину (Салах ад-Дину) помогала необычная шпионка, открывавшая ему все планы и намерения христиан: правящая княгиня Антиохийская (имеется в виду Сибилла, 3-я жена Боэмунда III), кокетливо заигрывавшая с великим победителем».

Не везло антиохийским князьям с женщинами.

Нур ад-Дин

Нур ад-Дин (в переводе с арабского языка «Свет религии») – второй сын тюркского атабека Зенги. В 1146 г. после гибели отца 29-летний Нур ад-Дин унаследовал Алеппский эмират, в этом ему помог курдский эмир Асадад-Дин Ширкух, дядя Салах ад-Дина. В первый же год правления молодому эмиру пришлось снова покорять Эдессу, завоёванную отцом, – жители города подняли восстание и вернули старого правителя Жослена II. В 1148 г. крестоносцы, прибывшие в Палестину во время второго крестового похода, вместо того, чтобы выполнить главную цель похода – освободить Эдессу, напали на Дамаск. Нур ад-Дин поспешил на помощь единоверцам, и крестоносцы отступили. В следующем году Нур ад-Дин в битве за замок Инаб под Антиохией победил объединённые силы Антиохийского княжества и ассасинов.

Положение Нур ад-Дина было очень сложным. Ему постоянно приходилось бороться с самыми разными противниками: своими собственными политическими соперниками – суннитами в Сирии, шиитской сектой исмаилитов и другими группировками в Египте, с Византией, которая вмешивалась в сирийские дела, и, наконец, с франками, пытавшимися овладеть Египтом и покорить после этого весь Ближний Восток.

Ключом к овладению внутренней Сирией (кроме побережья, находившегося в руках крестоносцев) был Дамаск, атабек которого Муин ад-Дин Анар, опасаясь северного соседа, старался опираться на поддержку франков. Сначала Нур ад-Дин попытался завладеть городом через родственные связи, взяв в жёны дочь Анара, но это не помогло. После нескольких попыток взять Дамаск силой он добился того, что новый атабек города Муджир ад-Дин в 1150 г. признал его своим сюзереном, и имя Нур ад-Дина стало упоминаться в хутбе, вечерней молитве, во всех мечетях. Видя, что взять Дамаск не так легко, Нур ад-Дин изменил тактику: он задабривал Увака лестью и подарками, а в это время его агенты вербовали сторонников в городе. В конце концов, в 1154 г. Нур ад-Дин приступил к очередной осаде. В один из дней, когда на одной из стен со стороны еврейского квартала не было защитников, какая-то еврейская женщина сбросила верёвку осаждавшим войнам.

Объединив Сирию, Нур ад-Дин начал борьбу с крестоносцами за Египет, где среди раздоров, смуты и предательств правил малолетний халиф Адид – последний из династии Фатимидов. И в Дамаске, и в Иерусалиме понимали: кто победит в схватке за Египет, тот получит полную власть в Сирии. Три раза Нур ад-Дин спасал Египет от захвата крестоносцами, посылая войска во главе с полководцем Ширкухом. Тот всегда брал с собой племянника Салах ад-Дина. Во время третьей экспедиции в 1169 г. Ширкух стал египетским визирем, но через год умер, и его место занял племянник.

Нур ад-Дин умер в 1174 г. от тяжёлой формы ангины, готовя очередной поход в Египет – на этот раз против своего подданного, которого не без оснований подозревал в желании объявить себя независимым.

Салах ад-Дин (1138–1193)

Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин (почётное имя – «Благочестие веры»), герой арабского сопротивления крестоносцев, родился в Тикрите. Отец Салах ад-Дина, Айюб, был правителем Баальбека при атабеке Зенги, а затем правителем Дамаска при Нур ад-Дине.

Салах ад-Дин рос, как и положено, молодому человеку из знатной семьи, занимаясь чтением Корана, арабской поэзией, философией, верховой ездой, охотой и шахматами. Ещё в юном возрасте он был представлен властителю Сирии Нур ад-Дину и с его одобрения принял участие в боевых походах своего дяди, полководца Ширкуха. В сражении с Иерусалимским королём Амальриком I в 1167 г. Салах ад-Дин впервые самостоятельно командовал военным отрядом и выдержал 75-дневную осаду христианской армии. Сменив в 1169 г. своего дядю Ширкуха, ставшего визирем при халифе Египта аль-Адиде, Салах ад-Дин начинает проводить мудрую взвешенную политику. После смерти аль-Адида в 1171 г. он становится единовластным властителем и проявляет себя не только как блестящий полководец, но и как мудрый правитель. Салах ад-Дин оживил экономику страны, провёл реформу армии, отменил официальную религию Египта – исмаилизм, и, после 250-летнего перерыва, восстановил суннизм.

Следуя советам отца, Салах ад-Дин вёл себя осторожно, всячески избегая конфликтов с Нур ад-Дином, своим формальным повелителем, и только после смерти последнего объявил себя султаном Египта.

Главной целью своей жизни молодой правитель считал борьбу с крестоносцами до полного их изгнания. Он верил, что именно ему предначертано стать во главе джихада против неверных.

Большие победы пришли не сразу. В 1174 г. Салах ад-Дин осадил Дамаск, но не смог взять город. В 1177 г. при попытке захватить порт крестоносцев Аскалон он потерпел серьёзное поражение от объединённого войска короля Балдуина и тамплиеров. Правда, через три года отквитался, захватив и разрушив замок Шатле возле Брода Иакова, важный стратегический пункт, открывавший дорогу к портам крестоносцев в Сирии. Заняв в 1182 г. Дамаск, Салах ад-Дин, таким образом, смог объединить суннитов и принять титул «Султана ислама и мусульман». Теперь крестоносцы столкнулись с объединёнными вражескими силами, во главе которых стоял единоличный властитель, чьей единственной целью было их уничтожение во имя Аллаха.

На руку Салах ад-Дину играла и разобщённость крестоносцев. Например, когда он вторгся в Триполи, тамплиеры, владевшие одним замком, а госпитальеры – другим, были настолько озабочены защитой собственной территории, что каждый остался в своей крепости, а граф Триполи Раймунд не хотел один идти на битву с Салах ад-Дином. В итоге три армии крестоносцев, хотя и находились поблизости, не препятствовали армии неприятеля спокойно передвигаться по этой территории, сжигать урожай, угонять скот, убивать жителей.

Когда в лагере крестоносцев обострилась борьба за освободившийся трон иерусалимского короля, Салах ад-Дин воспользовался этим раздором как нельзя лучше. Он вёл очень гибкую политику, и, пользуясь ситуацией, даже сближался на какой-то период с врагами,

если это приносило выгоду. В 1185 г. подписал соглашение с византийским императором Исааком II Ангелом, по которому тот обязался не оказывать помощь европейцам, а в 1187 г. заключил договор с правителем Триполийского княжества Раймундом, которого обещал сделать королём.

Наконец, наступила развязка, разрешившая клубок противоречий самым трагическим образом. Занявший трон Ги де Лузиньян, муж сестры Балдуина, направил послов в Триполи на переговоры с Раймундом. К своему удивлению, послы увидели, что по графству беспрепятственно передвигается 7-тысячный разведывательный корпус мусульман под предводительством сына Салах ад-Дина ал-Афдаля. Оказывается, Раймунд, действуя согласно договору, гарантировал безопасный проход войск противника по своей территории. Данное разрешение действовало в течение 24 часов. Находящиеся на переговорах рыцари Ги де Лузиньяна, всего их было 140 человек, приняли решение атаковать армию ал-Афдаля и практически все нашли свою смерть на поле брани. Это случилось 1 мая 1187 г., а через месяц произошла решающая битва, в которой решилась судьба Иерусалимского королевства.

В пустынной местности вблизи Тивериадского озера под названием Рога Хиттина расположились две армии. У крестоносцев было 1200 рыцарей и 15 тысяч пехотинцев, у мусульман – 12 тысяч рыцарей. Расстояние между армиями было 20 миль. Крестоносцы, несмотря на сильную жару, предприняли марш-бросок, который измотал их силы, и атаковали противника. Салах ад-Дин воспользовался слабостью стратегической позиции противника и разбил войска европейцев. Погиб весь цвет армии крестоносцев, большинство баронов во главе с королём попали в плен.

Развивая успех, Салах ад-Дин в течение двух месяцев взял Акру, Наблус, Яффу, Торон, Сидон, Бейрут и Аскалон. Двенадцать дней он осаждал Иерусалим, и 2 октября 1187 г. овладел городом. За два года Святая Земля вновь стала исламской территорией.

Салах ад-Дин навеки вписал своё имя в историю как победитель крестоносцев. Он был человеком со скромными запросами. Оставшихся после его смерти в 1193 г. денег едва хватило на оплату похорон. Однако именно он победил неверных, а его могила в Дамаске до сих пор является местом паломничества. Салах ад-Дин никогда не нарушал договор, данное им слово всегда выполнялось, побед он добивался в честном бою. Как друзья, так и враги считали, что Салах ад-Дин обладал всеми качествами высшей добродетели, такими, как справедливость, смелость, честность, верность, милосердие.

Третий крестовый поход

Когда папа Григорий отправил своих легатов к европейским королям, чтобы собрать третий крестовый поход, на его призыв откликнулось много желающих. Одним из первых был император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса. В 1189 г. он отправился в поход во главе 100-тысячной армии. Испытав в пути немало тягот и лишений, его армия не смогла дойти даже до Антиохии и распалась. Сам император утонул в реке.

За год до начала третьего крестового похода на святую землю прибыл влиятельный немецкий маркиз Конрад Монфератский, который, женившись на дочери Амальрика I Изабелле, заявил о своих претензиях на трон. Между тем Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна выкупили у Салах ад-Дина, и он, видя в Конраде соперника, решил атаковать крепость Акру в надежде восстановить бывшее могущество. Салах ад-Дин отразил атаку, но войска короля остались у крепости и стали держать осаду. В это время в Святую землю отправились король Англии Ричард I и король Франции Филипп Август. По дороге Ричард напал на Кипр и захватил остров. Оба короля почти одновременно приплыли в Палестину, их корабли причалили к пристани Акры.

Совместными усилиями крестоносцы взяли город. Филипп Август решил больше не участвовать в походе, и, посчитав его неперспективным, вернулся на родину. Ричард I остался и одержал несколько побед над мусульманами. Заключив с Салах ад-Дином мирный договор на пять лет, он вернулся в Англию.

Четвёртый крестовый поход

Не удовлетворившись результатами третьего похода, папа Иннокентий стал проповедовать среди паствы о необходимости четвёртого похода крестоносцев с тем, чтобы по результатам его слава сравнялась со славой первого похода. Славы он не принёс. Вместо похода в Святую землю, в 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь.

Пятый крестовый поход

Пятый крестовый поход начался в 1217 г. В нём принял участие беспорядочно организованный экспедиционный корпус, в который вошли добровольцы из разных стран: Кипра, Венгрии, Италии, Франции, Англии, Голландии и Австрии. Крестоносцы попытались захватить египетский город Дамьетту, надеясь, что эта стратегическая победа над султаном аль-Камилем из династии Аюбидов поможет им успешно продолжить движение на Иерусалим. Главным командующим армией крестоносцев стал папский легат испанский кардинал Пелагий.

Во время осады султана в Каире посетил Франциск Ассизский. Через Франциска аль-Камиль предложил христианам заключить перемирие. В случае, если крестоносцы покинут Египет, султан обещал им вернуть Святой Крест (который Салах ад-Дин захватил в битве при Хаттине) и отдал бы территорию, прилегающую к Галилее и всю центральную Палестину, включая Иерусалим. Пелагий отказался, полагая, что вредно вести переговоры с неверными. Армия крестоносцев атаковал Дамьетту, и в ноябре 1219 г. город пал. Но это была Пиррова победа. Оказалось, в городе свирепствует чума. Тем не менее, Пелагий два года продержал армию в 20 милях от Дамьетты, подвергая жизни солдат большой опасности. В конце концов, в июле 1221 г. Пелагий приказал армии в 600 кораблей и 50 тысяч солдат напасть на Каир, но выбрал неудачное время, когда начался разлив Нила. После 12-дневного похода европейская армия достигла равнины вблизи Каира. Однако мусульмане незаметно окружили их. В это время поднялся Нил, готовый принять армию крестоносцев в свою пучину. Пятый крестовый поход закончился полным поражением крестоносцев.

Шестой крестовый поход

Его возглавил император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен. Поход начался в 1228 г. Император избегал боевых действий и приступил к переговорам с султаном Египта аль-Камилем. Тот также не хотел войны и согласился отдать крестоносцам Иерусалим. В марте 1229 г. Фридрих вступил в город, а в мае уже отбыл на родину, посчитав свою миссию выполненной. Хотя есть и другие версии столь быстрого отъезда.

Арабские летописцы сообщали об одном случае, который мог повлиять на дальнейший ход событий. Однажды во время переговоров муэдзин, как обычно, созывал верующих на молитву. Султан из любезности к своему будущему союзнику хотел прервать муэдзина, однако Фридрих воспрепятствовал этому. Такая терпимость к исламу настроила крестоносцев против императора.

Нужно отметить, что договор Фридриха о возвращении Иерусалима не был оптимальным решением, так как город, как островок в море, оставался в центре вражеской территории. Крестоносцы торжествовали недолго. В 1244 г. султан Эюб из Хорезма призвал конницу туркмен и те выбили христиан из Иерусалима. Через несколько дней после этого армия крестоносцев была разбита в сражении при Газе и прекратила существование.

Седьмой крестовый поход

Его в 1248 г. возглавил французский король Людовик IX Святой. Король собрал 15-тысячное войско, в состав которого входило 3000 рыцарей и 5000 арбалетчиков. В 1249 г. армия на 36 судах переправилась на Кипр, где переждала зиму.

Подойдя к Египту, Людовик захватил Дамьетту, но тут «как всегда вовремя» вмешался Нил; река разлилась, и на полгода заперла армию в городе. Началось разложение боевого духа: вино, женщины, и прочие удовольствия. Когда Людовик повёл войска дальше, армия уже не представляла грозной силы и понесла урон в небольшом сражении под Эль-Мануром по дороге в Каир. Вместо того, чтобы отступить к Дамьетте, Людовик дал приказ осадить город. То, что не сделал противник, довершили тяжёлый климат, отсутствие продовольствия и антисанитария. Начались голод и болезни. К тому же король, ослабленный дизентерией, попал в плен. Через год он был выкуплен за большие деньги, и, не снискав лавров победителя, а скорее с позором, отплыл во Францию.

Восьмой крестовый поход

Восьмой поход крестоносцев изначально был только французским, его снова организовал Людовик IX. Это была последняя попытка европейцев вторгнуться в арабские земли. От других походов он отличался тем, что знать уже не хотела продавать своё имущество, чтобы отправиться в далёкие пустыни. Впервые руководству похода пришлось выложить свои деньги на организацию мероприятия и на оплату жалованья рыцарям.

Людовик дал клятву, что поедет в Святую Землю, но, по прошествии нескольких дней, на военном совете было решено плыть в Африку, в далёкий Тунис. Летом 1270 г. Людовик

вместе с тремя сыновьями и армией отправился в далёкое плавание. Крестоносцы высадились в гавани древнего Карфагена и приступили к осаде столицы, также носящей название Тунис. Во время осады рыцари много претерпели от голода и болезней; умер король Людовик и его младший сын.

В это время на выручку подросло большое войско короля Сицилии Карла I Анжуйского. Король Туниса согласился платить Карлу I большую дань и разрешил христианским священникам проповедовать среди местного населения. На обратном пути разыгралась буря, которая унесла жизни 4-х тысяч воинов.

Тем временем крестоносцы в Сирии и Палестине доживали свои последние дни. В 1271 г. преемник Бейбарса султан Калаун возобновил военные действия и вскоре изгнал последнего захватчика с арабской земли.

Выводы

Благая цель освободить христианские святыни в Святой Земле благодаря алчности руководителей I крестового похода была подменена корыстными действиями последних во имя личного обогащения. Этим принципом руководствовались и лидеры последующих походов крестоносцев. Захватив лучшие земли Сирии и Палестины, европейские рыцари, упиваясь своей властью, ввели для местных крестьян непомерные налоги. Поэтому, когда арабские вожди активизировали усилия в противостоянии крестоносцам, местные крестьяне оказывали поддержку полководцам-освободителям. Изначально затея крестоносцев была обречена на неудачу.

Так почему же после сокрушительного поражения от арабов в битве при Хиттине небольшие силы европейских рыцарей ещё около ста лет оставались на Ближнем Востоке? Несомненно, благодаря таким мощным фортификационным сооружениям, как крепости в Триполи и Тортозе, таким грозным неприступным замкам как Крак де Шевалье и Маркаб.

Объективно говоря, оборонительные сооружения сыграли в военном противостоянии Востока и Запада решающую роль. Арабские крепости Алеппо и Дамаска так и не были взяты европейскими рыцарями, что позволило, в конце концов, организовать мощное противостояние экспансии крестоносцев. В свою очередь, оборонительные сооружения европейских рыцарей были последним словом фортификационного искусства. Они могли бы ещё дольше продлить агонию государств-крестоносцев на ближневосточной земле, если бы пополнялись новыми силами. К концу XIII века численность обороняющихся рыцарей стала такой незначительной, что им было уже невозможно обеспечить действенную оборону своих крепостей.

К счастью, стены многих крепостей и замков Сирии устояли не только от действий воюющих сторон, они оказались неподвластны и разрушительной силе времени. По прошествии более 700 лет после ухода крестоносцев и последующих вплоть до начала XV века нашествий монгольских армий, многие фортификационные сооружения сохранили свой грозный вид и конструктивные особенности. И по сей день они привлекают внимание учёных, путешественников и туристов.

В этом мне видится большая заслуга правительства Сирии, уделяющего внимание реставрации памятников фортификационного зодчества как неотъемлемой части истории, культуры и архитектуры предшествующих поколений.